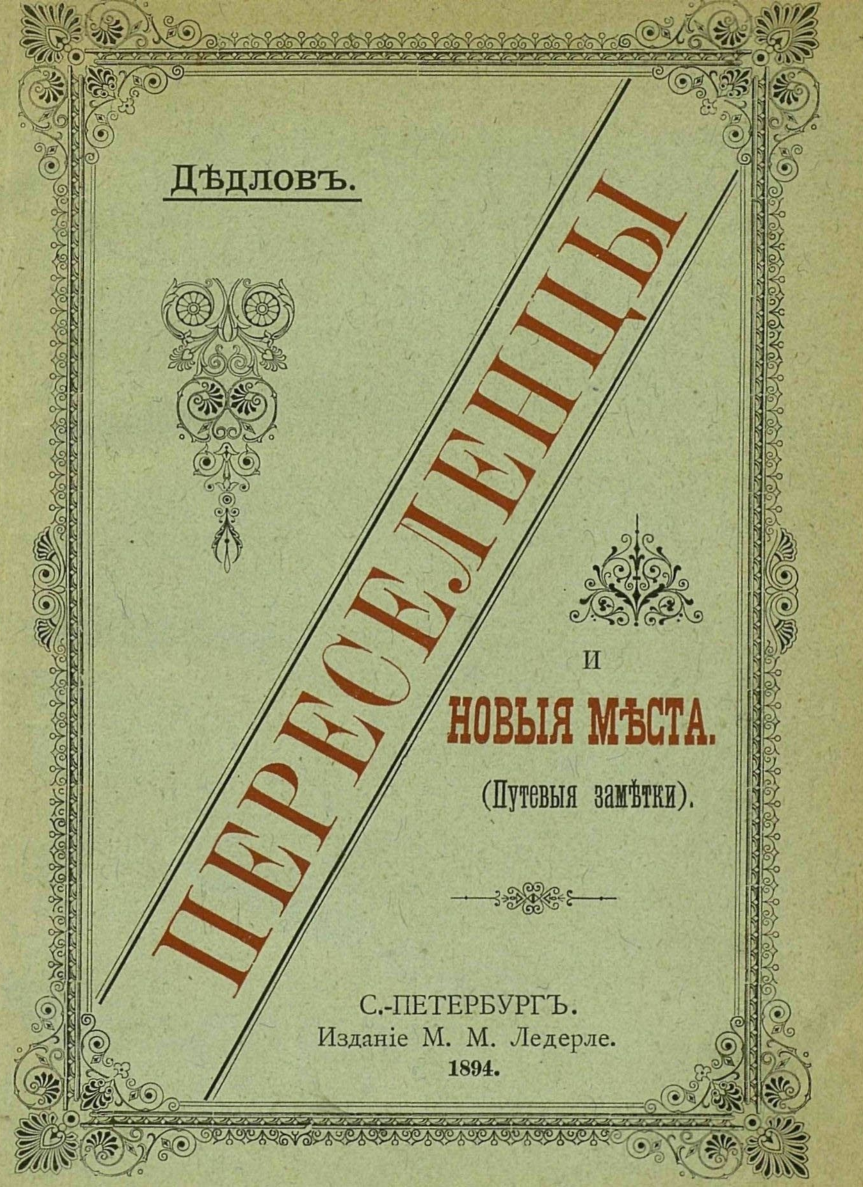

Б9 01/230

ДѢДЛОВЪ.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

И

НОВЫЯ МѢСТА.

(Путевыя замѣтки).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. М. Ледерле.
1894.

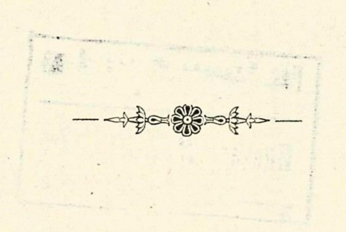
Дѣдловъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

и

НОВЫЯ МѢСТА.

Путевыя замѣтки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. М. Ледерле и К⁰.
1894.

Типографія Контрагентства жел. дорогъ. Лиговская, 89, уг. Свѣчнаго пер.

У насъ надъ *i* непремѣнно нужно поставить точку: иначе скажутъ, что это не буква, а зловредный знакъ черной магіи. Такою точкой и должно быть это предисловіе.

Въ послѣднее время ходили дикіе слухи, будто кто-то хочетъ вернуть крѣпостное право. Самымъ надежнымъ къ тому средствомъ является будто-бы воспрещеніе крестьянскихъ переселеній. Кто противъ переселеній, тотъ—явный крѣпостникъ; кто находитъ въ нихъ темныя стороны, тотъ крѣпостникъ тайный. Читатель увидитъ, что я далеко не въ восторгѣ, ни отъ переселенцевъ, ни отъ «новыхъ мѣстъ», и я боюсь попасть въ крѣпостники.

Не будьте поспѣшны, читатель. Пересмотрите журналы и газеты за 87—91 годы и припомните также, что въ это время особенно тревожило васъ самого. Это было—нѣмецкій «Drang nach Osten». Тогда выяснилось, что русская Польша на половину германизована, что западный край наводненъ нѣмцами, что на югѣ ростъ колонистскаго землевладѣнія принялъ угрожающіе размѣры,—что между нами и нѣмцемъ начинается и уже началась «борьба за существованіе». Это тревожило и волновало насъ чрезвычайно, но потомъ мы вдругъ успокоились и начали, въ такомъ же чрезвычайномъ волненіи,

проповѣдывать... переселеніе русскихъ въ Азію. Воображаю, какъ это пріятно слушать нѣмцу!

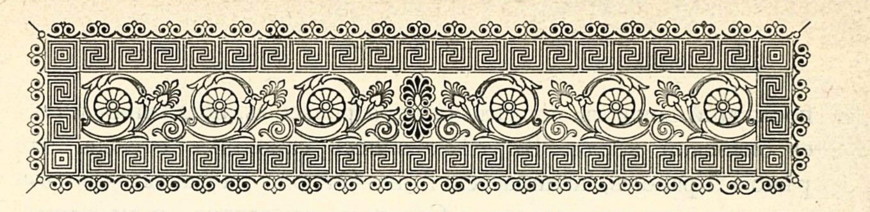
Я не противъ переселеній, но убѣжденъ, что ихъ нужно направить не въ Азію, гдѣ пока достаточно военной, казачьей колонизаціи, а на западъ и югъ Европейской Россіи, гдѣ намъ грозитъ большая опасность. Кромѣ того, надо употребить всѣ усилія, чтобы повысить экономическій и культурный уровень мужика, вообще, а западнаго и южнаго, въ особенности. Вы скажете, это задачи трудныя,—кто же говоритъ, что легкія! Вы скажете, что это невозможно,—но въ такомъ случаѣ такъ прямо и сознавайтесь, что нѣмецъ долженъ вытѣснить насъ изъ Европы, а мы должны уйти въ Азію, гдѣ и одичаемъ.

Вотъ моя точка надъ *і*.

Замѣтки, составившія эту книжку, писаны въ 1891—92 годахъ и въ первоначальномъ своемъ видѣ печатались въ «Книжкахъ Недѣли».

Авторъ.

НОВЫЯ МѢСТА.

Оренбургъ.

Безконечная, плоская какъ столъ равнина. Всюду пески, тамъ и сямъ солонцы, полынь, саксаулъ, караваны верблюдовъ, вѣтры, палящій зной лѣтомъ и невыносимая стужа зимой... Такимъ представлялся мнѣ Оренбургъ, съ которымъ я былъ знакóмъ только по біографіи Тараса Шевченки да по «Капитанской дочкѣ» Пушкина. Самое названіе города звучало непріятно. Среди азіятской пустыни и вдругъ нѣмецкій городъ Оренбургъ! Съ какой стати вдругъ *Орен?* Основанъ городъ Бирономъ, и невольно, въ связи съ именемъ этого Грознаго остзейскаго происхожденія, думалось, что *Орен* прибавлено къ *бургу* не къ добру. Кому-то въ этомъ бургѣ, должно быть, рѣзали уши, можетъ быть даже носы, а то такъ и головы.

По желѣзной дорогѣ подъѣзжаемъ къ Оренбургу. Самый конецъ апрѣля, но на дворѣ зима. Всю ночь въ окно вагона видна была слегка взволнованная степь, покрытая тонкимъ слоемъ снѣга. На платформахъ станцій тоже снѣжокъ. Вагоны слегка обледенѣли, печи усердно топятся. Настаетъ утро, но и утромъ не теплѣе. Поѣздъ останавливается у большого красиваго вокзала,—и дѣлается жутко. Вѣдь, это

послѣдній вокзалъ, послѣдняя пара рельсовъ, послѣдняя пядь европейской земли. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отсюда, за рѣкою Ураломъ, начинается Азія. Отсюда на западъ—вольная дорога, куда хочешь. Садитесь въ вагонъ, и на одиннадцатый день васъ высадятъ въ Лиссабонѣ. Не то, если вы направитесь на востокъ, не въ Лиссабонъ, а въ Пекинъ. Вмѣсто вагона—верблюдъ, вмѣсто одиннадцати дней—полгода. Да и въ полгода едва-ли вы доѣдете... живымъ: или китайцы низачто-нипрочто заживо распилятъ васъ пополамъ деревянной пилой, или тутъ-же въ виду Оренбурга пристукнутъ конокрады киргизы или свои-же казачки, которые переодѣваются для грабежа киргизами.

Съ вокзала васъ везетъ извозчикъ страннаго вида. Страненъ онъ самъ, потому-что онъ татаринъ; странна его безпокойная, плохо выѣзжанная лошаденка киргизской породы; но страннѣй всего экипажъ: маленькая долгуша на дрогахъ. Путь къ гостинницѣ идетъ пустынной песчаной площадью, на далекихъ окраинахъ которой виднѣются дома. За площадью налѣво, среди сосноваго сада, окруженнаго высокимъ каменнымъ заборомъ, стоитъ какое-то бѣлое каменное зданіе. По угламъ его — башни съ китайскими кровлями. Изъ-за нихъ подымается минаретъ, увѣнчанный полумѣсяцемъ. Зданіе называется Караванъ-Сарай. Тутъ живетъ губернаторъ послѣдней европейской провинціи.

Недалеко отъ Караванъ-Сарая высится огромный строющійся соборъ, а противъ него четырехъ-этажная совершенно европейскаго вида гостинница. Бѣдный соборъ, бѣдная гостинница! Жутко вамъ на порогѣ Азіи!

Съ тѣмъ-же жуткимъ чувствомъ смотрю я изъ оконъ моего европейскаго номера на площадь азіятскаго города.

Да, дѣйствительно тутъ Азія. Вонъ, гурьбами ходятъ татарки, съ головою кутаясь въ свои кафтаны. Вонъ, проскакали на мохнатыхъ лошаденкахъ двое башкиръ, съ высоко поднятыми ногами, сидя лѣвымъ плечомъ впередъ, въ правой рукѣ ногайка. Вотъ, и верблюды, а на верблюдахъ киргизы, по одному и по двое... Киргизъ на верблюдѣ — это уже эссенція Азіи. Азія здѣшняя въ свой чередъ эссенція этой части свѣта. Видѣлъ я Палестину, видѣлъ Сирію, видѣлъ западный берегъ Малой Азіи, но тамъ Азія все-таки приличнѣй и красивѣй. О Сиріи, странѣ красавцевъ-людей и красавицы-природы, уже и говорить нечего. Но и въ другихъ мѣстахъ люди были болѣе людьми, чѣмъ эти киргизы, а верблюды болѣе походили на твореніе Божіе, чѣмъ верблюды здѣсь. Здѣсь это куча тулуповъ. На киргизѣ тулупъ, его малахай—кусокъ тулупа, верблюдъ — тулупъ, вывороченный наизнанку. И эта куча движется на четырехъ ногахъ, похожихъ на ходули; на длинной шеѣ — всклокоченная овечья голова, которая ворочается въ разныя стороны какъ флюгеръ и жалобно стонетъ и рычитъ. И эдакими-то чудищами населены колоссальныя области: Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская и Семирѣченская... Куда я заѣхалъ! Гдѣ построенъ этотъ Оренбургъ!

Съ стѣсненнымъ сердцемъ легъ я спать, и мнѣ снились далекія южныя и западныя страны и города. То Парижъ съ его чудомъ цивилизаціи, выставкой и Эйфелевой башней; то Неаполь, Везувій, блескъ лазурнаго моря, роскошь полу-тропическихъ садовъ, сладкіе звуки мандолинъ и гитаръ; то античныя развалины Бальбека. Я видѣлъ все это, я былъ тамъ, но все время я чувствовалъ за собою, за спиной, въ какомъ-то кускѣ мрака верблюда, а на верблюдѣ киргиза,—

а киргизъ съ острымъ ножемъ все тянется, каналья, къ моимъ ушамъ...

И все это произошло оттого, что я зналъ Оренбургъ только по біографіи Шевченки да по «Капитанской дочкѣ»; и все это оказалось вздоромъ. Оренбургъ совсѣмъ европейскій городъ, и притомъ премилый, даже красивый. Лучшая его часть вся застроена привѣтливыми каменными домами въ два и три этажа. Много казенныхъ зданій. Два корпуса, институтъ, больницы, присутственныя мѣста таковы, что ихъ не совѣстно было-бы помѣстить и въ Петербургѣ. У многихъ домовъ зеленые садики и палисадники. Въ садикахъ—пирамидальные тополи, часто однако вымерзающіе. Громадные гостинные дворы, гдѣ самое настоящее россійское купечество торгуетъ какими угодно товарами, отъ подержанной мебели до шелковъ и бархатовъ. Нѣсколько типографій, мѣстная газета, афиши, объявляющія о пріѣздѣ оперной труппы, которая оказалась вполнѣ приличной,—чего-же вамъ еще! Народъ благообразенъ, даже красивъ, и нетолько здоровъ, но здоровененъ. Я сразу воспрянулъ духомъ и принялся усиленно знакомиться съ Оренбургомъ. Чѣмъ больше я знакомился съ нимъ, тѣмъ больше онъ мнѣ нравился. Азіятскія его черты, которыя до того наводили на меня уныніе, теперь только прибавляли прелести и новизны.

Оренбургъ мнѣ живо напомнилъ Дамаскъ. И тотъ, и другой стоятъ на рубежѣ культуры и варварства. Отъ обоихъ на западъ хорошія дороги,—у Оренбурга желѣзная, у Дамаска шоссейная,—осѣдлое населеніе, христіанство, «Европа»; а на востокъ — безграничныя степи, кочевники, степные табуны, овцы, верблюды, мусульманство. И въ Оренбургѣ и въ Дамаскѣ — послѣднія рощи и послѣднія большія воды. И

тамъ и тутъ базары и гостинные дворы. И тамъ и тутъ смѣсь востока и запада. Конечно, Оренбургъ меньше, но онъ во сто разъ болѣе европейскій городъ, чѣмъ Дамаскъ. Оренбургъ, какъ городъ, не такъ живописенъ, но его воды и рощи лучше дамаскихъ и такъ-же характерны. Эти воды и рощи поражали меня тѣмъ больше, что я никакъ не ожидалъ ихъ встрѣтить.

Первой пріятной неожиданностью была вѣковая роща за Ураломъ, которая видна съ нагорнаго городского берега. Въ началѣ мая деревья чуть были покрыты зеленью, которая имѣла нѣжный молочно-дымчатый оттѣнокъ. Подъ ея покровомъ старые громадные осокори и серебристые тополи пріобрѣтали что-то наивное, нѣжное, дѣтское. Надъ ними было такое-же нѣжное, свѣтлоголубое весеннее небо. Подъ ними лежало ихъ отраженіе въ неширокомъ зеленомъ Уралѣ. Направо отъ рощи уходила въ даль безграничная степь, подымаясь къ горизонту, какъ море... Ничего подобнаго я не ожидалъ! Да вѣдь это «видъ на Азію», эта зеленая не-русская рѣка, ея обрывистый и скалистый темнокрасный берегъ, роща гигантскихъ тополей и подобная морю степь! Можно больше не видѣть во снѣ Неаполя и Парижа.

Внутри рощи удивительно хорошо. Причудливая Азія послѣ апрѣльскаго снѣжка вдругъ разгорѣлась настоящими жарами, доходившими до 28° R. въ тѣни, и роща развернула всѣ свои прелести. Листья на деревьяхъ распустились и заблагоухали. Жимолость, таволожникъ и шиповникъ зацвѣли одинъ за другимъ. Распустились ландыши, и нигдѣ я не видѣлъ ландышей, которые благоухали-бы такъ сильно и такъ сладко, какъ здѣшніе. Травы вытягивались не по днямъ, а по часамъ. У грачей на макушкахъ деревъ нача-

лись неугомонные хлопоты и разговоры. Лягушки хохотали до упаду. И чуть не въ каждомъ кустѣ пѣлъ свою хрустальную, отчетливую, глупенькую, но удивительно милую пѣсню соловей. Роща вся дышала и дрожала этими звуками и благоуханіями. Просто нельзя было до-сыта налюбоваться ею, бродя между громадными стволами азіятскихъ тополей то стоявшихъ прямыми колоннами, то наклоненныхъ другъ къ другу и перекрещенныхъ, то прикрывавшихъ своими кронами озерца и затоны, заросшіе водяными лиліями и тростникомъ, то разступавшихся на зеленыхъ полянахъ. Кусты и болѣе молодые и низкіе вязы дополняли убранство этого живого зданія рощи, ея залъ и корридоровъ. Воздухъ былъ сухой, азіятскій; ни тумановъ, ни росы. Зато иными ночами, вслѣдъ за знойнымъ днемъ, слѣдовали морозики, прихватившіе молодой дубовый листъ.

За рощей — степь. Широкая дорога идетъ на югъ, въ Илецкую Защиту. Оттуда тянутся на волахъ обозы съ солью и караваны верблюдовъ съ товарами. И волы, и верблюды, и скрипучія грязныя телѣги дики, но такъ оно и слѣдуетъ въ Азіи. Дорога тоже дикая, широкая, безъ границъ, съ множествомъ проторенныхъ колеинъ. Чѣмъ дальше въ степь, тѣмъ меньше движенія, тѣмъ сильнѣе вѣтеръ. Въ двухъ верстахъ отъ города громаднымъ четырехъугольникомъ стоитъ приземистый Мѣновой дворъ, теперь пустой, оживляющійся лѣтомъ во время ярмарки. Мѣновой дворъ тоже что-то порядочно дикое. Извнѣ онъ представляется высокимъ каменнымъ заборомъ, безъ оконъ и дверей, съ двумя башнями надъ двумя воротами. По угламъ бастіоны, гдѣ когда-то стояли пушки. Теперь на нихъ поставлены скворешницы, это знамя русскаго мирнаго завоеванія. Внутри Мѣновой

дворъ представляетъ собою громадную площадь, окруженную каменнымъ рядомъ лавокъ. Штукатурка кое-гдѣ обвалилась, вездѣ стѣны загрязнены степной пылью, но это такъ и слѣдуетъ въ Азіи.

За Мѣновымъ опять степь, ровная какъ полъ. Мы пробовали идти, зажмуривъ глаза, — и нигдѣ не споткнулись. Еще три версты такой равнины,—и начинаются легкіе холмы, послѣдніе отроги Урала, расползшіеся на сотни верстъ въ ширину. Чѣмъ выше холмъ, тѣмъ онъ безплоднѣй и каменистѣй. Мы остановились на первомъ. На сѣверѣ виднѣлся на своей горѣ Оренбургъ; у подножія горы—великолѣпная роща; наверху стройныя церкви и большія четырехъ-и пятиэтажныя зданія. Отсюда, изъ степи, Оренбургъ совсѣмъ «городъ на горѣ, дабы всѣмъ видѣнъ былъ». Киргизы должны разсказывать о немъ въ своихъ степяхъ что-нибудь подобное тому, что говорятъ арабы о Дамаскѣ. На югѣ, чередуясь, лежатъ цѣпи холмовъ. Тамъ—ни зданія, ни кустика, ни ручья. Взамѣнъ — дрожащее и передвигающееся марево, похожее на огромное далекое озеро. По этимъ безплоднымъ холмамъ и плодороднымъ лощинамъ, среди миражей, еще очень недавно, на памяти старожиловъ, киргизы уводили русскихъ плѣнниковъ въ Хиву и Бухару. Теперь чрезъ хивинскія и бухарскія земли проложена русская желѣзная дорога. Да, мы идемъ впередъ, мы цивилизуемъ, мы цивилизуемся, но надо идти еще скорѣй, еще скорѣй! И это вполнѣ возможно. Надо только взяться за дѣло съ тою-же энергіей, съ какой мы воевали, строили желѣзныя дороги и проводили телеграфы.

Въ степи равномѣрно дуетъ легкій вѣтеръ, пропитанный запахомъ травъ, и до странности равномѣрно что-то гово-

ритъ. Онъ слегка мѣняетъ интонаціи, мѣняетъ, должно быть, предметъ своей бесѣды. Станьте къ нему лицомъ, — и онъ говоритъ громче, энергичнѣй, настойчивѣй. Обернитесь спиной, — онъ приникаетъ къ вашему уху и журчитъ подобно ручью, потихоньку рокочетъ и шепчетъ, слегка развѣвая вашу одежду и трепля волосы. Ни на секунду онъ не стихнетъ, ни разу не закрѣпчаетъ. Нашъ извозчикъ выбросилъ изъ ямы набившіяся туда сухія перекати-поле, и вѣтеръ, точно обрадовавшись игрушкѣ, подхватилъ ихъ и полегоньку погналъ передъ собой, то катя бокомъ, то кувыркая черезъ голову.

Но и степь, и уральская роща еще не главная прелесть Оренбурга. Еще лучше рѣка Сакмара, впадающая въ Уралъ въ четырехъ верстахъ ниже города. Туда дорога идетъ тоже степью. Степь постепенно подымается, и когда вы взойдете на вершину холма, предъ вами и подъ вами открывается глубокая долина, наполненная зелеными облаками лѣсныхъ вершинъ, между которыми тамъ и сямъ просвѣчиваетъ узкая полоска Сакмары. И общій видъ, и рѣка, и ея рощи носятъ отпечатокъ чего-то непривычнаго. Кругомъ степь, съ полынью и ковылемъ, а внизу лѣса и тучные луга. День былъ жаркій, знойный, теперь вечерѣетъ,—ждешь на рѣкѣ тумана, а въ лѣсу росы; но воздухъ даже у самой рѣки сухъ и прозраченъ, какъ наверху въ степи. Необъятная, высушенная степь тотчасъ же жадно впиваетъ въ себя малѣйшую каплю воды, малѣйшее дыханіе тумана. Рощи на Сакмарѣ—или вязовыя, или тополевыя, или ветловыя. Тополь и бѣлая ветла оригинальнѣй. Прямыя какъ струны стволы; мало вѣтвей; надъ головой—полупрозрачный покровъ листвы; внизу—рѣдкая, но высокая и широкая, какъ ленты, сочная трава. Точь-

въ-точь такія ветловыя и тополевыя заросли я видѣлъ вокругъ Дамаска и въ долинѣ Келе-Сиріи. Только тамъ вмѣсто желтой Сакмары бѣгутъ хрустальные ручьи по блѣдно-синимъ камнямъ. Но хороша и желтая Сакмара. Она течетъ среди свѣтлыхъ тополей и тѣнистыхъ вязовъ необыкновенно быстро, съ водоворотами и глубокими омутами. Ея желтые берега изорваны. Мѣстами Сакмара насыпала отмели крупнаго песка, заросшія тальникомъ, лопушистой мать-мачихой, ежевикой и длинными, рѣдкими травами. Воздухъ тепелъ, но прозраченъ,—и рощи, берега. отмели стоятъ точно нарисованные. Въ пейзажѣ странно сочетались русскій югъ и великороссія, малороссійскія степи съ сѣверной рѣкой. Это не югъ, но и не сѣверъ. Это напоминаетъ Сирію, которую я уже не разъ вспоминаю здѣсь. Но это и суровѣй Сиріи, это преддверіе средней Азіи.

Мнѣ еще не разъ придется возвращаться къ Оренбургу. Теперь же я непремѣнно долженъ сказать, что тѣмъ туристамъ, которые заѣзжаютъ по Волгѣ въ Самару, грѣхъ не завернуть въ Оренбургъ, до котораго всего четырнадцать часовъ ѣзды. Азія, которая видна изъ оконъ Оренбурга, стóитъ того, чтобы на нее взглянуть,—взглянуть на эти чудныя рощи, на степь, на быструю Сакмару, на медленный, зеленый, еле доползающій до моря Уралъ. Я увѣренъ, что сюда современемъ будутъ ѣздить.

Еще пріятное открытіе: *Орен* прибавлено къ *бургу* не въ память отрѣзанныхъ ушей, а по рѣкѣ Ори, при впаденіи которой въ Уралъ первоначально былъ построенъ Оренбургъ.

Отъ Оренбурга до Орска.

Красавица полу-Азія скоро показала когти. Цѣлый мѣсяцъ не было дождя. Зимнюю влагу выпили сухой воздухъ и раскаленная до 50° R. степь. Поверхность почвы какъ-бы сплылась и, при страшныхъ жарахъ, засохла. Жары и сушь ужасны. Ужасны и ихъ послѣдствія. Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ Самарская и Оренбургская губерніи не видѣли урожая. Неистощимо плодородная земля не приноситъ ничего, кромѣ разоренія. Населеніе обнищало и впало въ какое-то нехорошее отупѣніе. Въ 91-омъ году вначалѣ были надежды на урожай, но къ концу мая онѣ рушились. И больно, и страшно было смотрѣть на озимую рожь, колосъ которой омертвѣлъ и побѣлѣлъ, какъ бѣлое перо. Яровые еще держались, но были низки и начинали рѣдѣть, такъ что сквозь ихъ ссыхающуюся зелень видна была раскаленная, изнемогшая, разсыпавшаяся прахомъ земля. Это страшныя мѣста, коварныя,—эта полу-Азія... Она заманиваетъ въ себя тучной землей-цѣлиной, просторомъ, красивыми рѣками, могучими приръчными рощами; для пущей приманки время отъ времени, въ десять лѣтъ разъ, она засыплетъ хлѣбомъ, озолотитъ каждою бороздой, обогатитъ купца и по горло накормитъ мужика. Вѣсть о богатствѣ, упавшемъ съ неба, разнесется далеко по русской землѣ. Бросятся сюда переселенцы, толпы рабочихъ, рои съемщиковъ земель. Пашутъ, сѣютъ, строятся; работа кипитъ, надежды, одна радужнѣй другой, кружатъ головы, въ землю зарываютъ трудъ и деньги... И тутъ-то полу-Азія и выпуститъ свои когти: нашлетъ зимою морозы, лѣтомъ бездождіе, жары, градъ, — и начнетъ выса-

сывать кровь изъ довѣрчивыхъ жертвъ, покуда не высосетъ ее всю. Уже въ концѣ мая надъ краемъ сталъ подыматься призракъ отнынѣ знаменитаго голода зимы 189¹/2 годовъ. Въ это время я выѣхалъ изъ Оренбурга на сѣверъ губерніи,—и жутко было ѣхать.

Дорога изъ Оренбурга въ Орскъ идетъ правымъ берегомъ Урала, линіей казачьихъ станицъ, поселковъ и «отрядовъ». Когда вы ѣдете въ Орскъ, налѣво у васъ — горы, «сырты» по здѣшнему, и въ горахъ башкирскій народъ; а направо, за Ураломъ, — народъ киргизскій. Киргизы занимаютъ территорію почти въ два милліона квадратныхъ верстъ; башкиры—гораздо меньше, тысячъ около ста. И вотъ, между этими-то двумя благородными націями былъ забитъ клинъ оренбургскихъ казаковъ. Башкирско-киргизская сила отъ этого клина треснула и раскололась. Киргизы ограничиваются теперь тѣмъ, что воруютъ лошадей; башкиры даже и этимъ не занимаются. Киргизы мало-по-малу начинаютъ заниматься земледѣліемъ и довольно ревниво оберегаютъ свои земли отъ вторженія русскихъ мужиковъ. Башкиры, которымъ послѣ «уфимскихъ хищеній» запретили пропивать свои земли чиновникамъ и купцамъ, пропиваютъ ихъ переселенцамъ изъ мужиковъ и мѣщанъ.

Изъ Оренбурга я выѣхалъ часовъ около десяти утра. Рощи и рѣки Оренбурга остались позади, а впереди разстилалась скудно зеленѣющая степь, по которой перебѣгали миражи-озёра. Вдали, это цѣлыя моря; вблизи, всего въ десяткѣ саженей впереди, — рябящія какъ-бы отъ дуновенія вѣтра лужи и лужицы. Степь, степь, степь; ни кустика, ни деревца, ни посѣвовъ, и наконецъ впереди выростаетъ какой-то городъ. Видны странные, очень высокіе и узкіе бѣло-жел-

тые дома, видны башни, видны громадныя деревья, а вправо отъ города — безграничное, сверкающее какъ полированная сталь озеро. Мы подъѣзжаемъ ближе, — и городъ превращается въ некрытый казачій поселокъ Нѣжинскій; деревья— тощія ветлы, а озеро оказывается миражемъ.

Далѣе снова степь; но съ нею начинается что-то неладное. То тамъ, то здѣсь подымаются бугры красно-рыжаго цвѣта; кое-гдѣ на этихъ буграхъ—каменныя осыпи.

Новая казачья станица, тоже плохо крытая,—Каменно-Озерная. Казака сейчасъ-же отличите отъ мужика. Казаки и казачки высоки, стройны, прямы. Мужикъ въ сравненіи съ нимъ и жидковатъ, и косматъ, и приземистъ. Казаки и съ лица красивы, хотя нѣсколько и безцвѣтны, какова впрочемъ и вся Русь. Этой безцвѣтностью объясняется то, что русское лицо не декоративно: его надо разсматривать вблизи. Вблизи, у казака или казачки лица красивой овальной формы. Глаза большіе, свѣтлоголубые и дерзкіе; носы прямые, сухощавые, благородные,—не то что мужицкія луковки. Вся повадка у казака—наглая, непокорная, какъ у хищнаго звѣря. У хищныхъ даже любовь выражается борьбой. Злыя кобылы лягаются, и всерьезъ; кошки царапаются, и тоже не на шутку. Хищникъ не хочетъ подать вида, что онъ чему-либо подчинился, хотя-бы даже и любви, которая себѣ все подчиняетъ. То же самое и у казаковъ. Я видѣлъ сцену ухаживанья такого рода. *Онъ* и *она* стоятъ саженяхъ въ пятнадцати другъ отъ друга. Она бросаетъ въ него камнями; онъ отвѣчаетъ такою-же бомбардировкой, но, какъ галантный кавалеръ, бросаетъ не камни, а комья ссохшейся земли. Перестрѣлка длится довольно долго. Но вотъ она хватила его камнемъ въ плечо. Онъ разозлился и здоровеннымъ комомъ

ударилъ ей въ грудь. Ей слѣдовало-бы проломить ему голову, но культура уже настолько завоевана казакомъ, что казачка на смертоубійство не рѣшилась, а разразилась градомъ ругательствъ. Ругается, лицо горитъ самой настоящей злостью, глаза мечутъ искры... Онъ отвѣчаетъ столь же злыми издѣвательствами. Словомъ,—два злѣйшихъ врага, а какъ потомъ мнѣ сказалъ ямщикъ, это были влюбленные женихъ и невѣста. Словомъ, казакъ всегда и вездѣ долженъ имѣть такой видъ, какъ будто впереди у него киргизъ съ пикой, а позади башкиръ съ шашкой. Казакъ всегда долженъ быть золъ, какъ передъ боевой схваткой, но въ то же время и хитеръ, какъ человѣкъ, которому всюду грозятъ засады. Вглядитесь въ его глаза: какъ они пронизываютъ и сверлятъ незнакомаго человѣка, какъ они ловятъ выраженіе вашего лица. Бесѣда казака — допросъ. Его вопросы — ловушки. И такъ наглы и подозрительны всѣ—и мужчины и женщины, старики и дѣти. Всѣ они, безъ различія пола и возраста, какіе-то дерзкіе и смѣлые двадцатилѣтніе ухари. Особенно непріятно видѣть это въ старикахъ и дѣтяхъ. Должно быть, въ XVI, въ XVII столѣтіи, до Юрьева дня и первыхъ признаковъ культурности, вся Русь была такова: сильная, жесткая, смѣлая и полудикая.

Въ Каменно-Озерной я видѣлъ станичное управленіе, по нашему, волость. Старшина называется атаманомъ; онъ въ мундирѣ, при шашкѣ, унтеръ-офицеръ. Въ присутствіи всегда сидитъ «дежурный», тоже въ формѣ и при шашкѣ. Несмотря на то, что общественное управленіе казаковъ постановлено на военный ладъ, оно, а также и общинное хозяйство, идутъ обычнымъ порядкомъ обыкновенныхъ селъ и волостей. Въ Каменно-Озерной станицѣ я видѣлъ примѣчательность края:

колодезь, въ которомъ ледъ держится до августа. Хороша, значитъ, глубина, но и еще лучше морозы, забирающіеся на такую глубину!

На почтовой станціи одной изъ слѣдующихъ станицъ наблюдаю нѣсколько чертъ казацкихъ нравовъ. Передо мной была ревизія станціи начальникомъ почтово - телеграфнаго округа. Начальникъ остался доволенъ, и по этому случаю содержателемъ лошадей посреди двора, на телѣгѣ, вмѣсто стола, былъ устроенъ пиръ. Бабы невѣроятно визгливымъ голосомъ пѣли. Мужчины разговаривали голосами, какими перекликаются въ степи. Всѣ были пьяны, но всетаки сварили мнѣ бурду изъ старой курицы, а за курицу всетаки содрали шесть гривенъ. Вечеромъ, когда я пилъ чай, въ комнату вошелъ человѣкъ въ духовной одеждѣ и тоже выпившій.

— Ахъ, извините, ваше благородіе,—сказалъ онъ.—Я думалъ, хозяинъ тутъ. Конфузъ у насъ вышелъ, такъ я его на станичный сходъ зову.

— Въ чемъ же конфузъ?—спросилъ я.

— Сдали мы, изволите видѣть, съ батюшкой хозяину станціи нашъ сѣнокосъ, — моя часть за двѣнадцать рублей пошла (при этой цифрѣ мой собесѣдникъ горько засмѣялся). Батюшкину часть хозяинъ успѣлъ выкосить, а мою казаки косить не даютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нынѣшнемъ году сходъ намъ сѣнокоса не отводилъ. А зачѣмъ, спрашивается, отводить, когда мы два года подрядъ тѣ же участки получали?! А атаманъ говоритъ: нужно было къ намъ придти да сходу поклониться. (Снова горькій смѣхъ).

— А велики ваши доходы здѣсь?

— Громадны! Сорокъ рублей жалованья, а за требы по таксѣ.

— И много даютъ требы?

— Я получилъ за прошлую недѣлю пятнадцать копѣекъ. (Смѣхъ очень горькій)! Даровая квартира; то есть, платитъ сходъ,—и вотъ, не платятъ за нее шестой мѣсяцъ, такъ что ругательствамъ и издѣвательству со стороны моего хозяина нѣтъ конца.

— Неужели же населеніе такъ бѣдно?

— Все идетъ на служеніе сатанѣ, въ двухъ кабакахъ, а въ церкви... Повѣрите ли, на дняхъ былъ праздникъ святого Іоанна Предтечи. Вѣдь, пророкъ изъ пророковъ,—а они сидятъ на завалинахъ. «Что, говоритъ, я пойду съ чужой свѣчей молиться; а свою поставить—достатковъ нѣтъ!» Кабакъ процвѣтаетъ; а какимъ образомъ я грѣшный живу,—просто понять отказываюсь... А вѣдь живу! (Смѣхъ не столько горькій, сколько изумленный).

Почти всю ночь бабы визжали пѣсни, а мужчины басили. Къ часу все смолкло. Въ три я вышелъ на крыльцо. Изъ случайнаго облачка сыпались рѣдкія капли дождя, и ихъ шопотъ и лепетъ были недобрые: точно онѣ смѣялись надъ изнывающей отъ засухи землей. На дворѣ, на телѣгахъ и подъ телѣгами спала веселая компанія, въ платьяхъ, даже въ платкахъ и шапкахъ. Когда я вышелъ, компанія начинала подыматься. Вскочитъ, почешется, посопитъ, плеснетъ горсть, другую грязной воды на грязное лицо, перекрестится и суетливо куда-то убѣжитъ. Скоро суетилась вся полусонная немытая станица, съ головной болью отъ вчерашняго хмѣля. И такъ—каждый день, всю жизнь,—въ грязи, въ полпьяна, впроголодь, въ лѣнивой суетѣ. Какія тутъ общинныя дѣла, какое общественное управленіе! Системы тутъ нѣтъ и слѣда; одинъ только «авось» да «нахрапъ».

Сцену «нахрапа» мнѣ пришлось видѣть тутъ же. Пришелъ огромный черный старикъ, которому на сходѣ досталась священникова полоса луга. Старикъ пришелъ требовать отъ хозяина станціи скошенное имъ сѣно себѣ. Хозяинъ — тоже огромный старикъ, но блондинъ, съ прямой бородой точно изъ проволоки. Другъ противъ друга, оба они были точно два буйвола,—черный и бѣлый. И обѣ эти массы готовы были сшибиться. Сшибка была бы великолѣпна. Богатырскія ноги тяжко переступаютъ, и подъ грузомъ тяжелыхъ костей и твердаго мяса скрипятъ половицы.

— Что же это будетъ?! — восклицаетъ пришедшій, очевидно возобновляя не сегодня начатый разговоръ.

— Ничего не будетъ отвѣчаетъ хозяинъ.

— Какъ ничего не будетъ?!

— Да вотъ такъ.

— Сѣно мое, чай?

— Я за него деньги, чай, отдалъ.

— А мнѣ что за дѣло?

— А ты не шуми!

Голоса крѣпчаютъ. Злость разгорается, но въ голосахъ ни малѣйшей дрожи. Колокола, а не люди.

— Чего не шуми! — рявкаетъ пришедшій.

— То-то, говорю, не шуми! — не уступаетъ въ ревѣ хозяинъ.

— Право!

— Право!

— Мое сѣно-то!

— Хайло́!

— А ты не хайло?! Ишь ты, личность какая!

— Не шуми!

— Право!

— Право!

Голоса становятся все могучѣе. Слова, которыми обмѣниваются противники, совершенно безсмысленны. Но имъ смысла и не нужно; тутъ все дѣло въ нахрапѣ,—кто кого испугается. Я выглянулъ въ дверь и, признаться, при видѣ двухъ колоссовъ, отъ которыхъ, какъ отъ горячо натопленныхъ печей, пышало злостью, пожелалъ, чтобы они подрались: это было бы грандіознымъ зрѣлищемъ. Къ сожалѣнію, колоссы не сцѣпились. Повторяя другъ за другомъ, какъ два эхо, одни и тѣ же слова: *хайло*, *право*, *то-то*,—они потоптались другъ передъ другомъ, потомъ пришедшій вдругъ плюнулъ и вышелъ изъ дому.

Дикость казака заражаетъ и мужиковъ, переселяющихся сюда изъ внутреннихъ губерній. Не только крутой великороссъ усваиваетъ разбойничье ухарство казака, но даже и мягкій въ манерахъ хохолъ, говорящій своей *жинкѣ* «вы», и тотъ мѣняетъ свой «полтавскій теноръ» на сиплый баритонъ, а сиротскія манеры — на ухватки барантовщика. Сибирскіе казаки, какъ разсказываютъ, уже до того одичали, что считаютъ особеннымъ шикомъ говорить между собою не по-русски, а на мѣстныхъ инородческихъ нарѣчіяхъ: совсѣмъ какъ дѣти, которыя придаютъ своему лицу «звѣрское» выраженіе, когда играютъ майнъ-ридовскихъ индѣйцевъ. Оренбургскіе казаки тоже не отъ-роду такіе дикари. Набирались они отовсюду изъ внутреннихъ губерній и освирѣпѣли только здѣсь, въ полу-Азіи.

Подражая казацкому ухарству, переселенцы подражаютъ и ихъ лѣни, но въ этомъ случаѣ уже невольно: тутъ нѣтъ никакихъ заработковъ. Отсѣялся весною—и сиди до сѣно-

коса. Скосилъ сѣно, убралъ и смолотилъ хлѣбъ — и сиди или лежи до слѣдующей весны. Поля и луга у переселенцевъ не то, что у казаковъ, — маленькіе; урожаи на нихъ еще меньше, и работать, хоть-бы и хотѣлъ, нечего. Въ урожайные годы — семимѣсячное ничегонедѣланіе; въ неурожайные, притомъ очень частые, ничегонедѣланіе и проголодь, а то и прямо голодъ. Какъ выдерживаютъ люди такое существованіе, непостижимо. Зато вполнѣ постижимо, что они дичаютъ, и, ушедши съ болѣе культурной «старины», гдѣ есть и кое-какія школы, и книжонки, и гуманная барышня-акушерка, и грамотный учитель, и недалекій городъ, возвращаются въ состояніе шестнадцатаго столѣтія.

Во ста верстахъ отъ Оренбурга, за поселкомъ Герьяльскимъ, степь все чаще и чаще начинаетъ перерѣзаться грядами небольшихъ холмовъ, — сыртáми. Это послѣдніе отголоски Уральскаго хребта. Гряды висятъ, точно кисти привѣшанныя къ Уралу. Между нитями этой кисти лежатъ плоскія равнины, на которыхъ пріютились станицы со своими полями. Полей много, но пашутъ клочками и кусками, года три подрядъ въ одномъ мѣстѣ, потомъ въ другомъ. Паровыя поля заростаютъ почти сплошной дикой коноплей. Казаки ничего изъ нея не дѣлаютъ, одѣваясь въ ситецъ и кумачъ. Казачки встарь пряли и ткали полотна на продажу, но потомъ появился болѣе выгодный промыселъ вязанья извѣстныхъ оренбургскихъ платковъ, и полотна были брошены. Теперь платки упали въ цѣнѣ, но къ коноплѣ не возвращаются. Въ нынѣшнемъ году, когда нѣтъ сѣна ни въ степи, ни дóма на уральскихъ лугахъ, казаки косятъ коноплю на кормъ скоту. Будетъ-ли скотъ ее ѣсть? Съ голо-

духи, говорятъ, все ѣстъ, какъ ѣлъ однажды молодые вязовые прутья. Тутъ и до этого доходятъ.

Въ станицѣ Верхне-Озерной заглядываю въ казацкій домъ. Нѣсколько свѣтлыхъ клѣтушекъ-комнатъ. Двери изъ комнаты въ комнату прорѣзаны въ видѣ восточныхъ арокъ и занавѣшены ситцами восточныхъ узоровъ. На сундукахъ, замѣняющихъ диваны, средне-азіятскіе ковры. Навѣсы крылецъ тоже хитро, по восточному, изогнуты, а витыя колонки, ихъ поддерживающія, точно прямо изъ Самарканда привезены. Въ Верхне-Озерной холмы начинаютъ превращаться въ горы, хребты и ребра которыхъ — голый камень. Горы добѣгаютъ до Урала и останавливаются, имѣя видъ львиныхъ лапъ, съ пальцами и когтями. Еще нѣсколько верстъ, — и горы перекидываются за рѣку, къ киргизамъ, въ Тургайскую область.

Въ станицѣ Никольской, къ удивленію, я узналъ, что среди казаковъ много татаръ. Никольская заселена исключительно татарами. Татарки — въ своихъ блузахъ безъ таліи; молодые татары — въ неподпоясанныхъ рубахахъ и въ ермолкахъ; старики — въ татарскихъ барашковыхъ шапкахъ. Мужчины всѣ носятъ явные слѣды солдатской выправки, свободно, хоть и не чисто, говорятъ по-русски и называютъ васъ «ваше благородіе». Живутъ гораздо бѣднѣе русскихъ; но служаки, говорятъ, хорошіе.

Еще два переѣзда, — и горы надвинулись ближе, становятся выше. Выростаютъ онѣ и на Тургайскомъ берегу Урала. Рѣка сжимается горами все тѣснѣе, и наконецъ совсѣмъ неожиданно мы попадаемъ въ чудесное мѣстечко. Дорога идетъ почти у воды Уральской заводи. Налѣво — отвѣсныя полуобнаженныя сѣровато-бурыя скалы. Направо —

невысокій каменный барьеръ, а изъ-за него высятся тѣнистые тополи и вязы, виднѣются пышныя заросли ивняка, жимолости и шиповника, видна свѣтлая вода заводи, покрытая листьями и цвѣтами бѣлыхъ и желтыхъ кувшинокъ. Послѣ безконечной степи и голыхъ горъ, этотъ уголокъ показался маленькимъ райкомъ. Нельзя было не вылѣзть изъ тарантаса и не взглянуть на давно невиданныя зеленыя и густыя травы,—какъ онѣ тутъ ростутъ, и нѣжатся, и зеленѣютъ, утоленныя прозрачной водой. Такимъ мѣстомъ дорога идетъ на протяженіи всего лишь нѣсколькихъ саженей; а потомъ опять пошли долинки, которыя становятся все меньше и меньше, и перевалы, которые дѣлаются все чаще, круче и выше.

Слѣдующую станцію у меня на козлахъ сидѣлъ ямщикомъ не казакъ, а мужикъ-переселенецъ. Существенная черта казака—нахрапъ, наскокъ, взять съ бою. Отличительное свойство мужика—столь-же энергичное, но пассивное сопротивленіе до послѣдней крайности, стремленіе сѣсть на мѣсто тишкомъ, да и прирости къ нему такъ, что даже казакъ не стащитъ, несмотря ни на какіе его нахрапы. Такъ и мой переселенецъ. Хуторъ, къ которому онъ принадлежитъ, осѣлъ на казачьей землѣ, и ссадить его уже ничѣмъ невозможно.

На той сторонѣ Урала у подножія горъ виднѣлись какія-то жилья. Это оказались киргизскія «зимовки», куда киргизы приходятъ изъ внутренней степи на зиму. Лѣтомъ землянки стоятъ совсѣмъ пустыми; даже сторожей при нихъ не оставляютъ. Послѣ того какъ мы поговорили съ ямщикомъ о киргизахъ, онъ спросилъ меня:

— А не слыхать, баринъ хорошій, быдто у киргизовъ за казенный долгъ землю отберутъ и мужикамъ отдадутъ?..

Поговорили о башкирахъ.

— У башкировъ лѣсъ больно хорошъ тутъ неподалеку есть. Баютъ, россейскимъ мужикамъ его на пользу начальство хочетъ отдать. Не слыхалъ?..

Была рѣчь и о казакахъ.

— Слышно вотъ тоже и насчетъ казаковъ, что ихъ на Китайскій клинъ для защиты переводятъ. Они тутъ вовсе лишніе. Прежде башкирцы бунтовали, киргизцы непокорствовали. Теперь тихо. Теперича сраженья на Китайскомъ клину идетъ. Тамъ имъ, значитъ, и мѣсто будетъ указано. А то такъ тѣснятъ, такъ стѣсняютъ! По рублю за десятину земли имъ платимъ! Подводы отъ селъ гоняютъ! На починку дороги выгоняютъ!..

Только о помѣщикахъ не говорилъ мой ямщикъ, да и то потому, что въ этихъ мѣстахъ ихъ нѣтъ.

Станица Губерлинская уже совсѣмъ горное поселеніе. Уралъ далеко. Кругомъ сырты. Двѣ горныя рѣченки, живописно заросшія вязами и осокорями, бѣгутъ по ложамъ изъ крупнаго булыжника. Съ Губерлинской дорога сворачиваетъ прямо въ горы, которыхъ обрывы все время виднѣлись влѣво. Кто проѣхалъ тридцативерстное разстояніе отъ Губерлинской до Хабарной, тотъ уже имѣетъ право сказать, что онъ былъ на Уралѣ. Дорога вьется по ущельямъ, не имѣющимъ однако ничего грознаго, съ пологими и округленными скатами, вьется и незамѣтно забираетъ все выше и выше. То по правой сторонѣ, то по лѣвой бѣжитъ крохотный ключъ. Только около него зеленѣетъ трава. Все остальное покрыто бурымъ высохшимъ отъ засухи ковылемъ. У ключа верени-

цей сидятъ птицы; въ одномъ мѣстѣ мы потревожили огромнаго орла, — *карагуза*.

Подъемъ, скрываемый съ обѣихъ сторонъ холмами, идетъ на разстояніи тринадцати верстъ. Тутъ вы выѣзжаете на слегка взволнованное плато, — на «ровное мѣсто съ подными», какъ передалъ этотъ географическій терминъ мой ямщикъ,—и видите подъ собой, и по обѣ стороны, и впереди, и назади, цѣлую страну, заполненную хребтами и теменами сумрачныхъ, ребристыхъ и морщинистыхъ, покрытыхъ пепельнаго цвѣта выгорѣвшей травой, холмовъ. Далеко видно, а самая даль задернута синеватой дымкой. Кое-гдѣ внизу, въ маленькихъ долинахъ, зеленѣютъ у ручьевъ и рѣченокъ поля и рощицы. Налѣво, верстахъ въ тридцати, виднѣется Саринское плато, гдѣ вотъ уже лѣтъ двадцать какъ поселились старообрядцы. Они попали на счастливое мѣсто. На ихъ землѣ начинается рѣчка Чебакла. Ключи, питающіе ее, поддерживаютъ влажность на ихъ поляхъ, и они не знаютъ неурожая. Но не это позволило имъ скупить у окрестныхъ башкиръ до двадцати тысячъ десятинъ земли. Вотъ какъ говорилъ о нихъ мой ямщикъ, двадцатилѣтній впечатлительный и неглупый казачокъ.

— Дружно живутъ, вотъ что! — говорилъ онъ, сочувствуя, удивляясь и волнуясь. — Что положено сходомъ, то свято. Да вѣдь что-о: лѣсъ разводятъ, березовый! Поди-ты! И выростили ужь жерди!.. Да ты слушай, другъ милый: свой срубитъ, скажемъ, хворостину, такъ и то три рубля штрафу... Хохлы тутъ около нихъ живутъ. Хохолъ къ нимъ и заберись, возъ жердей и наруби. Поймали — пятьдесятъ рублей взыскали. «Да и то, говорятъ, это мы дурость твою, хохлову, жалѣемъ, а съ русскаго по три цѣлковыхъ за пень

взяли-бы...» Поди-жь-ты! Пьянства ни-ни: штрафъ. И чудные! Соглашаются православнаго попа взять, но чтобы по ихъ выбору: не курящаго, не питущаго, не женатаго...

Когда-то всѣ морщины горъ были покрыты березовыми и осиновыми перелѣсками. Было много дичи, было много птицъ, больше родниковъ, больше дождей. Мы, «россійскіе люди», свели рощи, и ключи изсякли; птицы улетѣли; развелись миріады насѣкомыхъ, пожирающихъ хлѣба въ урожайные годы; настали засухи, уничтожающія посѣвы. И, переваливъ черезъ сырты, мы увидѣли прямо ужасающую картину.

Далеко впереди бѣлѣлись зданія Орска, а вокругъ него все было мертво. Верстъ на пятьдесятъ во всѣ стороны видны степь и уральскіе луга, и все желто, — мертвенной, блѣдно-сѣрой желтизной. Ни былинки не уцѣлѣло. Засѣянныя поля черны, какъ только-что вспаханныя. Со времени посѣва здѣсь былъ только одинъ небольшой дождь.

Объ Орскѣ нечего много распространяться. Жителей въ немъ 15,000. Уралъ здѣсь переходятъ въ бродъ дѣти. Кругомъ выжженная пустыня. Посреди города высится рыжій коническій холмъ, а на немъ фундаментъ собора, постройка котораго не состоялась. Въ лучшей гостиницѣ мнѣ дали лучшій номеръ такого сорта: во дворѣ, во «флигерѣ»; рядомъ гусиный хлѣвъ; полъ въ щеляхъ; обои полопались; постель—камень. Нѣсколько улицъ Орска пустынны, пыльны и раскалены. За всѣмъ тѣмъ это вовсе не ничтожный городишко, къ какимъ я привыкъ въ западномъ краѣ. Съ десятокъ солидныхъ каменныхъ амбаровъ и складовъ, съ дорогими желѣзными дверями, съ десятокъ красивыхъ каменныхъ домовъ, дорогія купеческія лошади,—все это, если оцѣнить, стоитъ трехъ бѣлорусскихъ жидовскихъ городишекъ. Нашъ

западъ своимъ нищенскимъ видомъ обязанъ, конечно, евреямъ. Всѣ деньги у нихъ, а деньги они берегутъ только въ видѣ денегъ: отъ нихъ ужь никто не поживится, ни каменьщикъ, ни плотникъ, ни конскій барышникъ, ни кучеръ, ни продавецъ сѣна и овса.

Оренбургскій пивоваръ, конечно нѣмецъ, «пустилъ» свое пиво въ Орскъ. Посредниками явились, конечно, евреи. Евреи открыли въ Орскѣ «пивныя залы» (Bierhalle), съ «подносчицами» (Biermamsellen). Результаты явились блестящіе. Пива выпивалось рѣки, но вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтители «залъ», орскіе канцеляристы и мѣщане, орскіе, верхнеуральскіе и троицкіе прикащики, башкиры, тептяри, киргизы ближнихъ и дальнихъ ордъ, татары, бухарцы и нагайбаки, впали въ такой неслыханный развратъ, что начальство воспретило подносчицъ. Зародышъ культуры, не былъ, однако, истребленъ, такъ-какъ подносчицы перешли изъ пивныхъ залъ во «флигеря», на тѣхъ-же дворахъ.

Въ Орскѣ я впервые задумался надъ нашими восточными разстояніями. Орскъ отъ Оренбурга въ 260 верстахъ, и это ближайшій отъ губернскаго уѣздный городъ. Вся губернія изъ конца въ конецъ—тысяча верстъ, т. е. столько, сколько отъ Петербурга до Варшавы. Площадь губерніи равна Даніи, Греціи, Нидерландамъ и Швейцаріи, взятымъ вмѣстѣ. Дальше на востокъ пойдетъ и еще лучше: Тургайская область, лежащая тутъ-же за Ураломъ, почти равна Италіи + Румынія; сосѣдняя Акмолинская область только на какихъ-нибудь 20,000 кв. верстъ меньше всей Германіи. А тамъ пойдутъ *губерніи* вродѣ Тобольской, равной четверти всей Европейской Россіи, вродѣ Енисейской, вдвое превосходящей Тобольскую...

Я ѣду въ городъ, котораго еще нѣтъ на картахъ и самое имя котораго не установилось. Офиціально онъ именуется уѣзднымъ городомъ Тургайской области Новониколаевымъ; населеніе зоветъ его Кустонаемъ. Въ Оренбургѣ говорятъ о немъ такимъ тономъ, какъ въ Петербургѣ о Гатчинѣ. Орскъ для оренбуржца—это прямо Екатерингофъ: рукой подать. Извѣдавъ собственнымъ опытомъ, что «рукой подать» по здѣшнему означаетъ почти 300 верстъ, въ Орскѣ я отнесся къ предстоящему мнѣ пути съ осторожностью.

— Вамъ въ Кустонай?—спрашивали меня орцы.—Не безпокойтесь, дорога извѣстная: сначала — Верхнеуральскъ, потомъ—Троицкъ, а оттуда степной почтой до Кустоная всего сто-восемьдесятъ-девять и три четверти версты-съ.

— Всего! До Оренбурга отсюда тоже *всего* двѣсти-шестьдесятъ верстъ, а я и то цѣлыя сутки отдышаться не могу. Кромѣ того, вы мнѣ предлагаете сдѣлать крюкъ въ триста лишнихъ верстъ.

— Зато почта-съ. Живо домчатъ, на четвертыя сутки.

— На четвертыя!.. Скажите, а прямого почтоваго тракта нѣтъ?

— Нѣту-съ. На Ташкентъ есть, а въ Кустонай надо черезъ Троицкъ. Живо домчатъ... А то, если не торопитесь, возьмите долгихъ. Больше 25-ти рублей не давайте.

— А когда меня долгія «домчатъ»?

— Ну, маленечко дольше-съ, однако не очень.

— А именно?

— Да сутокъ восемь проѣдете. Лошади хорошія!

Истратить восемь дней на одинъ только прямой переѣздъ я не могъ, и потому, пораздумавъ и пораспросивъ, рѣшилъ ѣхать на обывательскихъ «Новой линіей» станицъ, протяну-

той вдоль восточной границы Оренбургской губерніи. Триста-семнадцать верстъ я буду ѣхать все на сѣверъ, станицами. Потомъ, отъ поселка Николаевскаго, я сверну на востокъ и, безъ дорогъ, вдоль рѣки Аята, встрѣчая по пути только киргизскія зимовки, сдѣлавъ 120 верстъ пока еще неизвѣстнымъ мнѣ способомъ, попаду въ Кустонай. У Орска полу-Азія кончилась, и начинается подлинная Азія, самыя настоящія «новыя мѣста».

Новая линія.

Какія бываютъ иногда странныя сходства! Четыре года тому назадъ я былъ на двадцать-пять параллелей южнѣе: въ Африкѣ, на Нилѣ. Теперь я на берегахъ какого-то Аята, притока Тобола, въ поселкѣ Николаевскомъ казачьяго оренбургскаго войска. Что, казалось-бы, можетъ быть противоположнѣй? А между тѣмъ какое удивительное сходство!

Прежде всего похожа погода. Изнуряющая жара, сушь, отъ которой коробится бумага и сглаживаются сургучныя печати, вѣтеръ, воющій въ трубахъ и около угловъ, солнце, которое горитъ такъ, какъ и на Нилѣ, — жидкимъ и прозрачнымъ, какъ искра, падающая отъ накаленнаго до-бѣла желѣза, дискомъ, — и вихри пыли. Домъ, гдѣ я пишу эти строки, почти такой же, какой былъ тамъ, на Нилѣ. Стѣны — изъ воздушнаго кирпича; потолокъ — изъ сосновыхъ досокъ (въ нильскомъ домѣ онъ былъ тоже изъ русскаго лѣса); обстановка — дешевая Европа пополамъ съ дешевой Азіей: плохенькія зеркала, деревянныя стулья, швейная машина и восточные ковры по лавкамъ вдоль стѣнъ. И тамъ, и тутъ

на улицахъ слышались капризные крики верблюдовъ и дикія пѣсни «туземцевъ». Тамъ распѣвали выпившіе феллахи, рывшіе каналъ; тутъ визжатъ толпы казачекъ, вотъ уже третій день напивающихся на свадьбѣ и съ неуклюжими плясками шатающихся по поселку, несмотря на адскій зной. Даже пшеница,—яровая, низкорослая, съ длиннымъ колосомъ,—похожа тамъ и тутъ. И случилось, что какъ тамъ, такъ и тутъ, я боленъ и невеселъ; и настолько же тысячъ верстъ удаленъ отъ родныхъ мѣстъ и на сотни — отъ ближайшаго, хоть немного культурнаго мѣста. Тутъ я, пожалуй, еще въ бо́льшей глуши, ибо тамъ были телеграфъ, почта, аптека; а здѣсь лишь *по слухамъ* говорятъ, что ближайшій телеграфъ въ полутораста верстахъ, а лѣчитъ меня единственный культурный человѣкъ, случайно попавшій сюда молодой ветеринарный врачъ.

Похожа обстановка, похожи и люди. И тамъ, и тутъ населеніе пьяно: тамъ отъ гашиша, тутъ отъ сивухи. И тамъ, и тутъ меня хотятъ обобрать, заламывая несообразныя цѣны: тамъ на пароходѣ, тутъ за пару лошадей до Кустоная. И тамъ, и тутъ населеніе укрощается грубымъ вмѣшательствомъ властей: тамъ шейха; здѣсь поселковаго атамана. И тѣ люди, и эти сходятся близко-близко, но между ними уже залегла роковая и неистребимая грань, отдѣляюшая звѣря отъ человѣка. Тамъ—звѣрь, довольно милый, но звѣрь и рабъ; здѣсь—человѣкъ, недостаточно человѣчный, но человѣкъ съ сознаніемъ свободы. Тамъ господа—арабы, англичане, французы, греки; здѣсь же сразу видно, что плохо тому кто попытается задѣть народъ за живое: здѣшніе казаки побывали въ 1814 году въ Парижѣ. Кому этихъ преимуществъ здѣшняго человѣка достаточно, можетъ радо-

ваться; а я скажу, что русскій народъ, можетъ быть и чуд ный народъ, но прежде всего ему нужно искренно и съ сокрушеніемъ признаться, что онъ дрянной народъ. Теперь мы на мертвой точкѣ; теперь мы настроены по камертону Достоевскаго: «русскій народъ дуренъ, но идеалы его хороши». Отдавъ вѣчному правосудію идеалы въ залогъ, мы пустились во всѣ тяжкія, и того-и-гляди не замѣтимъ, какъ пропустимъ срокъ и залогъ пропадетъ...

Вонъ они, вонъ, взгляните-ка на улицу! Впереди — пьяный казакъ съ гармоніей, за нимъ пьяныя, потныя бабы, старыя и молодыя, красивыя и уродливыя. У многихъ на рукахъ дѣти, которыя вотъ-вотъ вывалятся изъ рукъ, внизъ головой на твердую какъ камень землю. Сзади бабъ—мужчины, въ фуражкахъ съ кокардами, въ сюртукахъ съ серебряными пуговицами. Среди нихъ, обнявшись съ ними, въ мѣховыхъ халатахъ и шапкахъ, юртовые старшины и аульные старосты, киргизы, тоже пьяные, съ звѣрскими харями. Процессію окружаютъ дѣти, съ испугомъ, удивленіемъ, а нѣкоторыя и съ завистью вглядывающіяся въ лица родителей. А надъ головами грозный гнѣвъ Божій: съ весны не было дождей, поля голы, степь выжжена, поселокъ уже нѣсколько разъ горѣлъ, небо темно отъ пыли... Вы скажете: пьютъ съ горя. Вздоръ! Казаки богаче ну хоть бы бессарабскихъ нѣмцевъ, которыхъ я видѣлъ въ прошломъ году, а нѣмцы шутя переносятъ такіе же неурожаи, запасаясь въ урожайные годы...

Въ другое время, когда эти бабы и эти казаки не пьяны, лучшихъ людей и не надо. Какая простота и благородство манеръ; степенная, плавная и разсудительная рѣчь, прямо чарующая привѣтливость и подлинное добросердечіе... Ин-

теллигентный ветеринаръ, который подѣлился со мной своей аптечкой, сдѣлалъ это не безъ колебаній и сторонясь: кто его знаетъ, этого человѣка въ пиджакѣ, забредшаго сюда, въ эту глушь! Зачѣмъ онъ здѣсь какъ разъ въ то время, когда полиція по разнымъ обстоятельствамъ зорко слѣдитъ за «новыми личностями?» Подлинно-ли онъ «то самое лицо, за которое себя выдаетъ?» И зачѣмъ ему опіумъ: дѣйствительно-ли для лѣкарства, или, чего добраго, хочетъ отравиться или отравить? А баба-казачка, изъ другой комнаты услышавшая о моей бѣдѣ, сама пришла ко мнѣ съ какимъ-то корешкомъ въ рукахъ и съ бутылочкой водки.

— Ты водочку-то, милый, потребляешь?—спросила она.

— Случается.

— Ну ужъ... Попытай ты старухина средства. На солонцахъ ростетъ, цвѣтки таки лазоревы, хоро́ши... Наши-тѣ мужики на работѣ-то въ жары часто болотной водой опиваются. Ну и схватитъ ихъ; такъ роютъ корешокъ-то этотъ и жуютъ... А того лучше, я тебѣ въ водочку накрошу. Какъ сдѣлается она красная, ровно чай, ты благословясь, и выпей. Выпьешь?

— Выпью. Чѣмъ же поблагодарить тебя?

— Ничего, милый, не сто́итъ. Ты все равно какъ переселенецъ: вотъ куда съ родимой стороны заѣхалъ!

Участіе непритворное, взглядъ ласковый, спокойный. Ни денегъ не беретъ, ни льститъ, ни суетится. Какъ есть добрый и хорошій человѣкъ.

Кто-жъ его разберетъ, этотъ странный, почти загадочный народъ. То онъ полу-звѣрь, подобный киргизу и обнимающійся съ нимъ; то до такой степени человѣкъ, что прямо завидуешь ему, даешь себѣ обѣщаніе подражать ему.

Однако къ дѣлу.

Станицы «новой линіи», основанныя вдоль восточной границы Оренбургской губерніи въ 1845 году на берегахъ уже не Урала, а маленькихъ степныхъ рѣченокъ, совсѣмъ не то, что пріуральскія станицы, которыми я до сихъ поръ ѣхалъ. Дома большіе, комнаты въ четыре, пять. Обои, голландскія печи, кое-гдѣ швейныя машины, четьи-минеи. При въѣздѣ въ станицу Ново-Орскую (день былъ праздничный), въ рѣкѣ направо отъ моста купалось съ сотню парней, а налѣво столько же дѣвокъ. Трудно было рѣшить, кто красивѣй и здоровеннѣй, кто лучше плаваетъ, кто смѣлѣе ныряетъ. Въ станичномъ управленіи я засталъ хозяевъ, которые писали свои имена на бумажкахъ: собирались по жребію дѣлить луга. Я попалъ въ собраніе джентльменовъ. Принялъ меня «дежурный» и пригласилъ садиться; остальные поклонились съ привѣтливостью саксонскаго нѣмца, входящаго въ вагонъ express'а, и продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Самый свѣдущій по части грамоты писалъ имена. Туго шло писанье: пальцы, привыкшіе къ плугу да къ нагайкѣ, упорно уклонялись отъ занятія мало имъ свойственнаго. Писавшій слегка конфузился меня, но тоже съ достоинствомъ. Я предложилъ, пока найдутъ мнѣ лошадей, замѣнить его. Не послѣдовало ни зубоскальныхъ шутокъ по адресу писавшаго, ни приторныхъ и притворныхъ комплиментовъ мнѣ. Серьезно и ласково поблагодарили, серьезно передали мнѣ перо, и мы серьезно принялись за дѣло. Въ благодарность, все такъ же достойно и неторопливо, меня уложили и усадили въ тарантасъ, и, не снимая фуражекъ, привѣтливо пожелали счастливаго пути.

Тутъ пора объяснить, что такое тарантасъ. Это объяс-

ненiе почему-то обязательно для всѣхъ путешественниковъ по восточной Россiи. Прежде всего, тарантасъ называется тутъ «карандасомъ». На дроги, толщиною въ вершокъ, въ два, и длиной отъ трехъ до пяти аршинъ, состоящiя изъ шести, восьми дрожинъ, становится плетеный изъ ивовыхъ или черемуховыхъ прутьевъ кузовъ, онъ же и кошъ. Длина кузова никогда не меньше двухъ аршинъ, ширина — три, пять четвертей. Кучеръ сидитъ внѣ кузова, а вы не сидите, а лежите или полулежите, въ перемежку съ вашимъ багажемъ, на войлокѣ (кошмѣ), постланномъ на днѣ. Я уже сдѣлалъ въ «карандасѣ» около восьмисотъ верстъ, и какъ видите, почти цѣлъ. Меня не трясло и въ случаѣ особенной необходимости я могъ спать. Но, предупреждаю, похвальныя качества «карандаса» зависятъ не отъ него, а отъ степныхъ дорогъ, твердыхъ и ровныхъ какъ асфальтъ. На малѣйшемъ пескѣ небольшой «карандасъ» дѣлался слишкомъ тяжелъ даже для сильнихъ здѣшнихъ лошадей; на ухабахъ онъ мало чѣмъ отличался отъ телѣги.

Гораздо совершеннѣй экипажа здѣшнiя башкирскiя и киргизскiя лошади. Съ виду онѣ мало чѣмъ отличаются отъ петербургскихъ извозчичьихъ лошаденокъ; только кость пошире, да грудь объемистѣй, да ляжки площе, но мясистѣй въ ширину, да глаза блестятъ свѣтлѣе. И вотъ, такiя невзрачныя скотинки, случалось, везли меня крупной рысью, иногда переходившей въ галопъ, безъ водопоя и корма, при жарѣ въ 45—50° R., на протяженiи шестидесяти, семидесяти верстъ. И возили меня сами хозяева; значитъ, еще жалѣли лошадей.

Перегоны я дѣлалъ огромные: отчасти, потому что я миновалъ промежуточные станицы и поселки, отчасти-же, потому что гро-

мадны разстоянія между населенными мѣстами,—въ сорокъ, въ пятьдесятъ верстъ. Земли тутъ сколько хочешь... Посѣвы занимаютъ на извѣчной ковыльной степи такое-же пространство, какъ мѣтка на большой скатерти. Поковыряютъ два-три года въ одномъ мѣстѣ и бросятъ, и ковыряютъ въ другомъ. Ковыли косятъ въ послѣднее время машинами, потому-что иной разъ въ засуху они тверды, какъ проволока, и не поддаются косѣ. Подъ пастьбу скота остаются необозримыя пространства. Словомъ, тутъ, на новой линіи, на лицо всѣ тѣ условія, при которыхъ даже русскій человѣкъ чувствуетъ себя довольнымъ своей судьбой. Отсюда-то и бросающаяся въ глаза разница въ зажиточности и манерахъ новолинейныхъ и старолинейныхъ казаковъ. Но, увы, и новая линія на порогѣ къ недовольству и бѣдности. И тутъ становится «тѣсно», и тутъ уже не могутъ подѣлить безграничной степи. На польдорогѣ отъ Ново-Орской до Елизаветинской (перегонъ въ 72 версты) я увидѣлъ холмистую степь, на которую точно опрокинули чернильницу, и чернила растеклись во всѣ стороны черными ручьями на десятки верстъ. Степь была подожжена... Ковыльные войсковые сѣнокосы (принадлежащіе оренбургскому войску въ совокупности) были взяты въ аренду ново-орскими богатыми казаками; а бѣдные нашли это достаточнымъ поводомъ, чтобы ковыли сжечь, что̀ и исполнили. Такимъ образомъ пройдетъ лѣтъ двадцать,—станутъ другъ на друга злиться, поджигать, обворовывать, тѣснить, ругаться; конечно, и во всякомъ случаѣ пить; конечно, и ни въ какомъ случаѣ не приспособляться къ новымъ условіямъ, и въ концѣ-концовъ превратятся въ наглую рвань старой линіи изъ джентльменовъ, какими я еще видѣлъ ихъ въ лѣто 1891-ое.

На протяженіи семидесяти верстъ отъ Ново-Орской до Елизаветинской, на 42-й верстѣ отъ послѣдней, только одно поселеніе. Носитъ оно громкое названіе поста Императорскаго, но состоитъ изъ одной длинной земляной избы-сарая. Остальной путь—степь, степь и степь. Вправо, то отдаляясь на нѣсколько верстъ, то приближаясь на нѣсколько саженей, тянется валъ, отдѣляющій киргизскую территорію отъ Оренбургской губерніи. Тамъ, по ту сторону вала, тоже все пусто: ни жилья, ни людей, ни стадъ. Только разъ попался намъ заблудившійся изъ-за вала верблюдъ, долго провожалъ насъ взглядомъ и тревожно и капризно кричалъ. Другой разъ встрѣтилось стадо рогатаго скота, которое куда-то гнали два верховыхъ киргиза, укутавшіеся отъ жары въ тулупы и овчинные башлыки съ мѣховой пелериной. Чрезъ каждыя двадцать-пять верстъ попадаются на холмахъ и непремѣнно при ручьяхъ, которые теперь мѣстами пересохли, или при крохотныхъ степныхъ озерцахъ, упраздненные сторожевые «кордоны» новой линіи: десятина, полторы, окопанная валомъ, за которымъ встарь стояли казацкіе отряды и пушки. Остальное—ковыльная изсохшая пустыня. И только подъ вечеръ, когда жаръ сталъ спадать, обнаружилось, что пустыня густо населена. Я уже давно обратилъ вниманіе на какіе-то расплывшіеся холмики, около аршина въ высоту и отъ сажени до пяти въ ширину, которыми была покрыта степь на всемъ видимомъ глазу пространствѣ. Когда засвѣжѣло, я увидѣлъ, что при приближеніи моего «карандаса», невдалекѣ отъ дороги, дальше въ степь короткимъ галопомъ побѣжала желто-рыжая собаченка средней величины. Собаченка добѣжала до одного изъ холмиковъ,

на холмѣ сѣла «служить», глядя на насъ, и потомъ вдругъ юркнула—прямо въ землю.

— Что это такое?

— Сурóкъ, ваше благородіе.

— Да онъ съ собаку ростомъ!

— Съ собаку и есть. Хлѣбъ, шельма, жретъ до того, что изничтожаетъ. Просто бѣда!

— Что-же вы его не бьете?

Казакъ помолчалъ. Какъ всякій сытый русскій человѣкъ, казаки лѣнивы и на работу, и на мысль, и на слово.

— Киргизцы его весной бьютъ,—отвѣтилъ онъ наконецъ, какъ-бы оправдываясь: все-же сурку безпокойство.—Шкýрки казанскіе татары скупаютъ. А киргизцы его—тьфу!—жрутъ.

— Что-же, вкусно?

— Хвалятъ. Говорятъ, вродѣ гусятины.

— Если вродѣ гусятины, и вы-бы ѣли.

— Вона!—Казакъ засмѣялся.—А жиру на немъ, какъ на кабанѣ. На мельницы покупаютъ для колесъ; первый сортъ жиръ.

— Что-же, кромѣ сурковъ, тутъ никакого звѣря и нѣтъ?

— Какъ нѣтъ! Русаки тоже одолѣли. Расплодились, что твоя саранча; тоже хлѣбъ пожираютъ.

— А ихъ-то что-же не бьете? Ихъ вѣдь и ѣсть можно.

— Прежде ѣли, старики-то наши, а теперь бросили, и вотъ по какому случаю. Прежде мы свиней держали, сало ѣли, ветчину; и вдругъ, братецъ ты мой, что-же обнаружилось...

Обнаружилось, что съ нѣкоторыхъ поръ между казацкими свиньями и собаками будто-бы завелись шашни. Этого было достаточно, чтобы энергичный русскій человѣкъ по всей новой линіи безъ остатка истребилъ свиней.

— Ну, а русаки тутъ при чемъ-же?

— А вотъ при чемъ. Уши у русака овечьи. А лапы чьи?—Собачьи. Стало, и тутъ не безъ собаки! Ну, и русаковъ бросили, пропадай они...

Мудро и чрезвычайно энергично. Сказано—сдѣлано.

Сурковъ по степи легіоны. Около заката солнца, вся степь оживилась ими. Старики сидѣли на крышахъ своихъ землянокъ и, видимо, наслаждались прохладой и чистымъ воздухомъ. Молодежь рѣзвилась въ ковыляхъ и стремглавъ бросалась къ норамъ при нашемъ приближеніи. Житье суркамъ, повидимому, тутъ превосходное. Казакъ, да и то не самъ, а по приказанію начальства, доберется до нихъ только тогда, когда самъ разорится, а у начальства не хватитъ больше средствъ и терпѣнія давать ему на продовольствіе и на обсѣмененіе. Сурокъ знаетъ, что до этого еще очень далеко, и потому смѣлъ. Подпускалъ онъ насъ такъ близко, что можно было разсмотрѣть его жирное, покрытое пушистымъ мѣхомъ тѣло и темную круглую мордочку. Мало того, онъ на насъ «брехалъ», по выраженію моего казака,—«трещалъ», громкимъ, очень пріятнымъ, какимъ-то птичьимъ пискомъ. Можно-бы придумать пословицу:—на лѣниваго и сурокъ брешетъ.

На ночлегѣ въ одной изъ станицъ я засталъ весь домъ моего хозяина въ великомъ возбужденіи.

— Сняли мы у кыргызовъ (на новой линіи уже не говорятъ: киргизовъ) сѣнокосъ, разсказывали мнѣ на-перебой всѣ члены семьи.—Сынъ съ женой поѣхали косить. Лошадей пустили неподалеку и потому спутали не желѣзной цѣпью съ замкомъ, а волосянымъ путомъ. Вдругъ видятъ, ѣдетъ киргизъ, ѣдетъ потихоньку. Доѣхалъ до лошадей,

неторопясь слѣзъ и сталъ ихъ распутывать. Не балуй! кричатъ сынъ съ женой,—а киргизъ не слушается. Сынъ съ женой къ нему, а онъ, не торопясь, кончилъ распутывать, сѣлъ на свою лошадь, а чужихъ погналъ передъ собой. Сынъ съ своей бабой—за нимъ, а онъ легонькой рысцой—отъ нихъ. Пробѣжали такъ верстъ пять, не выдержали, упали на землю, а киргизъ скрылся. Сынъ пришолъ домой, и на другой день отецъ отправился въ киргизскій аулъ, гдѣ, по догадкамъ, могли быть его лошади. По дорогѣ попадается знакомый киргизъ и вызывается найти лошадей за три цѣлковыхъ. Старикъ для виду соглашается, разстается съ киргизомъ, ночуетъ въ степи, но утромъ, чуть свѣтъ, по овражку добирается до подозрѣваемаго аула. Тутъ онъ сразу натыкается на своихъ лошадей. Позвалъ ихъ, онѣ заржали и подошли къ нему. Лишь только киргизы замѣтили его, къ нему подбѣгаетъ вызвавшійся найти лошадей, смущенный, «бѣлый какъ печка».—«Охъ, говоритъ, всю ночь искалъ я твоихъ лошадей, чуть нашелъ!»—А какое искалъ! Съ самаго начала зналъ, гдѣ онѣ!—«Давай, говоритъ, три рубля».—Нѣту со мной, я тебѣ у аульнаго старосты росписку дамъ, послѣ пріѣдешь за деньгами. А жена киргиза кричитъ:—«Не надо денегъ, хочу подушку изъ хорошихъ перьевъ; у меня давно подушки нѣтъ».—Ладно, говоритъ старикъ,—пріѣзжай за подушкой.

При этомъ лица казаковъ дѣлаются такими зловѣщими, что я невольно спрашиваю:

— И пріѣдетъ?

— Пріѣдетъ.

— А... уѣдетъ?

Казаки зловѣще молчатъ.

— Я его приму честь-честью,—говоритъ наконецъ старикъ,—угощу по-христіянски, подушку дамъ, со двора провожу, а на улицѣ,—голосъ старика вдругъ превращается въ знакомый мнѣ колокольный гулъ,—а на улицѣ, если не скажетъ, кто лошадей уводилъ,—мой грѣхъ будетъ,—отпотчую!

— И вовсе-бы его, мерзавца, приглушить гдѣ-нибудь въ степи,—раздается другой колоколъ, помоложе.

— Мало-ли ихъ, шельмъ, такимъ-то манеромъ переводятъ!—отзывается третій колоколъ.—Имъ только спусти, а тамъ жить не дадутъ.

Женщины молчатъ, но дышутъ тяжело и глаза ихъ неподвижно и безжалостно горятъ.

На другой день подъ-вечеръ я въѣзжалъ въ большую станицу. У самаго въѣзда стояла верховая лошадь. Около нея ничкомъ лежалъ киргизъ въ шелковомъ свѣтло-пестромъ халатѣ и пестрой ермолкѣ. Около него, на корточкахъ, нагнувшись къ его головѣ, сидѣла киргизка въ ситцевой, бѣлой съ коричневыми крапинами, блузѣ. Лишь только мы подъѣхали, высокая, тонкая киргизка, съ краснымъ, но желтымъ и измятымъ въ мелкія морщинки лицомъ, вскочила, и въ знакъ крайняго ужаса, растирая себѣ подъ ложечкой ладонью, стала по-киргизски вопить; что какой-то молодой казакъ догналъ ее и мужа, разбилъ большимъ камнемъ мужу лицо и ускакалъ. Около головы киргиза натекла большая лужа крови.

— Переведи ей, что я сейчасъ скажу объ этомъ въ станичномъ управленіи,—велѣлъ я казаку.

— Пажалста! Пажалста!—завопила киргизка.

— Ненада!—простоналъ киргизъ, не поднимая разбитой головы.

Отъѣхавъ нѣсколько саженей, мы оглянулись и увидѣли, что киргизъ съ своей киргизкой — уже на лошади и удаляются быстрой рысью въ степь.

— Ишь, собака, ордá,—должно знаетъ, что самъ виноватъ!—сказалъ мой казакъ.—На утекъ пошолъ!

Вѣроятно, это была развязка исторіи, подобной той, которую мнѣ передали на предыдущемъ ночлегѣ.

Триста-пятьдесятъ верстъ сдѣлалъ я отъ Орска до Николаевскаго, а точно одну станцію проѣхалъ: до того однообразна мѣстность. То ковыльныя степи, то солонцы съ бирюзовыми цвѣтами, то рыжіе глинистые холмы; попались двѣ, три гряды каменнаго мусора, на которомъ паслись стада киргизскихъ овецъ. И вездѣ погубленные засухой трáвы и посѣвы. Множество пересохшихъ рѣчекъ,—рѣчекъ-труповъ, и двѣ-три прекращающія свое теченіе лѣтомъ. Эти рѣченки текутъ въ Уралъ. Верстъ за семьдесятъ до Николаевскаго начинается бассейнъ Тобола, рѣки уже сибирской, и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка мѣняется характеръ мѣстности. Берега рѣчекъ становятся круче и обрывистѣй. Воды въ нихъ больше, на берегахъ—ивнякъ, шиповникъ и кое-какіе цвѣты. Рѣки бѣгутъ шибче и въ ихъ прозрачной водѣ видны рыбешки и раки. Даже прохладой начинаетъ вѣять въ рѣчныхъ долинкахъ и въ глубокихъ ямахъ маленькихъ степныхъ озеръ. На горизонтѣ то тамъ, то здѣсь виднѣются березовыя и осиновыя рощи, бѣгущія иной разъ на десятки верстъ, но не сплошной массой, а группами. Близость лѣса сейчасъ-же сказывается на сравнительной полноводности рѣкъ, обиліи ключей и на дождяхъ, которыхъ тутъ даже и въ этомъ году было больше, чѣмъ на безлѣсномъ югѣ. Трáвы не такъ мертвенно-желты; у ручьевъ, озеръ и въ низинкахъ она и

совсѣмъ зеленая. Однако, урожай цѣликомъ погубленъ и здѣсь другимъ бичемъ коварной Азіи, полевымъ кузнечикомъ. Послѣднія границы средней Азіи кончаются и начинается Сибирь.

Кустонай.

Наконецъ, я въ знаменитомъ городѣ Кустонаѣ, онъ-же и Ново-Николаевъ... Нѣтъ, читатель, больше я уже не буду дѣлать такихъ путешествій! Сначала оно пріятно, заманиваетъ. Тарантасъ покоенъ, лошади бѣгутъ хорошо, возницу понукать не нужно; вокругъ хоть и однообразіе, но новая, азіятская природа, новый типъ русскаго человѣка, новыя условія его жизни поддерживаютъ интересъ и къ этому однообразію. Жара страшная, но не разслабляющая: человѣкъ вялится впрокъ и держится хорошо. Сухой вѣтеръ не дастъ появиться испаринѣ. И ѣдемъ такъ верстъ пятьдесятъ, шестьдесятъ. Наконецъ, — чаепитіе... Это большое наслажденіе. Посадишь съ собой ямщика, хозяина (у каждаго изъ насъ полотенце на колѣняхъ), и начинается размачиваніе завяленнаго человѣка... Пьешь, пьешь безъ конца и при каждомъ глоткѣ чувствуешь, что оживаешь. Пять, шесть, семь стакановъ — нипочемъ. Только кряхтишь, да обходишься посредствомъ полотенца. Ямщикъ и хозяинъ, не отстаютъ, кряхтятъ, наслаждаются, — и въ компаніи дѣло идетъ еще дружнѣе... Вечерами и утрами радуютъ прохлада, тонкое благовоніе сухихъ травъ, необозримая картина величайшей въ мірѣ степи. Но величайшая степь да опять величайшая степь — на сотни, на тысячу верстъ, это ужь слишкомъ. Но-

чевать приходится на полу, потому что на кроватяхъ перины, невозможныя при здѣшней жарѣ. Да и на полу всю ночь мечешься отъ жара и сновидѣній, которыя заключаются въ воспоминаніяхъ о тряскѣ и ныряніи тарантаса и о визгѣ колокольчика. Съ каждымъ новымъ утромъ встаешь все менѣе бодрымъ, съ каждымъ днемъ жара переносится труднѣе, жажда мучитъ сильнѣе, чая уже недостаточно, и наконецъ впадаешь въ какое-то бѣшенство питія. Пьешь все, что попадется: полоскательную чашку кумыса въ киргизской кибиткѣ, кувшинъ сиваго кваса въ слѣдующей переселенческой землянкѣ, воду прямо изъ рѣченки, кислыя щи изъ станичной лавочки, прокислое кабацкое пиво, опять кумысъ, опять изъ рѣчки воду. Чувствуешь, что дѣлаешь неосторожность; но, разъ вы не удержались и стали пить, вы во власти не хмѣльного, но настоящаго запоя. Это знаютъ здѣшніе жители и удерживаются до послѣдней крайности. Не удержишься—обопьешься. Обопьешься — заболѣешь, какъ заболѣлъ я.

Кое-какъ отлежавшись на бабьихъ корешкахъ да на ветеринарномъ опіѣ въ Николаевскомъ, во второмъ часу ночи я выѣхалъ въ сто-двадцативерстный переѣздъ въ Кустонай. Тутъ уже подлинная Азія, нетолько по природѣ, но и по быту. До Кустоная — ни одного постояннаго поселенія, только киргизскія «зимовки», да киргизскія кладбища, по виду мало чѣмъ отличающіяся отъ зимовокъ. Непривѣтливыя мѣста, дикія мѣста... Небо было подернуто, не то пылью, не то гарью. Температура вдругъ измѣнилась, и подулъ такой холодный вѣтеръ, что я укрылся тулупомъ моего казака. Волнистая степь съ песчано-черноземной почвой не такъ плодородна: ковылей уже нѣтъ, земля выпахивается

быстрѣе и, выпаханная, десятокъ лѣтъ не даетъ другой травы, кромѣ знакомой всѣмъ побывавшимъ въ азіятскихъ степяхъ низенькой колючки. Узкая дорожка въ три колеи, бѣжитъ снова вдоль Аята, потомъ вдоль Тобола, куда впадаетъ Аятъ. Рѣки маленькія, то нелѣпо расширяющіяся, то чуть пробирающіяся тоненькой жилкой. Текутъ онѣ то въ глубокихъ и узкихъ степныхъ провалахъ, то ихъ ложе, несоразмѣрно ихъ величинѣ, расширяется на нѣсколько верстъ. У самыхъ рѣчекъ то пески, то ивовый кустарникъ, то камыши, то небольшіе луга, покрытые высокой, похожей на осоку темнозеленой «тобольней» травой.

Эта осока въ послѣднія десять лѣтъ сдѣлала чудо,—выстроила двадцатитысячный городъ Кустонай и, близъ него, ниже по Тоболу, еще одиннадцать селеній, съ семью тысячами душъ. Въ послѣднее десятилѣтіе многія тысячи мужицкихъ головъ бредили Кустонаемъ. Земля — киргизская; тридцать копѣекъ за десятину въ годъ; десятина въ 4,000 квадр. саженъ; возьмешь въ аренду у киргизцевъ 10 десятинъ, а паши тридцать: ничего не понимаютъ, вовсе простяки! Строиться надо — въ двадцати верстахъ лѣсъ Ары; хочешь, покупай, — хочешь, тихимъ манеромъ бери. Скотину гдѣ угодно паси даромъ. Тобольней травы на Тоболѣ,—три дня покосилъ, на всю зиму хватитъ. Пшеница родитъ по триста пудовъ. И закружились мужицкія головы, и потянулись переселенческія кибитки. И сколько неодолимыхъ препятствій было преодолѣно! Со старины не пускаютъ за недоимки, — берутъ мѣсячные паспорты, точно идутъ въ сосѣдній уѣздъ на заработки; старшину умасливаютъ и задабриваютъ, а то такъ попросту убѣгаютъ по ночамъ, бросая дворы и старую землю. По дорогѣ скотина падаетъ, —

становятся въ работники и заработываютъ на новую. Всѣ деньги вышли,—питаются христовымъ именемъ и воруютъ траву на чужихъ лугахъ, деготь въ чужихъ дворахъ, кизякъ и зерно по киргизскимъ зимовкамъ. Неразъ мужика избиваютъ въ кровь и съ членовредительствомъ казаки, башкиры, киргизы. Неразъ его задерживаютъ за просроченный видъ, за воровство, за потравы. Задержатъ, вздуютъ и отпустятъ: не кормить-же его на свой счетъ, не вводить-же казну въ убытки отправкой по этапу. Мѣсяцы проходятъ въ пути и въ мытарствахъ,—и, наконецъ, вотъ онъ и Тоболъ, вотъ онѣ безграничныя нетронутыя степи, тобольная темнозеленая трава и боръ Ары. Въ степи воютъ бураны, застилая небо пылью; солнце палитъ; въ безобразной рѣкѣ вода мутна; на десятки верстъ вокругъ ни жилья, ни человѣка, а одна только безграничная, дикая Азія,—но мужикъ чувствуетъ себя въ мужичьемъ раю: вольно, просторно, ни потравъ, ни порубокъ, ни баръ, ни полиціи...

Гдѣ-же осѣсть? Да хоть-бы тутъ, между Ара́ми и тобольней травой. И то, и другое недалеко. Роетъ мужикъ на склонѣ холма у степного озерца землянку, тащитъ изъ Аро́въ бревнышки для крыши, заваливаетъ сверху землею и начинаетъ пахать. Проѣзжаетъ стражникъ, видитъ,—двѣ новыя землянки:

— Вы кто такіе?

— Батюшка, мы у киргизцевъ землю на года́ укупили!

— Паспорты гдѣ?

— Вота паспорты.

— Просроченные!

Стражникъ беретъ паспорты и увозитъ къ уѣздному начальнику. Чрезъ мѣсяцъ мужика тащутъ къ начальнику. А

начальникъ, на счастье, особенный, — изъ «переутомленныхъ» культурой интеллигентовъ, удалившійся въ степи, чтобы «обновиться». (Чего-чего на свѣтѣ не бываетъ, читатель!). Мужики называютъ его добрымъ бариномъ и *простякомъ*.

— Какъ-же вы это безъ позволенія поселились?! — стараясь придать грозный оттѣнокъ своему переутомленному интеллигентному тенорку, кричитъ начальникъ на мужиковъ.

— Ваше высокопревосходительство...

— Я всего—высокоблагородіе,—скромно возражаетъ начальникъ.

— Ваше степенство, мы у киргизцевъ землю на года́ укупили.

— Но почему-же вы контрактъ у меня не явили? По закону контрактъ долженъ я утверждать. Понимаешь?

— Ваше степенство, мы люди темные. Научи,—затѣмъ и пришли.

— Вашескродіе,—почтительно докладываетъ стражникъ:— у него пачпортъ просроченъ.

— Ахъ, да! Видишь! У тебя паспортъ просроченъ. Какъ же тебѣ не стыдно просрочивать паспортъ? По закону нельзя жить съ просроченнымъ паспортомъ!

— Ваше степенство! Старшина-то у насъ—змій, аспидъ. Дай, говоритъ, трешницу, я те вовсе уволю; а не дашь, — мѣсячный бери. Не погуби, ваше высокопревосходительство!

— Говорятъ тебѣ, что я — высокоблагородіе... Стражникъ, пусть ихъ живутъ. А вы — я съ вашимъ старшиной спишусь. Если дѣйствительно нѣтъ препятствій, онъ долженъ, — понимаешь? — по закону долженъ выслать тебѣ паспортъ. Затѣмъ, смотрите, принесите мнѣ контрактъ для утвержденія.

Мужики уходятъ и продолжаютъ косить сѣно и пахать землю. Наступаетъ осень, возвращаются изъ глубины степей киргизы, видятъ землянки и летятъ къ нимъ карьеромъ съ ружьями и нагайками,—убить хотятъ. А мужики ихъ еще издалека увидали, выставили хлѣбъ-соль, штофъ водки и на тарелкѣ, придавивъ камнемъ отъ вѣтра, три засаленныхъ рублевыхъ бумажки. Киргизы подскакали, мужики—шапки долой, и въ ноги.

— Здравствуйте, батюшки! Здравствуйте, киргизушки! Примите дары, не побрезгуйте. А мы-то васъ ждемъ, не дождемся. Начальникъ-то страсть сердитый. Кричитъ: контрахтъ гдѣ, почему киргизы не ѣдутъ контрахту писать! Погоди, молъ, твое благородіе: некогда имъ; пріѣдутъ хозяева наши, напишемъ... Милости просимъ, милости просимъ!

Киргизское сердце—«вовсе простое»: все за чистую монету принимаетъ,—и хлѣбъ-соль, и поклоны, и радость. Мужиковъ оставляютъ и дѣлаютъ съ ними контрактъ.

— Что-же вы такъ долго не являлись? — опять силясь придать своему тенорку суровость, кричитъ начальникъ на киргизовъ.

Но киргизы только улыбаются.

На слѣдующій годъ къ двумъ первымъ землянкамъ прибавляется двадцать новыхъ. Еще на слѣдующій — сто. Еще чрезъ годъ—двѣсти, и тогда уже киргизамъ вмѣсто хлѣба-соли достаются камни въ голову. Проходитъ десять лѣтъ— и выростаетъ городъ, съ церковью, съ аптекой, съ каменными складами. По Тоболу приблизительно такимъ манеромъ въ десять лѣтъ поселилось около 35,000 народа.

Недолго, однако, продолжались ростъ и благоденствіе тобольнихъ колоній. Это, къ стыду, не то, что нѣмецкія.

которыя «чѣмъ старѣе, тѣмъ сильнѣй». Русскій человѣкъ въ своей привольной странѣ съ самаго начала своего историческаго бытія привыкъ снимать сливки, а молоко выливать вонъ. Такъ поступилъ онъ и на Тоболѣ. Стало «тѣсно»,— тѣсно съ землей и съ лугами: другъ другу мѣшаютъ, да и киргизы подняли арендную плату до рубля. Стало тѣсно съ лѣсомъ: несчастные Ары, Сабанкулы и проч. стали такъ жечь и красть, что начальство взяло ихъ подъ свою опеку и охрану. Наконецъ, наступили неурожайные годы.

Въ третьемъ году урожай былъ неслыханный, больше трехсотъ пудовъ пшеницы съ десятины, но никто не подумалъ сдѣлать запаса или устроить по селамъ хлѣбные магазины. Да какое магазины: старостъ не хотятъ выбирать! Что́ молъ вздумали,—на новыхъ мѣстахъ «старину» заводить, Россею! Пшеницу ѣли сами, кормили скотину, продавали за что ни попало, а когда купцы перестали покупать, стали мѣнять на водку, по 15 коп. за пудъ, и неистово пьянствовать. Прошлый годъ былъ мало урожайный, и казна дала на обсѣмененіе. Въ нынѣшнемъ году не соберутъ ничего,—и уже теперь, въ іюлѣ, голодаетъ около пяти тысячъ душъ.

Въ «тобольней травѣ» и въ Ара́хъ наступило разочарованіе. Опять бросаютъ земли и дома, опять налаживаютъ кибитки, опять христарадничанье, воровство, холодная, драка. Тоболъ теперь ужъ нехорошъ. Теперь потянулись «подъ Новый Кустъ», гдѣ-то въ Сыръ-Дарьинской области, куда на два года запрещено идти переселенцамъ, на Мургабъ, гдѣ еще не готовы оросительныя работы, куда-то «на Китайскій Клинъ». Наконецъ, появился какой-то австрійско-подданный жидъ и за двадцать *одну* (!) копѣйку записываетъ желаю-

щихъ «въ индѣйскую землю для усиленія русскаго народа, съ доставкой на казенный коштъ».

Итакъ, вотъ онъ мужицкій рай, «Новый городъ», «Вольный городъ», Кустонай! На плоской, какъ столъ, пыльной степи, на берегу полу-пересыхающаго Тобола, текущаго въ степномъ провалѣ, безъ единаго кустика и деревца, стоитъ Кустонай, двадцати-тысячный городъ. Широчайшія улицы перекрещиваются подъ прямыми углами. Въ центрѣ—площадь, равная цѣлому государству. И улицы, и площадь обстроены землянками, мазанками, домишками и домами, въ четыре, въ пять оконъ. Въ землянкахъ и мазанкахъ живутъ мужики. Въ сколоченныхъ на живую нитку домишкахъ размѣстились кабаки, постоялые дворы, пьяные мастеровые и плуты-торгаши. Въ центрѣ города два-три каменныхъ дома, подобныхъ крѣпости: толстыя стѣны, громадные каменные заборы, слѣпые амбары и склады. Это засѣли крупные купцы. Въ амбарахъ—хлѣбъ. Въ огромныхъ лавкахъ—красные товары, чай, сахаръ. Лавки внушительны; это огромные сараи, саженей пятнадцать въ длину, десять въ ширину и аршинъ десять высотою. Стѣны сверху до низу унизаны полками, а на нихъ товары: кумачи, ситцы, платки, головы сахара, фунты, цибики и кирпичины чая. Человѣкъ двадцать прикащиковъ, въ поддевкахъ и сапогахъ бутылками, стоятъ около прилавковъ. Посреди магазина сидитъ европейскій господинъ, — управляющій и кассиръ. Въ урожайные годы въ магазинѣ ярмарка: мужики, бабы, киргизы, киргизки. У желѣзныхъ дверей магазина волы и лошади мужиковъ, кони и верблюды киргизовъ настаиваютъ въ день на четверть навозу. Въ нынѣшнемъ году тихо: у мужиковъ го-

лодъ, у киргизовъ безкормица. Въ магазинахъ пусто, прикащиковъ распустили, барышей нѣтъ.

И страшный же это городъ, Кустонай! Цѣлыя недѣли по степи носятся бураны и затѣмняютъ солнце пылью. Выдуваемый вѣтромъ изъ чернозема песокъ наноситъ сугробами. День и ночь воетъ и визжитъ вѣтеръ въ заборахъ, трубахъ и закоулкахъ зданій, день и ночь стучитъ ставнями и стрѣляетъ желѣзными крышами, вгибая и отпуская ихъ листы. И рѣшительно некуда дѣться отъ пыли, безлюдья и дичи этого города. Выйдешь къ Тоболу,—онъ еще безобразнѣй города. Выйдешь за городъ,—тамъ голая степь, безчисленныя конусообразныя черныя кучи кизяка и несмѣтное полчище вѣтряныхъ мельницъ, которыя машутъ на васъ своими крыльями, точно не пускаютъ въ степь и гонятъ назадъ въ городъ. Вернешься,—опять безобразныя мазанки и домишки, опять народъ, который перенялъ арестантскія манеры наглыхъ и пьяныхъ казаковъ «старой линіи». Ни садика, ни газеты, ни телеграфа, ни хорошей церкви... Когда-нибудь мы съ вами, читатель, заберемся въ Америку и тогда сличимъ американскіе Кустонаи съ нашимъ.

Я предвижу упрекъ, который мнѣ сдѣлаютъ читатели. Экъ, куда хватилъ! — скажутъ они, — тамбовскаго мужика ставить на одну доску съ американцемъ! Читатель, остерегитесь дѣлать этотъ упрекъ. Я хорошо знаю, что есть историческая необходимость, выше которой не прыгнешь. Я знаю что можно очень умно и убѣдительно разсуждать на ту тему, что русскій народъ дѣлаетъ, что можетъ; что исторія его сложилась неблагопріятно; что и подъ давленіемъ неблагопріятныхъ условій, благодаря счастливымъ свойствамъ своего ума и характера, онъ дѣлаетъ очень много и очень

хорошо. Все это я знаю, всѣмъ этимъ я горжусь, все это меня поддерживаетъ; но Боже сохрани насъ съ вами отъ этой благоразумной исторической точки зрѣнія на современность. Пусть свобода воли—гипотеза, пусть даже фиція,—но эта выдумка—единственная точка опоры для тѣхъ, кто еще живъ и хочетъ жить. Штука въ томъ, что есть эта выдумка,—есть и исторія. Нѣтъ ея,—исторія и жизнь останавливаются. Никогда не оправдывайте себя прошедшимъ; всегда вините себя въ томъ, что лучшее будущее достигается вами недостаточно быстро, что другіе обогнали, обгоняютъ васъ. Заводите въ Кустонаѣ телеграфъ, школы и газеты, закрывайте кабаки, не жгите Аровъ, разводите сады, не голодайте,—поѣзжайте взглянуть на американскіе Кустонаи...

Тобольніе Поселки.

Въ 91-омъ году оффиціально ни Кустоная, ни громадныхъ поселковъ, его сосѣдей не существовало. Былъ городъ, были села; въ городѣ—особая городская полиція, въ поселкахъ—старшіе и младшіе «стражники», съ бляхами на лѣвой сторонѣ груди,—но даже Кустонай оффиціально именовался урочищемъ. Оффиціально на мѣстѣ при-тобольныхъ тридцати-тысячныхъ колоній числилось нѣсколько киргизскихъ зимовокъ. По этому поводу у меня былъ поучительный разговоръ съ моимъ возницей, бывалымъ казакомъ съ новой линіи.

— А что, ваше высокоблагородіе (казаки всѣхъ «господъ» титулуютъ по-военному),—а что, ваше высокоблаго-

родіе, поселковую землю отрѣжутъ отъ «кыргызовъ» россейскимъ мужикамъ?

Я, разумѣется, отвѣчаю:—не знаю.

— Надо-бы отрѣзать, ваше высокоблагородіе. Положимъ, киргизы для казны легче: кормить его не надо, потому-что онъ не голодаетъ, богатые бѣдныхъ кормятъ, но за то ужь бѣдные у богачей вродѣ какъ въ Россіи, разсказываютъ, крѣпостные были; во-вторыхъ, онъ лошадей въ военное время для кавалеріи поставляетъ. Все это, ваше высокоблагородіе, вполнѣ понятно, но все-таки надо обратить вниманіе на то, что киргизы въ послѣднее время шибко шустрятся. Извольте видѣть, по разсказамъ, до 54 года киргизы и зимою жили въ кибиткахъ. Послѣ 54 года, когда зима была больно лютая, они по примѣру русскаго народа стали строить на зиму землянки, а иной чортъ, волостной управитель, такъ такой домъ взбодритъ, что и купцу не стыдно. Это разъ. Второе, ваше высокоблагородіе, вотъ что. Стало въ Россеѣ тѣсно,—народъ сюда потянулся, за казацкія линіи, къ киргизамъ, на Тоболъ, въ Акъ-Моллы, въ Семирѣчье. Киргизы имъ рады, потому-что за землю имъ деньги платятъ. Извольте-ка, землю они вродѣ воздуха считали, и вдругъ ни за что, ни про что—деньги! Милости просимъ. Принимаютъ къ себѣ на зимовки: паши, молъ, землю, коси намъ исполу сѣно и береги землянки да кизякъ. Немного, кажется, времени прошло, какъ россейскій народъ сталъ селиться по зимовкамъ,—на моихъ глазахъ было; а ужь теперь многіе киргизы сами выучились пахать и сѣять!.. Я и говорю: шустрый народъ. Это, ваше высокоблагородіе, не то, что башкиры или калмыки. Тѣ—простяки, а это, даромъ-что некрещенный, а тотъ-же русскій по уму... Теперь возьмите

что выйдетъ если киргизы на землепашество пойдутъ? Прямо опасный народъ будетъ. Между ними нашихъ нѣтъ, къ Россеѣ не привыкнутъ, а вѣдь они до самаго китайскаго царства разселены...

Казакъ пріостановился, обернулся ко мнѣ, и, прямо глядя мнѣ въ глаза своими свѣтлосиними, холодными и порядочно наглыми, казацкими глазами, спокойно, но рѣшительно окончилъ:

— А по моему, ваше благородіе, я-бы лучшія мѣста по рѣкамъ и озерамъ зацапалъ, да и забилъ-бы тамъ россейскіе поселки. И была бы у верблюда въ ноздрѣ веревка!.. Дозволите, ваше благородіе, курить?

— Кури.

По зимовкамъ дѣйствительно много россейскаго народа. По рѣкамъ эти зимовки тянутся одна за другой. У большихъ озеръ ихъ нѣсколько; у маленькихъ тоже непремѣнно зимовка. Улицъ, конечно, нѣтъ. Жилья стоятъ въ-перемежку съ кучами соломы и кизяка. Жилья—или землянки, или кубическіе березовые срубы, или такой-же формы избы изъ земляного кирпича. Все это неуклюже, корявo, нескладно и лѣтомъ пусто. Только въ двухъ-трехъ землянкахъ изъ трубъ идетъ смрадный кизячный дымъ, да около изрѣдка покажется человѣкъ, неторопливо запрягающій или распрягающій лошадь, или лѣниво копаются въ сору ребятишки. Это киргизскіе арендаторы и сторожа. Тысячи этихъ людей разсѣяны по зимовкамъ колоссальной киргизской территоріи, и дѣйствительно будетъ какъ-то неловко, когда киргизы выживутъ ихъ отъ себя и сами начнутъ пахать землю, ставить деревни и строить мечети; и еще будетъ обиднѣй, если эти арендаторы окиргизятся, чему есть много примѣровъ.

Сѣвернѣй Кустоная, гдѣ пріютились тобольніе поселки, на правомъ и лѣвомъ берегу Тобола,—уже настоящая Сибирь. Говорятъ, югъ Тобольской и Томской губерніи весь такой:—степь, черноземъ и береза. Эта часть Сибири—березовая степь. Вы ѣдете сто, двѣсти верстъ; говорятъ, можете проѣхать тысячу и другую,—и будетъ все одно и тоже: ковыльныя и травяныя степи, по которымъ разбросаны березовыя рощи, отъ одной до тысячи десятинъ. Степь проникла и въ лѣса, въ которыхъ то-и-дѣло попадаются поляны и полянки, покрытыя ковылемъ и травами. Тамъ и тутъ попадаются мочежины, заросшія низкимъ ивнякомъ, озерца въ видѣ ямъ и круглыя, съ пологими берегами, въ видѣ умывальныхъ тазовъ, озера. Послѣднія, то прѣсныя, то горькія, иной разъ бываютъ громадны: верстъ двадцать, тридцать въ поперечникѣ. Въ иныхъ рыбы столько-же, сколько воды. Трава, вода, черноземъ и береза,—и больше ничего: ни жилья, ни людей, ни холмовъ. Даже кустовъ почти нѣтъ въ рощахъ.

Я понимаю мужика, который бредилъ Кустонаемъ,—новымъ, вольнымъ городомъ. Ни начальства, ни баръ, ни волостного суда, ни потравъ и порубокъ. Вышелъ изъ землянки, взглянулъ,—сердце смѣется: такъ вольно. Я понимаю мужика, но его поведеніе въ «вольномъ городѣ», его манера обращаться съ «новыми мѣстами» просто ужасаютъ меня. Положимъ, тутъ иной разъ заработать можно вдвое больше, чѣмъ «на старинѣ», но мужикъ вмѣсто того работаетъ вдвое меньше. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, земля выпашется, другой земли киргизы не даютъ, — и опять «тѣсно», опять начинай сначала, опять кончай тѣмъ-же, опять бреди снимать сливки «подъ Новый кустъ» или «на Китайскій клинъ». Незамѣтно

искатели новыхъ мѣстъ разбаловываются, разлѣниваются, пріучаются бродяжничать и почти всѣ нищаютъ. Наживаются только два-три кулака, которые за чудовищные проценты ссужаютъ деньгами, а въ голодное время хлѣбомъ, да кабаки, куда тобольніе колонисты ежегодно сносятъ двѣсти тысячъ рублей.

На всѣхъ этихъ новыхъ мѣстахъ, за Ураломъ, какъ и въ «старыхъ» степныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, по выраженію мужиковъ, «однимъ урожаемъ не живутъ», а нужно запасаться изъ предыдущихъ. Нѣмцы, собравшись въ русскую колонію изъ тридцати своихъ государствъ, прежде всего составляютъ Gemeinde, строютъ школу, строютъ запасный магазинъ и выбираютъ старосту, которому, ради поддержанія порядка, вручается противозаконная власть — сажать подъ арестъ и даже келейно пороть. Наши тобольніе колонисты, собравшіеся хоть и изъ тридцати разныхъ губерній, но изъ одного и того-же царства, и не подумали ни о чемъ подобномъ, и при второмъ неурожаѣ погибаютъ—говорю я это не для краснаго слова, а буквально. Изъ сотни дворовъ въ началѣ іюля хлѣбъ былъ только въ одномъ, да и то для себя. Голодные приходятъ къ счастливому обладателю хлѣба и толпой становятся на колѣни: дай хлѣба! А тотъ падаетъ на колѣни передъ толпой и вопитъ: оставьте хлѣбъ моимъ-то дѣтишкамъ! Куда кинуться за хлѣбомъ? Неурожай на сотни верстъ вокругъ. Работъ? — тутъ на вольныхъ новыхъ мѣстахъ заработковъ нѣтъ; только десятый добудетъ у киргизовъ косьбу; но тѣ платятъ точно на смѣхъ десять копѣекъ въ день на хлѣбѣ рабочаго; а хлѣбъ—два рубля пудъ. «Худо, худо было на старинѣ, — говорятъ тобольніе колонисты,—а этакого горя мы не видали».

— Что-же вы запасовъ-то не дѣлали?

— Да кто ее знаетъ...

— Вѣдь податей ни копѣйки не платите?

— Ни копѣйки.

— Повинностей никакихъ не отбываете?

— Вѣстимо. Мѣста-то новыя.

— Только полтинникъ съ десятины киргизамъ плотите?

Мужики и не отвѣчаютъ. Малороссы укоризненно качаютъ головами и молчатъ. Сангвиники-великороссы азартно чешутся и, кто чмокаетъ, кто плюетъ, кто энергично восклицаетъ: эхъ ма! Мордвины вытягиваютъ впередъ шеи и усиленно моргаютъ своими умными свѣтло-голубыми глазами. Черные чуваши въ бѣломъ полотнѣ глупы, какъ и всегда. Тулякъ изъ заводскихъ рабочихъ, самый плохой изъ хозяевъ, воръ и пьяница, пробуетъ сказать что-то образованное насчетъ того, что «правительствующая власть обязана оказывать пенсіонъ»,—но малороссы, великороссы, мордва и даже чуваши взглядываютъ на туляка такъ, что онъ (мгновенно) умолкаетъ и старается попасть въ общій тонъ молчаливаго сокрушенія, что́ къ нему совсѣмъ не идетъ.

Кормитв ихъ? Конечно, кормить. Военноплѣнныхъ турокъ—и то кормили. Но... но не пора ли намъ меньше походить на турокъ?

Голодъ.

Въ первой половинѣ іюля 91 года голодъ уже начался. Уже въ Орскѣ было неладно. Народа двигалось по улицамъ мало, а, кто и ходилъ, такъ вяло, какъ-будто безцѣльно. По утрамъ, съ пяти до восьми, проходили озабоченно и

быстро, отъ окошка къ окошку ряды просящихъ хлѣба, Христа-ради или «прохожему». Первые — мѣстные голодные, вторые—переселенцы. Но въ Орскѣ еше бодрились: за сто верстъ на сѣверъ, говорили, есть и хлѣба̀, и кормы, и работа.

Когда я миновалъ Елизаветинскую, далѣе которой предполагался урожай, стало ясно, что и тутъ не лучше. Тра̀вы какъ-будто зеленѣе, но хлѣба̀ жиденькіе, рѣдкіе, слабые. Казаки новой линіи кряхтѣли, но какъ-будто не по настоящему: здѣсь казаки богатые, есть запасы, а на кормъ накосятъ сухого ковыля, который коса не беретъ, но зато «брѣетъ» сѣнокосилка.

Въ Николаевскомъ стало уже жутко. Тутъ сошлись двѣ бѣды: съ юга засуха, съ сѣвера—кобылка (кузнечикъ Stenobathrus sibiricus). Степь и поля были почти уничтожены. Но и тутъ особаго унынія не замѣчалось. Казаки были увѣрены, что ихъ, вмѣстѣ съ каза̀чками и казачатами, возьмутъ «на паекъ». Настоящая бѣда началась съ Кустоная.

— Это—адъ, это настоящій адъ!—восклицаетъ начальство.—Это... это... адъ, да и все тутъ!

Стражники приносятъ и привозятъ вѣдомости имѣющимся запасамъ хлѣба, списки голодающихъ теперь, списки тѣхъ, которые потребуютъ помощи чрезъ двѣ недѣли. Вѣдомостямъ подводятся итоги, составляются смѣты, пособія переводятся на деньги... Получаются чудовищныя цифры и суммы.

— Нѣтъ, это невозможно, невѣроятно! Это... это—адъ!

Приходятъ толпы мужиковъ съ котомками за плечами, бабы съ дѣтьми на рукахъ, бабы беременныя, худыя дѣвчонки, мальчишки безъ штановъ и шапокъ.

— Видите, такъ каждое утро! Дѣлаемъ что можемъ, но это... это—преисподняя! Клянусь вамъ!

Приходятъ группы шустрыхъ какъ мыши и юркихъ какъ вьюны купчиковъ. Они купили хлѣбъ, но ихъ не выпускаютъ, чтобы еще больше не поднять цѣнъ. Купчики обижены и протестуютъ. Протестуютъ и требуютъ поступленія по закону, причемъ вытаскиваютъ изъ боковыхъ кармановъ прошенія и жалобы со ссылками на законы. Жалобы написаны мѣстными юристами, у которыхъ на воротахъ выставлены огромныя вывѣски: «Подаютъ совѣты и сочиняютъ прошенія».

— Извините, ваше высокоблагородіе, говорятъ купчики такими голосами, точно они готовятся опустить въ гробъ родителей:—извините, но мы страдаемъ незаконно.

— Незаконно, но основательно. Хотя... это — адъ, преисподняя и пекло вмѣстѣ!

Вотъ начались поселки. Тутъ хлѣба̀ уничтожены, тра̀вы тоже. Одни съѣдены кобылкой до самой земли, — и поля черны, а степи покрыты точно намелко изрубленной травой. Другія десятины пшеницы объѣдены сверху, и на полѣ стоятъ только пожелтѣвшія соломины, безъ колосьевъ и листьевъ. Нѣкоторыя поля еще зеленѣютъ превосходной, крупной и сочной пшеницей, но колосья облѣплены рыже-сѣрой кобылкой, которая выпиваетъ зерно. Спугнутыя насѣкомыя развертываютъ розово-красныя крылья и отлетаютъ на нѣсколько саженей. Теперь кобылки не такъ много, но недѣли три тому назадъ и степь, и поля были покрыты ею почти сплошь, и ѣхать и идти приходилось подъ проливнымъ дождемъ скачущихъ и перелетающихъ вспугнутыхъ кузнечиковъ.

Въ поселкахъ тихо, невесело, вяло. Мужики машинально бродятъ по дворамъ. Изрѣдка проѣдетъ возъ съ молодымъ камышомъ или бурьяномъ, чѣмъ теперь и кормятъ скотину. Кабаки заперты (къ сожалѣнію, поздно). Лавочки закрыты. Одинъ набралъ возъ березовой коры и думаетъ, — везти или не везти его въ городъ, за пятьдесятъ верстъ, на худой лошаденкѣ, гдѣ за кору дадутъ ему двугривенный. Другой—въ такомъ же раздумьѣ надъ кучей угля. Третій, съ своей бабой, нерѣшительно посматриваетъ на скотину. Не продашь,—умрешь съ голоду; продашь,—на долгіе годы превратишься въ нищаго. И даютъ-то за большую корову четыре рубля. Ребятишки копошатся у береговъ въ озерѣ,— роютъ молодое камышевое коренье. Бабы, таясь и совѣстясь, собираютъ лебеду. Лебеду нѣсколько разъ кипятятъ, чтобы вытянуть изъ нея горечь, сушатъ, толкутъ и съ небольшой примѣсью муки пекутъ хлѣбъ. Хлѣбъ выходитъ черно-зеленый и горькій, какъ хина. Изъ камышевыхъ кореньевъ хлѣбъ колется, точно шерстяной.

Вотъ молодая баба, высокая, худая, съ потемнѣвшимъ отъ голода лицомъ. Она стоитъ, ослабѣвшей рукой упираясь въ притолоку двери, и ослабѣвшимъ голосомъ, точно тихо бредитъ, говоритъ:

— Ахъ, страшно! Страшно-то какъ! И днемъ ходишь, боишься; и ночью-то во снѣ все страшное видится. Наказаніе Господне и днемъ, и ночью чудится: такъ вотъ оно вѣтромъ и вѣетъ! Сама бы померла—ничего; а дѣтей-то жалко. Какъ пудъ-то купленный муки доѣдаешь, ужаса-а-аешься: гдѣ еще-то возьмешь?

Вотъ хозяинъ, у котораго, говорятъ, есть хлѣбъ нетолько для себя,—кіевскій малороссъ. Этотъ молчитъ, взды-

хаетъ и дѣлаетъ постное лицо, но румяныя хохлушки и шумливыя дѣти его семьи выдаютъ его. Онъ тоже въ тревогѣ, и кругáми да кругáми, вздыхая да охая, и днемъ, и по нѣскольку разъ ночью все ходитъ вокругъ своего амбара. Но дѣлаетъ онъ видъ, что бродитъ отъ горькихъ мыслей, которыя не даютъ ему покоя,—согбенный, въ «брылѣ», надвинутомъ на глаза, покачивая головою, стараясь глядѣть въ землю, но бросая быстрые взгляды по сторонамъ. Чаще всего ему попадается на глаза измятая рожа тульскаго фабричнаго, требующаго отъ «правительствующей власти пенсіона». Охъ, какъ не нравится хохлу тулякъ! Но хохолъ не выдаетъ себя и снова качаетъ головой и устремляетъ взоры долу.

Вотъ еще изба,—орловскаго однодворца. Онъ сразу объявляетъ, что онъ «почти благородный», и что у него встарину крѣпостные были, и что онъ двѣнадцать лѣтъ былъ на родинѣ церковнымъ старостой. Старикъ — сутяга и кулакъ. Онъ основалъ поселокъ, снявъ у киргизъ землю за тридцать копѣекъ десятина и сдавая ее по рублю. Срокъ его аренды кончился; часть киргизовъ сдали землю прямо крестьянамъ поселка, другая часть сдана однодворцу, — и начался «процессъ». Процессъ клонится не въ пользу «садчика», ему приходится плохо, и старый сутяга заводитъ всякія «кляузы».

— Достопочтенный господинъ, — говоритъ онъ мнѣ, — кара Господня постигла насъ, а мы вмѣсто того, чтобы смириться, чинимъ пакости. Вотъ, предъ вами господинъ сельскій староста. Ужели ты староста, станешь отрицать, что взвелъ на меня ложь, будто я, вашъ староста церковный, вкупѣ съ просвирней, наживаюсь на просфорахъ? — Ста-

рикъ вдругъ падаетъ на колѣни.—Вотъ такъ палъ я ницъ передъ владыкой преосвященнымъ. Несправедливъ доносъ ихъ, сказалъ я, о владыко; ложенъ онъ и внушенъ сатаной; приговоръ же о смѣщенiи меня съ церковныхъ старостъ подложенъ, ибо писали безъ вѣдома неграмотныхъ, какъ напримѣръ...

— Ну, ну!—рычитъ невыдержавшiй староста.

Старикъ вскакиваетъ съ колѣнъ.

— А Подшибякина такъ не записали?—восклицаетъ онъ уже совсѣмъ другимъ тономъ.—А Тетерюка не писали? А въ трехъ мѣстахъ Закулюкина не писали? А знаешь-ли, что за это полагается уголовное и исправительное наказанiе?

И пошли, и пошли выворачивать дѣянiя одно уголовнѣй и сквернѣй другого. Старикъ оказался по этимъ обличенiямъ укрывателемъ бѣглыхъ, а староста укралъ хлѣбъ, выданный поселку на обсѣмененiе.

Вотъ изба кулака. Хозяинъ—молодой, бѣлый, розовый, съ шелковистой свѣтлорусой бородой и жидко-голубыми хищными глазами. Баба у него некрасивая, но рослая, свѣжая и видимо влюбленная въ красавца-мужа. Этотъ—владимiрецъ. Весною онъ вызвалъ къ себѣ тетку—«дѣвицу», у которой имѣются деньжонки. Тетка худа, какъ щепка, и плакса; говоритъ басомъ; ухватки угловатыя и нервныя.

— Охъ, наказанiе Господне, охъ наказанiе!—причитаетъ она на своемъ владимiрскомъ нарѣчiи, прижимая худыя руки къ плоской груди.—Батюшка-а̀, глядѣть на народъ-отъ, душа болитъ! Хлѣба̀-тѣ погорѣли, трава-та сгибла... Ходятъ, голубчикъ мой, чуть утречко-то разсвѣнетъ, ходятъ подъ окошками-тѣ, Христа ради просятъ: дай хлѣбушка, да-а-ай!

А пуще жаль бабъ въ тягостяхъ да дѣточекъ-ангелочковъ. Чѣмъ провинились, чѣмъ Господа прогнѣвили!

— Тетенька!—многозначительно окликаетъ хозяинъ,— но видя, что я не тягощусь причитаньями тетеньки, оставляетъ ее въ покоѣ.

Вотъ и еще мужикъ, у котораго есть хлѣбъ—шадринскій великороссъ. Средняго роста, съ большой головой, благороднымъ прямымъ профилемъ, лѣтъ шестидесяти, но еще темноволосый, худощавый. Лицо нервное, время отъ времени оно то тѣмъ, то другимъ мускуломъ дрожитъ. Взглядъ тяжелый, но не потерянный, глубоко печальный и думающій.

— А у тебя есть хлѣбъ?

— Есть, тысяча пудовъ, коротко и ясно отвѣчаетъ онъ.

Домашніе съ тревогой взглядываютъ на него.

— Зимою по два съ полтиной продавать будешь?

Глаза старика на мгновенье пріоткрываются. Въ нихъ видѣнъ ужасъ.

— Сохрани Богъ!—восклицаетъ онъ и роняетъ голову на грудь, задумываясь еще глубже.

Домашніе смотрятъ на него еще тревожнѣй.

Что думаетъ онъ, что задумываетъ? И кто онъ, эта большая, благородная, старая и видимо измученная голова? Некрасовскій-ли Власъ, наканунѣ покаянія, или и всегда онъ былъ «справедливымъ» мужикомъ? Что мучитъ его: собственные грѣхи, или бѣда и грѣхи народа?

А вотъ и сельскій сходъ. Сошлись провожать начальство, на которомъ сосредоточены всѣ надежды. Сомкнулись кругомъ. Впереди—кругъ широкихъ грудей, а дальше головы, головы, головы... Всѣ безъ шапокъ. Бабъ прогнали, чтобы безъ толку не выли. Всѣ молчатъ.

— Чего собрались, почтенные?

На мгновенье молчаніе. Потомъ груди всколыхнулись, головы зашевелились.

— Да проводить тебя. Попомни ты объ насъ: самъ вѣдь видѣлъ, что́ дѣлается.

Начальство отвѣчаетъ. Начальство обнадеживаетъ — лица яснѣютъ. Начальство кончаетъ ободрительной шуткой, — толпа засмѣялась. Заискивающе смѣется однодворецъ; смѣется съ видомъ цѣнителя остроумія тулякъ; смѣются сангвиническіе великороссы, которымъ ни почемъ смѣнить въ пять минутъ десять настроеній; подумавъ и понявъ, ухмыльнулись лупоглазые, умные мордвины; вслѣдъ за «міромъ» улыбнулись малороссы. Одинъ только не смѣялся, — шадринскій богатый мужикъ. Его лицо дрожало уже все. Онъ пристально глядѣлъ на начальство, губы его шевелились, онъ чуть-чуть не сказалъ чего-то... Что хотѣлъ онъ сказать?..

Изъ поселковъ въ Троицкъ.

У Троицка сходятся Туркестанъ, Сибирь и Уралье (извините за новое слово: Уралье). Въ югозападномъ углу Троицкаго уѣзда начинаются среди уральскихъ холмовъ-горъ, въ 2—3 верстахъ одна отъ другой, двѣ рѣки: одна—всѣмъ извѣстный Уралъ, другая—никому неизвѣстный Уй. Уралъ, сначала увеличиваясь притоками, потомъ, южнѣе Оренбурга, высыхая отъ средне-азіятскихъ, не уступающихъ тропическимъ, жаровъ, доползаетъ до Каспія. Уй у станицы Усть-Уйской впадаетъ въ Тоболъ и несетъ свои воды въ полярный океанъ.

И Уй, и Уралъ родятся въ уральской горной странѣ, которую именуютъ горнымъ хребтомъ.

Постепенно я изъ послѣднихъ границъ Средней Азіи попалъ въ Сибирь. При-тобольніе поселки—еще ни Средняя Азія, ни Сибирь. Воды прибываетъ, но пока въ видѣ озеръ; а рѣки текутъ небольшими ручьями, одинокими, безъ притоковъ на сотни верстъ: того и гляди, пересохнутъ. Березовые лѣса появились, но береза еще кривая, изогнутая буранами, которые родятся отъ быстрой смѣны знойныхъ туркестанскихъ дней и холодныхъ сибирскихъ ночей. Травы зелены, но все еще не образуютъ плотнаго сѣвернаго дерна. И народъ тутъ еще не сѣверный. Колонисты Тобола, конечно, не успѣли переродиться, но казаки Усть-Уйской станицы, коренные великороссы, уже похудѣли, головы ихъ уже уменьшились, тѣла стали гибкими и стройными, лица загорѣли. Тутъ уже не видно ни сѣверной пухлости, ни великорусской большеголовости. Тутъ тоже *тѣсно*.

Изъ при-тобольнихъ поселковъ въ Усть-Уйскую меня везъ снова казакъ, изъ Усть-Уйской. Мы переѣзжали заливные луга Тобола. Это широкая, верстъ въ десять, долина, среди которой вьется крошечный, едва-едва не пересыхающій Тоболъ. Знаменитые тобольніе луга были голы и черны: кобылка все съѣла. Знаменитая тобольняя трава уцѣлѣла только кустами тамъ, гдѣ долго стояла вода. Казакъ съ гордостью поднесъ мнѣ пучекъ знаменитой травы.

— Выше груди иной разъ бываетъ, сказалъ онъ.—А скосишь, черезъ три недѣли атаву опять хоть коси!

— Что-же вы съ прошлыхъ годовъ не запасались?!

Казакъ помолчалъ, задумчиво и сердито глядя въ пространство.

— Запасешься тутъ! Голытьба все пропьетъ, а у кого запасы есть... Не повѣрите, сколько тутъ сѣна попалили!

— Зачѣмъ-же вы палили?

Казакъ отвернулся, видимо, чтобы скрыть раздраженіе, которое сказалось въ короткихъ, энергичныхъ фразахъ:

— Мало-ли стервецовъ! Возьметъ да и подпалитъ!.. У меня, молъ, нѣтъ ничего,—такъ на-жь, и у тебя не будетъ!.. Тѣсно, вотъ что!

Усть-Уйская станица снова на «старой линіи», т. е. опять пьяная и некрытая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это торговый пунктъ и потому дома кулаковъ и купцовъ—хорошіе каменные, крытые желѣзомъ. Но великолѣпнѣй всего—ворота. Ужь какихъ-какихъ стараній не приложено, чтобы сдѣлать ихъ по возможности пышнѣй! И сколочены-то они изъ настоящей мозаики дощечекъ, и раскрашены-то въ яркіе цвѣта: доски въ одинъ цвѣтъ, швы въ другой, шляпки гвоздей въ третій, пиленые узоры въ четвертый. Синее, зеленое, красное,—такъ и пестрятъ въ глазахъ. Крыша надъ воротами крыта желѣзомъ, выкрашеннымъ лазурью. Гребешокъ и края вырѣзаны хитрыми фестонами, частью опущенными, частью приподнятыми. И каждый фестонъ выкрашенъ въ особый цвѣтъ. Другая роскошь—водосточныя трубы: въ видѣ драконовъ, съ крыльями, съ языками въ видѣ стрѣлы, съ глазами, съ разинутой пастью, выкрашенной въ пунцовый цвѣтъ. Хорошіе дома! Полы паркетные, стекла бемскія, рамы оконъ взяты въ мѣдныя скобы. Я квартировалъ въ одномъ изъ нихъ и попросилъ газету почитать.

— Не читаемся, — отвѣтили мнѣ хозяева. — Урожаи были, торговля шла, тогда дѣйствительно баловались, выписывали, а нонѣ нѣтъ.

Чрезъ полъ-часа мнѣ вдругъ вносятъ пачку газетъ. Я обрадовался:

— Нашлись?

— Нашлись. Вчерась у сосѣдей судья забылъ. Нате-ка, почитайтесь.

Съ жадностью взялъ я объемистый пукъ печатныхъ листовъ, не виданныхъ мною съ Орска. Увы, это были казенныя объявленія «Правительственнаго Вѣстника»: публикаціи о задержанныхъ бродягахъ, съ описаніемъ ихъ примѣтъ, и вызовы на поставку холста для портянокъ сторожамъ казенныхъ военно-учебныхъ заведеній.

Верстъ на пятьдесятъ сѣвернѣй Усть-Уйской я видѣлъ уже настоящія сибирскія села, съ настоящими, тоже должно быть, сибирскими, именами: Косолапово и Становое.

Къ этимъ Косолаповымъ дорога идетъ все тою же березовой степью, которая началась отъ Кустоная. Та-же равнина, тѣ-же озера и озерца, тѣ-же травы. Изрѣдка встрѣтятся двѣ-три сосенки. Крупнаго лѣса уже нѣтъ; березнякъ все молодой, мелкій, но все-же и это отрада послѣ голой сожженой степи. Тутъ въ первый разъ пристяжныя моего тарантаса цѣпляли вальками за деревья и кусты, а вѣтки хлестали по лицу. Въ первый разъ въ этомъ году я увидѣлъ ягоды земляники и грибы. Лѣса, вѣрнѣе перелѣски, чередуются съ полями; въ самихъ лѣсахъ много полянъ. Въ лѣсахъ небольшими кусками засѣяна озимая рожь; она уцѣлѣла отъ морозовъ, защищенная деревьями. На открытыхъ мѣстахъ, гдѣ вѣтеръ сдуваетъ снѣгъ, выдуваетъ землю и обнажаетъ корень посѣвовъ, озимые не выдерживаютъ и вымерзаютъ. Мѣстность живетъ одной яровой пшеницей. Эта однообразная культура плодитъ кобылку, которая въ сухіе

годы размножается, втеченіе ряда сухихъ лѣтъ, какъ это было въ послѣднее время, достигаетъ невѣроятнаго количества и съѣдаетъ яровые посѣвы, которыхъ зелень долго держится нѣжной. Рожь грубѣетъ скорѣе и уходитъ отъ кобылки.

Не доѣзжая сибирской деревни,—Косолапова или Станового,—версты полторы, вы натыкаетесь на ворота. Зачѣмъ они тутъ, не сразу поймешь, потому-что березнякъ и ивнякъ скрываютъ заборъ, который идетъ вправо и влѣво отъ воротъ. Этотъ заборъ изъ жердей (уже становится *тѣсно* съ жердями!) огораживаетъ огромное пространство вокругъ Косолапова. Это выгонъ,—выгонъ не нашъ, русскій, а сибирскій: тутъ и лѣсъ, и ручьи, и озеро, и сама огромная деревня, и болотце, и луга, немного песковъ; это цѣлый надѣлъ большого русскаго села. Къ сожалѣнію, онъ тоже *тѣсенъ*: Косолапово разрослось, скота много, а жердей для того, чтобы расширить выгонъ, не хватаетъ,—пора идти туда, гдѣ жердей вволю.

Проѣхавъ выгонъ, подъѣзжаемъ къ селу. Прежде всего, какъ-бы село ни называлось, намъ попадаются на глаза груды навоза выброшеннаго изъ хлѣвовъ и вывезеннаго на выгонъ. Землю здѣсь не удобряютъ, потому-что земля—черноземъ. Правда, онъ выпахивается, но «подъ Новымъ Кустомъ» есть еще невыпаханный. Не идетъ навозъ и на кизякъ, потому, что топятъ дровами. Правда, лѣса уже сведены и остался одинъ хворостъ; правда, скоро и хвороста не будетъ,—но что за бѣда: въ «Бійскомъ» лѣсовъ сколько хочешь, тамъ сливки еще не сняты.

За грудами навоза стоятъ вѣтряныя мельницы, окружающія Косолапово кольцомъ. Строятся онѣ особеннымъ обра-

зомъ. Изъ бревенъ складывается высокая четырехъ-угольная пирамида и только на самомъ верху утверждается вращающаяся будка, въ которой помѣщается механизмъ; въ будку лѣзутъ по висячей деревянной лѣстницѣ, вродѣ пароходнаго трапа.

Кончились мельницы,—непремѣнно начинается пожарище. Избъ съ пятокъ сгорѣло мѣсяцъ тому назадъ; другой пятокъ сгорѣлъ на-дняхъ. Мужики разбираютъ головешки, ребята роются въ золѣ и въ ямахъ отъ погребицъ.

Далѣе идутъ «предмѣстья» славнаго Косолапова. Это нѣчто невообразимое. Подобныя безобразно-разваленныя избы я видывалъ только въ театрахъ, когда декорація изображаетъ «хату бѣднаго мужика». Великорусская бѣдность куда *стильнѣй* бѣдности малороссійской и бѣлорусской. Тамъ бѣдность все-же стыдится; а тутъ бѣденъ—такъ ужь до позора: ставни на одной петлѣ; крыша сползла, да такъ и стоитъ, однимъ концомъ тесины на землѣ, а другимъ на стрѣхѣ; на потолкѣ—лебеда и даже дикая конопля; стекла выбиты. Кромѣ того, если малороссъ или бѣлороссъ бѣдны, такъ ужь весь свой вѣкъ. Не то великороссъ; онъ сегодня богатъ, завтра бѣденъ, послѣ завтра опять богатъ. Самыя развратно-разрушенныя избы по большей части — большія, просторныя, свѣтлыя, да и не старыя. Видно, бѣдность пришла всего года три-четыре тому назадъ. Былъ хозяинъ богатъ, былъ тароватъ, да вдругъ, видно, запилъ и пьетъ всѣ четыре года подрядъ. Нельзя однако поручиться, что завтра-же онъ не перестанетъ пить и не переселится изъ «предмѣстья» въ центръ села, куда мы и въѣзжаемъ.

Попавъ въ центръ, вдругъ видимъ себя въ городѣ, не

хуже Орска или Троицка, гдѣ не рѣдкость милліонеры и стотысячники, живущіе въ такихъ-же одноэтажныхъ каменныхъ чистенькихъ, въ пять, семь оконъ по фасаду, домахъ, какіе занимаютъ центръ Косолапова или Станового. Дома въ самомъ дѣлѣ хоть куда: и бемскія стекла, и мѣдныя скобы; драконы—просто живые, а ворота—петербургская дачная барышня въ мордовскомъ костюмѣ, а не ворота. Рядомъ съ домами—игрушки-каменные амбары для хлѣба, каменныя лавки съ солидными зелеными желѣзными дверями. Въ лавкахъ—немалая торговля красными, мануфактурными и бакалейными товарами. И, конечно, «винныя лавочки, какъ здѣсь на вывѣскахъ именуются кабаки. Десять, пятнадцать такихъ домовъ,—и снова начинаются развратныя предмѣстья. Тутъ иногда попадаются богатые дома старыхъ временъ, когда еще были лѣса, и Косолаповы кирпича не знали. Что за бревна, что за несокрушимая постройка! Отъ фундамента до крыши всего восемь, девять звеньевъ. Въ бревнахъ ни сучка, ни задоринки. Лѣсъ лиственничный, который будто и сгнить не можетъ; только пуститъ смолу, немного потемнѣетъ, точно слегка вымазанный дегтемъ, да такъ и стоитъ, ни мхомъ не покрываясь, ни шелушась. Если-бы не пожары, вѣка-бы не было этимъ постройкамъ. Въ Польшѣ я видѣлъ костелы изъ лиственницы, «моджева», которые крѣпко стоятъ по два столѣтія. Тутъ пожары истребили лиственничные дома, а лиственница давно уже исчезла подъ безжалостнымъ топоромъ. И удивляешься прожорливости этого русскаго топора. Добро-бы тутъ были подмосковныя фабрики, или густая сѣть желѣзныхъ дорогъ, или сплавныя рѣки,—а то вѣдь на всю округу на двадцать-пять верстъ во всѣ стороны только одно Косолапово и стоитъ,

безъ рѣкъ, дорогъ и фабрикъ! Русскій «баринъ» не умѣетъ обращаться съ лѣсомъ, но въ сравненіи съ мужикомъ онъ просто нѣмецъ по лѣсной части.

Такіе Косолаповы, — сотни нищихъ на десятокъ-другой, богачей-кулаковъ,—такіе березняки, смѣнившіе прежніе дремучіе лѣса, такой черноземъ, говорятъ, тянутся безъ конца по южной части западной Сибири на востокъ. Тянутся они и на западъ, по той дорогѣ, которою я ѣхалъ до Троицка. Я не буду останавливать читателя на каждой верстѣ—вѣдь я ихъ сдѣлалъ тысячу двѣсти *на лошадяхъ!*—и перейду прямо къ Троицку.

Березовая степь подходитъ къ самому Троицку и вдругъ прерывается глубокой и широкой рѣчной долиной, на днѣ которой протекаетъ жалкій Уй. Спускъ со степи въ долину долгій, версты въ двѣ. Сверху весь Троицкъ какъ на ладони, со своими каменными одно, — много двухъ-этажными домиками, семью церквями и шестью мечетями. Правѣе города на полугорѣ квадратъ мѣнового двора, такого-же какъ и въ Оренбургѣ, но деревяннаго и гораздо меньшихъ размѣровъ. Торговля Троицка со степью, съ «ордой», т. е. киргизами, говорятъ, не меньше оренбургской. У мѣнового двора въ степи пасутся стада приведенныхъ киргизами лошадей, быковъ, овецъ и козъ. Внутри двора — бухарскіе и хивинскіе товары. Въ городѣ монументальныя лавки биткомъ набиты покупающей русскій товаръ «ордой», съ которой прикащики бойко разговариваютъ по-киргизски. Есть въ Троицкѣ и стотысячники, и даже милліонеры. Про одного изъ нихъ извозчикъ мнѣ сказалъ, что онъ каждый день съ капитала сорокъ-пять рублей «проценту» получаетъ, и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что получающій сорокъ-пять рублей въ день—

совсѣмъ не милліонеръ: до того большимъ казался ему процентъ.

По общей молвѣ, татарскіе купцы въ Троицкѣ богаче русскихъ. Судя по отличнымъ мечетямъ, въ стилѣ уѣздныхъ церквей, бѣлыхъ, съ зеленымъ куполомъ и золоченымъ шпилемъ, на которомъ за рожокъ укрѣпленъ золотой полумѣсяцъ, судя по упитаннымъ татарамъ-купцамъ, то-и-дѣло разъѣзжающимъ на отличныхъ лошадяхъ, но на простыхъ дрогахъ, даже безъ кузова, а просто прикрытыхъ войлокомъ судя по множеству простой татарвы, торговцевъ, рабочихъ и извозчиковъ, — Троицкъ больше татарскій городъ, чѣмъ русскій. Какъ-то конфузно. Троицкъ,—и столько-же мечетей, сколько церквей; да еще, говорятъ, какой-то ревнитель ислама, милліонеръ Алей Валеевичъ Бикбердиновъ, или что-то въ этотъ родѣ, хочетъ взбадривать и еще мечеть! Право, конфузно. Видѣть въ русскомъ городѣ кирку, костелъ—ничего, а шесть мечетей подрядъ—конфузно. Вѣдь,—какъ никакъ,—а на макушкахъ у нихъ полумѣсяцъ, а мы съ вами, читатель, для ихъ прихожанъ — гяуры, невѣрныя собаки. Вслѣдъ затѣмъ я еще больше сконфузился. Меня везъ извозчикъ-татаринъ изъ тѣхъ, которые, по пословицѣ: «татаринъ либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ» былъ насквозь хорошъ: глупъ и честенъ, какъ честный волъ.

— Хорошія у васъ мечети,—сказалъ я.

— Страсть хорошія! Нашъ купецъ шибко богатый; все казанскій купецъ.

— А пускаютъ въ мечети?

— Господъ пускаютъ, ничего...

— Это хорошо, что пускаютъ. Вотъ и въ Истамбулъ, и то даже пускаютъ.

— Врешь, баринъ, въ Истамбулъ не пустятъ.

— Отчего же?

— Тамъ нашъ татарскій царь живетъ за моремъ, значитъ, въ Истамбулѣ. Шибко сильный царь, онъ всю землю можетъ забрать, только не хочетъ.

— Отчего же не хочетъ?

— Въ законѣ дѣло такое сказано. Сказано, что нельзя,—онъ и не хочетъ. Въ законѣ сказано; будетъ у татарскій царь три такихъ человѣка, что всю землю, всѣ царства завоюютъ,—и всѣ татары будутъ. Тогда станетъ воевать.

— Какъ же они втроемъ-то завоюютъ?

— Стало быть такое дѣло въ законѣ написано. У нихъ шашка такой будетъ, на полверста и больше все будетъ рости; махнетъ—все зарубитъ; въ законѣ сказано такое тутъ дѣло. Всѣ татары станутъ...

Изъ признаковъ культуры въ полу-татарскомъ, полу-купецкомъ Троицкѣ—только красивые, чистенькіе купеческіе дома-особняки. Газету такъ же трудно добыть, какъ ананасъ; книжныхъ лавокъ нѣтъ, даже бань нѣтъ, даже гостинницъ, даже мѣста для гулянья. Купцы гулянье понимаютъ очень своеобразно.

— Что же, онъ акуратный человѣкъ?—спросилъ я извозчика, который показывалъ мнѣ домъ счастливца, получающаго въ день сорокъ-пять рублей «проценту».

— Акуратный. Гулять то гуляетъ, да рѣдко: такъ, не больше сотни въ мѣсяцъ пропиваетъ.

Зачѣмъ же тутъ газета, сады, оркестръ или театръ! И понятно, послѣ этого, побѣда, которую въ Троицкѣ одерживаетъ татарская культура надъ русской.

Гостинницъ нѣтъ потому, что пріѣзжіе торговцы оста-

навливаются у «знакомыхъ», а господа—на почтовой станціи. Къ такимъ «знакомымъ» попалъ по рекомендаціи и я, но другой разъ остановлюсь на станціи. Тутъ все было по семейному. Комната проходная, обѣдъ скаредный. Прислуга—уродливая баба Ильинишна и чудаковатый мужикъ Исакъ. Ильинишна отрекомендовалась мнѣ тамбовской, а Исака назвала чувашемъ. Ильинишна ушла съ мужемъ со старины на новыя мѣста потому, что у нихъ всѣмъ бы хорошо, да колодезь больно глубокъ: пока-то бадью вытянешь! На новыхъ мѣстахъ Ильинишну съ мужемъ постигла неудача.

— Пьяница мужъ-то у меня. А пьиницу хушь въ царство небесное завези, онъ все пить будетъ. Шли мы въ Бійскій, дошли до Троицка: онъ тутъ въ мѣщане опредѣлился да и запилъ. Да девятый годъ и пьетъ. Я и не вижу его, ирода! Тьфу!

Ильинишна и Исакъ вѣчно гдѣ-то отсутствовали или всегда были чѣмъ-то заняты. Нужно послать на почту—Исакъ рубитъ мясо для куръ. Велишь закрыть ставни—Ильинишна ушла полоскать бѣлье. Кромѣ того, оба были или притворялись дуроковатыми, а ужь извѣстно, гдѣ прислуга дуроковатая, тамъ хозяева сквалыги. Такъ вышло оно и тутъ: жалѣли углей въ самоваръ, кормили дрянно, а за обѣдъ брали 75 копѣекъ.

Чувашское происхожденіе Исака показалось мнѣ сразу сомнительнымъ. Во-первыхъ, имя, оно говорило о какой-то иной, знакомой мнѣ національности. Во-вторыхъ, немалая комическая способность Исака: онъ отлично притворялся дурачкомъ и чудачкомъ, но видно было, что шельмецъ притворяется. Въ-третьихъ, у Исака была страсть вечеркомъ не спѣша, покуривая и сплевывая, поговорить и поразсуждать.

Манера разсуждать тоже показалась мнѣ очень знакомой. Дѣло всегда шло о вещахъ Исаку крайне посторонних и совсѣмъ непрактическихъ, — напримѣръ, о томъ, отчего родятся силачи, подобные тому, который показывалъ фокусы въ балаганѣ у мѣнового двора.

— Это отъ хорошей ѣды сила, — слышу я у себя подъ окномъ разсужденія Исака.—Харчъ хорошій, ну и сила въ тебѣ густѣетъ... Я видѣлъ, что харчи-то дѣлаютъ! Въ своей же деревнѣ видѣлъ. Мужикъ молодой, Карпъ, на моихъ глазахъ выросъ. И мужикъ же сталъ здоровый какъ волъ! Да и что! Мать до пяти лѣтъ кормила, а отецъ до семнадцати годовъ работать ничего не давалъ... Такъ, ходитъ какъ дурачокъ! Руки, ноги—словно столбы. Сапога себѣ на кирмашѣ добрать не можетъ!

Слово *кирмашъ* меня озарило.

— Исакъ ты не чувашъ!—воскликнулъ я, выглянувъ въ окошко.

— Нѣтъ, не чувашъ.

— Ты могилевскій.

— Нѣтъ, витебскій,—конфузясь отвѣтилъ Исакъ.

Какъ Третьяковскій былъ вѣчнымъ труженикомъ, такъ бѣлороссъ—вѣчный батракъ. Ни въ числѣ идущихъ переселенцевъ, ни въ числѣ осѣвшихъ я не видалъ бѣлороссовъ. Бѣлороссъ уходитъ одинокимъ и изъ батраковъ никогда не выбивается. Мы съ Исакомъ разговорились. Оказалось, онъ таки повидалъ свѣтъ и очень этимъ гордился. Онъ былъ и подъ Херсономъ, и во Владимірской губерніи, въ Закавказьѣ на Дону, въ Ригѣ и въ Семипалатинскѣ. Вездѣ онъ былъ въ батракахъ. Самое лучшее воспоминаніе онъ сохранилъ о херсонскихъ хохлахъ, потому что «хохлы вотъ какъ богаты:

воды пить не даютъ; пей молоко!» Въ Семипалатинскѣ при немъ «церковь начали строить». Въ Ригѣ будто-бы есть домъ «въ одиннадцать этажей, одинъ на одномъ». Въ Владимірской губерніи «не очень хорошо: все вишня да вишня, а груши привозятся издалека и дороги». Въ Троицкѣ Исакъ, рубя курамъ мясо и не брезгая съѣдать самъ лучшіе кусочки, додумался до того, откуда у человѣка берется сила, и видимо мечтаетъ отправиться домой и тамъ поражать разсказами о видѣнномъ. Для этого онъ готовъ пожертвовать скопленными тридцатью рублями. Кромѣ разсказовъ, онъ хочетъ удивить еще и своимъ русскимъ языкомъ, который кое-какъ усвоилъ.

Уралъ.

Не безъ волненія готовился я увидѣть Уралъ, этотъ старѣйшій изъ горныхъ кряжей міра. Я зналъ, что онъ старъ какъ свѣтъ, но все же не ожидалъ встрѣтить такого дряхлаго старца. Онъ такъ старъ, что даже и не величественъ. Ледники, которые когда-то ползли съ него, понизили его, по разсчетамъ геологовъ, на триста саженей. Все, что было съ него снесено, засыпало долины и ущелья, сравняло пропасти, завалило озера и разнесло на востокъ и западъ на полтораста верстъ въ каждую сторону. Груды мусора и песку давнымъ давно заросли землей, гдѣ глиною, гдѣ черноземомъ. Вывѣтрившіяся горы покрыты лѣсами. Рѣки, текущія съ горъ, не обильны водой, потому что питаются только дождями, и мутны, потому что текутъ не по камнямъ, а по

глинѣ или черноземy. Ущелья превратились въ широкія, плоскія долины, а потопленныя въ нихъ горы видны только однѣми макушками и представляются простыми холмами. Весь Уралъ, за исключеніемъ самой его сердцевины — земледѣльческая страна, но Уралъ все же дѣлаетъ свое дѣло, и чѣмъ дальше отъ Троицка, тѣмъ больше лѣсовъ, больше воды, небо становится блѣднѣй, солнце не такъ ослѣпительно и жарко, воздухъ влажнѣй и прохладнѣй. Я пристально наблюдалъ этотъ переходъ, ожидая увидѣть Уралъ, который долго не хотѣлъ показываться.

Сначала отъ Троицка, верстъ на двадцать, тянется, ничѣмъ не возмущенная черноземная степь. Изрѣдка виднѣются рощи березъ, которыя издали представляются помѣщичьими садами. Подъѣзжая, такъ и ждешь, что деревья разступятся, покажется фигурный деревянный заборъ, а за нимъ помѣщичій домъ. По двору изъ прачешной бѣжитъ съ накрахмаленными юбками на плечѣ горничная, въ платьѣ съ таліей и въ ботинкахъ. Она остановится и посмотритъ на проѣзжающаго. Покосится на него и баринъ, въ парусинномъ пиджакѣ, вышедшій посмотрѣть, какъ подковываютъ лошадей для завтрашней поѣздки въ городъ. А въ домѣ въ это время поздно вставшія барышни завтракаютъ цивилизованно: утираясь салфетками, кушая вилками, соль берутъ не руками, за ѣдой не рыгаютъ, отца зовутъ не тятенькой, папашей. А на столѣ лежитъ газета, можетъ быть, двѣ; можетъ быть, журналъ... Такъ разыгрывается фантазія, утомленная ѣдой безъ вилокъ и салфетокъ и единственнымъ печатнымъ листомъ, собственнымъ паспортомъ. Но фантазія разыгрывается напрасно. Роща приближается, роща остается позади, — и въ ней никого, кромѣ гурта воловъ, ко-

торый звѣрообразные киргизы гонятъ изъ Акмолловъ въ Златоустъ.

Еще станція, еще нѣсколько часовъ ожиданія Урала,—а его все нѣтъ какъ нѣтъ. Далеко, далеко впереди стелется степь и разбѣгаются березовые перелѣски. На горизонтѣ—только облака; облака уже сѣверныя. Ночью была гроза съ холоднымъ дождемъ, холодный вѣтеръ пронесъ тучу, а ея остатки разбилъ на множество бѣло-сизыхъ, круглыхъ какъ шарики облачковъ. Холодно; облачка на своей высотѣ зябнутъ и быстро убѣгаютъ вдаль, чтобы согрѣться на ходу и уйти куда-то, гдѣ теплѣе. Дорога послѣ недавняго дождя влажна, но быстро, по южному, высыхаетъ. На травѣ и на листьяхъ березъ росы нѣтъ. И только разъ порадовалась моя душа: въ одномъ мѣстѣ, гдѣ березы были выше и гуще, поперекъ дороги протянулся грязный ухабъ, въ немъ была лужа, а на грязи и надъ ней вился рой сѣверныхъ бабочекъ-капустницъ.

На шестидесятой верстѣ отъ Троицка наконецъ сказывается Уралъ. Степь обрывается крутымъ спускомъ. Вдали, верстахъ въ пятнадцати, виднѣется гора съ двойной макушкой. Она обозначена на картахъ и носитъ названіе Титычной. Между нами и горой широкая, плоская долина, на которой, какъ на блюдѣ, видны нѣсколько деревень, группы березъ и рѣка въ каменной, розово-сѣрой рытвинѣ. По спуску горы кое-гдѣ торчатъ камни.

Спускаемся внизъ, —и опять на пятнадцать верстъ ровная черноземная степь и березы, которыя маскируютъ даль. За березами мы не замѣчаемъ, какъ подымаемся по легкой покатости вверхъ. Только въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ двойной горы мы видимъ, что взобрались почти на ея ма-

кушку. Не будь этихъ острыхъ вершинъ, которыя невысоко поднялись надъ общимъ уровнемъ плоской гряды, куда мы такъ незамѣтно взобрались,—это мѣсто и горой не было-бы названо.

Ѣдемъ дальше. Снова степь, пшеница, бахчи и береза. На этотъ разъ равнина короче и скоро перерѣзывается новой плоской долиной, гдѣ снова, какъ на блюдѣ, видны деревни, рощи и рѣчка въ каменистыхъ берегахъ. Противоположный берегъ долины какъ-будто выше, островерхихъ холмиковъ на немъ какъ-будто больше, сама долина мельче... Уралъ, наконецъ, пойманъ: мы уже давно подымаемся на него какъ по отлогой лѣстницѣ. Ступени лѣстницы очень широки. Каждыя двѣ ступени раздѣлены углубленіями, которыя становятся все мельче и подымаются вмѣстѣ съ горами. Когда-то эти плоскія долины были ущельями; горныя гряды были грозными, обрывистыми утесами. Рѣчки не текли такъ мирно, какъ теперь, а мчались стремглавъ и грохотали, пробуждая эхо среди каменныхъ стѣнъ, теперь онѣмѣвшихъ подъ толстымъ слоемъ мягкой земли.

Первая деревня, въ которой есть что-то горное, называется весьма прозаично Лягушинымъ. Двѣ рѣченки, которыя огибаютъ деревню, бѣгутъ по огромнымъ бѣлымъ плоскимъ камнямъ, какъ стадо барановъ разлегшихся въ рѣкахъ, и по ихъ плоскимъ берегамъ. Эти рѣчки и камни не мѣшаютъ, однако, и деревнѣ, и ея полямъ, и огородамъ, и сѣнокосамъ быть самой обыкновенной русской деревней. Правда, тутъ живутъ казаки, которыми колонизированъ весь восточный склонъ Урала въ Оренбургской губерніи, но здѣшніе казаки тѣ-же полу-сибирскіе мужики. Тѣ-же каменные дома богачей; тѣ-же живописно разрушенныя избы голытьбы.

Такое-же обиліе послѣдней и «винныхъ лавочекъ», виновницъ ея злоключеній. Здѣшній казакъ по виду уже не то, что казакъ юга Оренбургской губерніи. Тѣломъ онъ уже коротокъ, бородою волосатъ; лицо пухлое, и отъ необходимаго на сѣверѣ жира, и отъ водки. Это переходъ къ населенію заводскихъ рабочихъ сердцевины Урала, которые отъ пьянства уже начали сохнуть и пріобрѣтать видъ подмосковнаго фабричнаго.

За Лягушинымъ слѣдуетъ станица Кундравинская. Ея долина уже сомкнута кольцомъ островерхихъ холмовъ. Но и она еще окружена черноземными полями пшеницы. Ея выгонъ уже совсѣмъ сѣверный, покрытый плотнымъ дерномъ гусиной лапки, бѣлаго клевера и мятлика. Зато подъ этимъ дерномъ лежитъ золото. Тутъ и тамъ «старатели» нарыли кучи песку, нашли золото, и на-дняхъ ожидаютъ привоза паровика, чтобы начать промывку. Смотритъ сюда и настоящій Уралъ, средній изъ хребтовъ, на которыя раздѣляется немного выше Златоуста громадный единый кряжъ, пробѣгающій двадцать-восемь параллелей. Еще не доѣзжая Кундравина, вы замѣчаете на горизонтѣ, довольно высоко, какой-то неясно синѣющій тройной горбъ. Это тройная гора Таганай. До нея еще шестьдесятъ верстъ, но она мощно выпираетъ изъ этой дали, невольно бросается въ глаза, и на нее глядишь съ уваженіемъ.

Выѣхавъ изъ Кундравина къ Міясу, попадаемъ уже совсѣмъ въ горы. Равнинъ уже нѣтъ, — пошли «подныры» и «ухабы». Сначала, и направо, и налѣво — зеленыя горки, которыя кудрявятся прозрачными березами; такъ идетъ до Міяса; потомъ горки превращаются въ горы, и наконецъ со всѣхъ сторонъ обступаютъ насъ тяжелые плоскіе хребты,

разставленные въ нѣсколько рядовъ, покрытые щетиною сосенъ. Но и эти великаны представляются точно миражемъ. Посмотрите издали, — горища загораживаетъ если не половину, то четверть неба! Кажется, взобраться на нее, — это цѣлая экспедиція. Но проходитъ полчаса, проходитъ часъ; ѣдешь съ горки на горку, нестарыми, чистыми лѣсами березъ и сосенъ; на горкѣ колеса слегка прогремятъ объ обнажившійся камень, въ лощинкѣ простучитъ живой мостъ надъ ручьемъ, заросшимъ ольхой и черемухой, перевитыми хмѣлемъ;—совсѣмъ и забудешь, что ты въ большихъ и знаменитыхъ горахъ, а не въ Рогачевскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи;—глядь, а ты уже вынырнулъ изъ сосноваго бора на самую вершину того синяго великана, который загораживалъ тебѣ путь. И совсѣмъ онъ не синій; глинистая дорожка — сѣро-желтая, и вьется она среди влажнаго луга, между кустовъ ивняка и березъ. Хоть сейчасъ начинай тутъ строить небольшой хуторъ, десятинъ въ двѣсти. А между тѣмъ впереди опять подымаются синіе хребты, и опять при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются отличными мѣстами для основанія хутора средней руки. Рѣдко-рѣдко когда попадется вершина поострѣе и покаменистѣй; и такая вершина — знаменитость.

Настаетъ моментъ, не лишенный торжественности. Ныряя съ горки въ мокрую лощинку, изъ лощинки полной рысью въѣзжая на сухой пригорокъ, мы попадаемъ на самый гребень Урала. Позади—Азія, впереди—Европа. Позади въ нѣсколько рядовъ стоятъ синіе горные хребты, раздѣленные могучими, просторными долинами. Впереди — глубокій провалъ, а за нимъ хребты гораздо ниже того, на которомъ мы находимся; тутъ на западъ идетъ спускъ съ Урала. На-

право, вровень съ нами, немного выше, подымаются съ нѣкоторой претензіей на живописность три Таганая: Большой, Малый и Круглый, онъ-же Лысый. Посреди, въ провалѣ, виднѣются игрушечные домики и игрушечныя церковки. Это — Златоустъ...

Златоустъ! — Талатта! Талатта!.. Я возликовалъ какъ десять тысячъ грековъ, о которыхъ въ пятомъ классѣ гимназіи мнѣ разсказывалъ Ксенофонтъ... Слышите-ли вы этотъ свистокъ? — Это паровозъ желѣзной дороги. Видите-ли вы этого всадника? — Это не киргизъ, не башкиръ, не калмыкъ, а инженеръ путей сообщенія, въ тропическомъ шлемѣ и съ pince-nez на носу. Замѣтили-ли вы проѣхавшую въ тарантасѣ даму? — У нея есть талія, она не рыгаетъ за обѣдомъ и не икаетъ послѣ обѣда. А вотъ гостинница! У хозяйки тоже талія! Къ обѣду даютъ салфетку! Послѣ обѣда даютъ газету, хоть и дрянную, но все-же газету. Подъ окномъ играетъ шарманка. Положимъ, у нея какой-то со свистомъ, но все-же это не татарскій мулла воетъ на минаретѣ. За дверями въ сосѣдней комнатѣ женскій голосъ напѣваетъ, конечно, фальшиво, — но арію Зибеля. Какъ-бы тамъ ни было, — талатта, чортъ возьми, талатта! Тысячу двѣсти семьдесятъ пять верстъ сдѣлалъ я на лошадяхъ и въ «карандасѣ»; три съ половиной недѣли ѣлъ безъ вилокъ и салфетокъ, и, вдобавокъ, одинъ разъ лечился у ветеринара. Дальше этого несчастье не можетъ идти! Теперь всѣмъ этимъ прелестямъ «новыхъ мѣстъ» конецъ. Слава Создателю!

Какое наслажденіе чувствовать, что ты опять на «старинѣ», что ты ѣдешь на «старину». Прежде всего, хорошо было уже то, что я ѣхалъ не въ тарантасѣ, а въ вагонѣ. Отъ вагона я отвыкъ до того, что чуть было не сталъ опи-

сывать его внѣшній видъ и ощущенія ѣзды въ немъ, точно моя публика — семипалатинскіе киргизы. Ѣхать было мягко, спокойно, быстро, — послѣ тарантаса ужасно быстро. Можно было спать такъ удобно, какъ я ни разу не спалъ на общественныхъ квартирахъ и въ гостиницахъ. Но я не спалъ, прощаясь съ Ураломъ и въ ожиданіи того, что̀ встрѣтитъ меня по ту сторону горъ.

Желѣзная дорога вынесла меня изъ Урала быстро, но старыя горы на прощанье показали себя во всей своей своеобразной красотѣ. Мы то мчались долинами рѣкъ, почти у самой воды; то медленно и съ трудомъ переваливали черезъ хребты; то ѣхали вдоль кряжей на половинѣ ихъ высоты. Ночь была холодная, всего $+ 2^0$. На небѣ стоялъ яркій отрѣзокъ молодого мѣсяца и точно бѣжалъ за нами, огибая горы и холмы, мелькая сквозь острыя вершины лиственничныхъ лѣсовъ, быстро переплывая воздушные промежутки между горъ, — то отставая отъ насъ, то забѣгая впередъ. Но иногда мѣсяцъ начиналъ меркнуть, меркло вмѣстѣ съ нимъ и чистое, звѣздное небо, — и мы выѣзжали въ глухую, совершенно темную, мрачную ночь. Это зловѣщее превращеніе наступало, когда мы спускались въ одну изъ безчисленныхъ уральскихъ долинъ, которыя залилъ непроницаемый холодный туманъ. Невольно становилось жутко, когда мѣсяцъ сначала дѣлался блѣднымъ, потомъ превращался въ мутное пятно, а наконецъ исчезалъ и совсѣмъ. Изрѣдка только, когда порывъ вѣтра распахнетъ завѣсу тумана, мѣсяцъ проглянетъ, освѣтитъ какія-то рогатыя деревья, таинственно блеснетъ на какой-то черной водѣ, — и снова исчезнетъ. Холодъ, мракъ, мутныя очертанія деревьевъ и камней — все это навѣвало странную поэзію. Что-то дикое, мрачное и

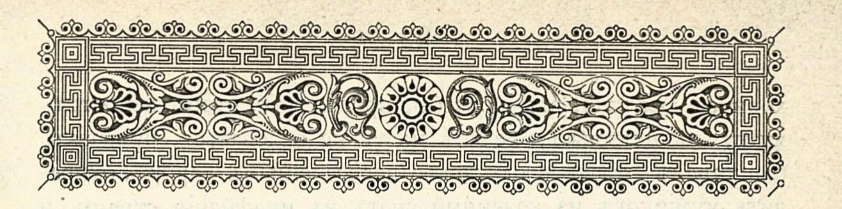
страшно древнее смотрѣло на васъ изъ холоднаго тумана, само за туманомъ невидимое. Припоминалась исторія самого Урала, припоминались «чудскія копи», изъ которыхъ какіе-то люди до-бронзоваго періода добывали тутъ золото. Кто приходилъ къ нимъ за этимъ золотомъ? Куда его отсюда увозили?.. Припоминался рядъ башкирскихъ возстаній, когда башкиры вырывали изъ могилъ тѣла русскихъ мертвецовъ и бросали ихъ въ рѣки, чтобы и мертвыхъ враговъ выгнать изъ этой страны. Декорація была самая подходящая для этихъ воспоминаній... Поѣздъ взбирался наверхъ, туманы оставались внизу, и картина становилась не такою мрачной, но зато и не такой поэтичной.

Къ восьми часамъ утра Уралъ уже кончился, и началась черноземная, правда, еще очень холмистая и лѣсистая, но уже земледѣльческая мѣстность, похожая на море, успокоивающееся послѣ бури. Успокоиваются горы, становясь все меньше; успокоивается и суровый сѣверъ, который по уральскимъ горамъ спустился на югъ дальше, чѣмъ ему полагается. Деревья въ лѣсахъ становятся разнообразнѣй, и мало-по-малу лѣса изъ хвойныхъ превращаются въ лиственные, главнымъ образомъ въ дубовые и липовые. Поля занимаютъ все большее и большее пространство; снова появляются пшеница, просо и гречиха; снова начинаются плантаціи подсолнечника. Но все-таки отъ времени до времени путь преграждается синѣющими вдали кряжами холмовъ. Послѣдній подымается передъ самой Уфой. Цѣлый часъ мы полземъ на него, среди чудеснаго липоваго и вязоваго лѣса. Когда мы наконецъ на верху, мы видимъ, что очутились на самомъ краю скалистаго берега Бѣлой. Какой видъ! Вотъ ужь дѣйствительно благодать-то! Огромная величественная рѣка,

безграничные зеленые луга противоположнаго берега, уставленные стогами; дальше — черноземныя поля съ богатой жатвой, деревни, лѣса. Въ воздухѣ тепло, небо чисто, но не той зловѣщей чистотой, какъ въ киргизскихъ степяхъ,— тамъ и сямъ клубятся великолѣпныя бѣломраморныя облака, задерживая палящіе лучи солнца и впитывая и сберегая воздушную влагу... Красавецъ-мѣсто, богатырь-мѣсто! Въ сравненіи съ нимъ тургайская степь представлялась мнѣ какимъ-то кретиномъ, а Уралъ старымъ-престарымъ, похолодѣвшимъ отъ дряхлости старикомъ. Вотъ она, настоящая Русь, — здѣсь, а не на тѣхъ глупыхъ «новыхъ мѣстахъ», которыя родили одну глупую инородчину, будучи не въ состояніи произвести на свѣтъ кого-нибудь менѣе звѣроподобнаго.

безграничные зеленые луга противоположнаго берега, усѣянные стогами; дальше — черноземныя поля съ бѣлою желтою деревни, лѣса. Въ воздухѣ тепло, небо чисто, не той зловѣщей чистотой, какъ въ киргизскихъ степяхъ, — тамъ и самъ клубятся величавыя бѣломраморныя облака, задерживая палящіе лучи солнца и впитывая и сберегая воздушную влагу... Красавецъ-мѣсто, богатырь-мѣсто! Въ сравненіи съ нимъ тургайская степь представлялась мнѣ какимъ-то кретиномъ, а Уралъ старымъ-престарымъ, похолодѣвшимъ отъ дряхлости старикомъ. Вотъ она, настоящая Русь, — здѣсь, а не на тѣхъ глупыхъ «новыхъ мѣстахъ», которыя родили одну глупую инородщину, будучи не въ состояніи произвести на свѣтъ кого-нибудь менѣе захромоподобнаго.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Переселеніями завѣдуетъ одно изъ «дѣлопроизводствъ» («отдѣленій») земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ немъ работаютъ два чиновника. На мѣстахъ, въ пунктахъ, чрезъ которые идетъ переселеніе, именно въ Самарѣ, Уфѣ, Оренбургѣ, Тюмени и Томскѣ, находится по чиновнику. Эти именуются «чиновниками особыхъ порученій при Земскомъ отдѣлѣ, командированными министерствомъ внутреннихъ дѣлъ» въ тѣ города и губерніи, гдѣ они живутъ. Подчинены они прямо Земскому отдѣлу, что̀ ставитъ ихъ въ независимое положеніе на мѣстахъ. Главная ихъ задача—регистрировать проходящихъ впередъ и назадъ переселенцевъ, выдавать имъ пособія на путевыя надобности и давать маршруты въ тѣ мѣста, куда переселенцы идутъ. Это лѣтняя работа чиновниковъ. Зимою имъ приходится содѣйствовать переселенцамъ при водвореніи на новыхъ мѣстахъ: при покупкѣ и арендованіи казенныхъ, частныхъ и инородческихъ земель, при перечисленіи изъ старыхъ обществъ въ новыя, при возобновленіи паспортовъ, при взысканіи долговъ, оставшихся на сторонѣ и т. д. и т. д. почти безъ конца, потому что переселенцы относятся къ чиновникамъ Земскаго отдѣла съ довѣріемъ, и послѣднимъ нерѣдко при-

ходится выслушивать просьбы, вродѣ того, чтобы запретить мужу пьянствовать, велѣть женѣ не баловаться, приказать башкирамъ отдать свою землю переселенцамъ даромъ, отправить мужиковъ на казенный счетъ въ индѣйскія страны, и проч. Труднѣе всего приходится чиновникамъ въ Тюмени и Томскѣ, чрезъ которые проходитъ народу отъ 30 до 40 тысячъ въ лѣто *). Этихъ переселенческихъ конторъ я не видалъ. Меньше работы въ Самарѣ, Уфѣ и Оренбургѣ, хотя все-таки чрезъ послѣдній проходитъ до 15,000 душъ. Тутъ переселенческія конторы помѣщаются при частныхъ квартирахъ чиновниковъ и состоятъ изъ одной, трехъ комнатъ. На стѣнѣ портретъ Государя, въ углу образъ Божіей Матери путеводительницы, который переселенецъ отыскиваетъ и на который молится, прежде чѣмъ поклонится чиновнику. Если переселенецъ самъ образа не видитъ, онъ спрашиваетъ: «А гдѣ же, твое степенство, у тебя Богъ?» Одинъ или два сосновыхъ стола, такая-же полка, такія-же скамьи-прилавки. На столахъ разнаго рода бланки: даровыхъ проѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ, удешевленныхъ билетовъ, маршруты во всѣ страны широкой матушки Руси, отъ пути въ недалекую Челябу до настоящихъ «походовъ Кира и Александра»: въ Мервъ, въ Самаркандъ, въ «Бійскій», на Амуръ, въ Вѣрный, въ Кокчетавъ, за Байкалъ,—билеты, маршруты, книги для регистраціи переселенцевъ, бланки росписокъ въ полученіи пособій, которыя лѣтомъ пишутся десятками въ день. «Дѣлъ» нѣтъ, потому что дѣла должны кончаться быстро. «Дѣла» замѣнены папками, въ которыхъ лежатъ по алфавиту фамилій «входящія»; «исходящія» могутъ быть отыс-

*) Въ 93 году чрезъ Тюмень прошло около 100,000 душъ.

каны тоже по алфавитной книгѣ. Въ Самарѣ чиновникъ Земскаго отдѣла обходится безъ помощниковъ. Въ Уфѣ есть письмоводитель. Въ Оренбургѣ письмоводитель и писецъ. Лѣтомъ переселенческая контора открыта съ 9 утра и до 9 вечера, и въ ней и около нея, на улицѣ, густая толпа. Войдемте въ контору.

Толпа.

Безъ четверти 9 утра. Переселенческій чиновникъ, по народному «переселенный», и его письмоводитель раскладываютъ по столамъ книги и бланки, и оба не безъ тревоги поглядываютъ въ окна. У крыльца и на противоположной сторонѣ улицы, подъ какимъ-то навѣсомъ, мужицкая толпа. Нѣтъ еще 9 часовъ, но восточное солнце жгуче, и народъ ищетъ тѣни. Чиновникъ опытнымъ взглядомъ окидываетъ толпу: по меньшей мѣрѣ двѣсти душъ.

— Ну, держитесь, Иванъ Ивановичъ! — говоритъ чиновникъ.

— Да я ужь какъ будто и привыкъ,—покорно отвѣчаетъ письмоводитель.

— Сколько градусовъ?

— Двадцать пять.

— Значитъ, къ часу опять до сорока девяти дойдетъ.

— Что-жъ, я ужь какъ будто и привыкъ...

Безъ десяти 9. Опять поглядываютъ въ окна.

— Михайло!—кричитъ чиновникъ.

Является разсыльный, онъ-же и частный камердинеръ чиновника.

— Карболки въ тарелки налилъ?

— Налилъ.

— Давай теперь персидскій порошокъ.

Чиновникъ беретъ благодѣтельный порошокъ, и посыпаетъ имъ магическіе круги вокругъ столовъ и стульевъ. Посыпаются также пороги дверей, ведущихъ изъ конторы въ частныя комнаты чиновника. Тщательно посыпается и платье чиновника и письмоводителя.

— Иванъ Ивановичъ, взгляните-ка въ окно: чуваши сегодня есть?

— Есть.

— Гм! Надо прибавить порошку... А бабья много?

— Есть и бабье.

— Надо и еще подбавить! Да смотрите, не зѣвайте: вчера были мужики, сегодня бабы. Какъ-бы зря двойныхъ пособій не выдать: вчера мужикъ взялъ, сегодня его баба возьметъ. Хорошенечко ихъ насчетъ прозвищъ пробирайте.

— Да ужь я къ этому привыкъ...

— Знаю. Но всетаки къ полдню, когда до сорока девяти градусовъ дойдетъ, и поослабнуть можно... Михайло, воду въ графинахъ почаще мѣняй! Чтобы холодная была!

— Слушаю.

Безъ пяти 9.

— Вы въ отдѣльной комнатѣ сядете?—спрашиваетъ чиновника письмоводитель.

— Какъ и всегда, когда народу много. И помните: тактика прежняя. Дѣлайте видъ, что пререселенческій чиновникъ, это—вы; выражайтесь такъ: я не могу, я могу, я осмотрю твое имущество, я даю тебѣ такое-то пособіе. Когда очень напирать начнутъ,—съ однимъ сами разговаривайте, другого

ко мнѣ; съ однимъ сами, другого ко мнѣ. Пензенскихъ, симбирскихъ, самарскихъ, саратовскихъ долго не задерживайте: это народъ кто богатый, кто добросовѣстный,—вѣрить можно. Чувашей жалѣйте: не лгутъ. Туляковъ и орловцевъ ставьте на правежъ: очныя ставки дѣлайте, посылайте на лѣстницу думать, нужно ему пособіе или нѣтъ. Что до Тамбовцевъ...

— Знаю!

— Что до тамбовцевъ, такъ тутъ, ужь нечего дѣлать, надо кричать. Кричать, пронзительно смотрѣть имъ въ глаза, увѣрять, что знаете ихъ; увѣрять, что они уже два раза у насъ были...

— Да вѣдь не помогаетъ.

— Все равно. Надо дѣлать что можемъ. Тамбовцевъ ко мнѣ не посылайте; не поможетъ,—просто въ случаѣ крайности велите выводить. Изъ другихъ-же, кто будетъ подозрителенъ и упоренъ, посылайте ко мнѣ,—но съ торжественностью, предварительно робко постучавшись ко мнѣ въ дверь и доложивъ, что такіе-то желаютъ меня видѣть.

— Да я ужь привыкъ.

— Но осторожнѣй всего съ малороссами и бабами. Вы, повидимому, тѣхъ и другихъ мало знаете. Помните, что орудіе бабъ и хохловъ—слезы.

— А съ нѣмцами какъ быть?

— Не говорить имъ при народѣ *вы*, хоть-бы они въ бархатныхъ пиджакахъ пришли.

Чиновникъ и письмоводитель садятся за столы, разсыльный распахиваетъ дверь; толпа, давя другъ друга и конфузясь давки, вваливаетъ въ контору и дружно начинаетъ креститься на образъ. Запахъ карболки заглушается запахомъ давно не мывшагося, цѣлыя недѣли прѣвшаго подъ тропиче-

скимъ солнцемъ люда. Громадныя переселенческія блохи мужественно прорываютъ магическіе круги персидскаго порошка. Переселенцы жаждутъ «способій», блохи—крови. Суммы, отпускаемыя на пособія, очень не велики, собственной крови всякому жалко,—и начинается борьба изъ-за «крови и злата».

Пусть чувствительный читатель не возмущается черствымъ отношеніемъ переселенческаго чиновника къ толпѣ. Толпа—всегда толпа: жадная, неразумная, недобросовѣстная. Русская крестьянская толпа, поставленная лицомъ къ лицу съ чиновникомъ, особенно отличается этими свойствами. Она жадна, потому что убѣждена, что Батюшка сколько захочетъ и велитъ надѣлать бумажекъ и раздать всѣмъ, сколько нужно. Отчего же этого не дѣлается? — Дѣлается; но чиновники перехватываютъ и у себя оставляютъ самый сокъ, сторублевки, а темному люду по его дурности развѣ-развѣ желтенькая перепадетъ. Какъ же не стыдно чиновникамъ?—Вона! А старостѣ развѣ стыдно взятки брать, старшинѣ развѣ стыдно общественныя деньги красть, волостные судьи за ведро водки развѣ не рѣшаютъ дѣла вкривь и вкось! Почему же и старшина, и староста, и судьи такіе воры? — А потому что аспиды. А общество чего смотритъ? — Да общество пьяное... Ну, и не вѣритъ толпа никому: ни старостѣ, ни чиновнику, ни себѣ. Правила — какія тамъ правила! Порядокъ — гдѣ они его видали, этотъ порядокъ! Права, обязанности—ни о чемъ подобномъ они ни отъ кого не слыхали. Все, что они знаютъ, это—нахрапъ или упасть на колѣни, злющіе зазеленѣвшіе глаза или слезы и сморканье. Такими, а не иными способами со временъ Гостомысла мужикъ отбивалъ у сосѣдей выгонъ или вымаливалъ

у тіуновъ прощеніе недоимокъ. А примѣръ кулаковъ, купцовъ! Нигдѣ ничего подобнаго праву, правилу, обязанности долгу, порядку. Пройдутъ долгіе годы, пройдутъ десятки лѣтъ, прежде нежели русская толпа совлечетъ съ себя ветхаго «естественнаго» гостомыслова человѣка и начнетъ обростать культурной кожей. Долго придется этого ждать, хотя переломъ происходитъ именно теперь. Именно теперь мы переживаемъ критическій моментъ. Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ рѣшаются теперь будушія судьбы Россіи, а въ глухихъ деревняхъ, русскихъ, мордовскихъ, татарскихъ, башкирскихъ. Не экономическія и психологическія общества, не редакціи либеральныхъ и консервативныхъ газетъ привлекаютъ теперь жадное вниманіе человѣка, стоящаго лицомъ къ лицу съ народомъ; нѣтъ, онъ вслушивается въ то, о чемъ говорятъ на сельскихъ и станичныхъ сходахъ, всматривается въ то, что дѣлается въ волостныхъ судахъ. Не статей и рѣчей, исполненныхъ глубокаго политическаго смысла, ищетъ онъ; по его мнѣнію, во сто разъ полезнѣй была бы копѣечная брошюра, которая объяснила бы глухимъ деревнямъ, что бумажекъ нельзя печатать, сколько станокъ выдержитъ; что «способіе»—нетолько бумажки, но и деньги; что казна,—это самъ онъ, мужикъ; что каждая выданная ему бумажка его же новый вексель; что гостомысловы времена прошли безвозвратно... Успѣхъ Россіи не въ удачѣ передвижной выставки, не въ новомъ переводѣ «Гамлета», а въ старостѣ, выбранномъ безъ попойки, въ передѣлѣ земли, сдѣланной не отъ жадности, чтобы захватить хорошо вспаханную полосу сосѣда. Я не отрицаю ни передвижной выставки, ни «Гамлета». ни газетъ; да нетолько не отрицаю, но признаю ихъ непремѣннымъ условіемъ моего

благополучія, но отношу ихъ къ народу такъ; какъ отношу мой деревенскій домъ къ моимъ полямъ. Я не могу прожить безъ культурно-устроеннаго гнѣзда, но гнѣздо не можетъ существовать безъ полей. А мы думаемъ лишь о домѣ, а поля нетолько въ забросѣ, но и агрономы-то отличаютъ гречиху отъ проса только на знакомой картинкѣ, а не въ натурѣ. Точно такъ же и мужика знаютъ только по картинкамъ. На картинкѣ-то у него и блохъ нѣтъ, и молчитъ онъ, и не обманываетъ, и нахрапа не показываетъ; другое дѣло въ натурѣ, особенно когда мужикъ предстанетъ предъ вами во образѣ толпы въ двѣсти-триста головъ.

Можно, конечно, ладить съ мужикомъ и безъ личины суровости, безъ комедіи затворенныхъ дверей и торжественныхъ докладовъ о томъ, что нельзя ли видѣть «самого». Бываютъ въ переселенческихъ конторахъ и рѣчи «по душамъ». Идутъ, напримѣръ, близкіе,—самарцы или уфимцы. Народъ хорошій. Не франтъ: рубахи не ситцевыя, а домотканныя, синія, съ бѣлой ниткой. Не пьяница: лица свѣжія, у стариковъ бороды, что твоя проволока, у молодежи—соболь, грудь выпуклая. Не хамъ: говоритъ на *ты* и величаетъ *степенствомъ*, а не *высокопревосходительствомъ*. Денегъ, разумѣется, не оказываютъ больше трехъ рублей, но деньги есть, не много, не тысячи, даже не сотни, а есть навѣрно. Просятъ пособія. Вглядѣлись въ лица, въ ухватки, въ одежду, осмотрѣли телѣги и лошадей. Дѣйствительно, у одного два колеса слабы; у другого лошадь не то что плоха, а ненадежна; у третьяго старуха никуда не годится, на второмъ переѣздѣ навѣрно помретъ и нужно будетъ хоронить, расходоваться. А путь безконечный, за Иркутскъ, а народъ хорошій... Помочь развѣ?

— Рррр...—Самарцы падаютъ на колѣни: помоги, помилуй!

— Иванъ Ивановичъ, какъ думаете?

— Да что жь... Только вотъ тутъ симбирцы въ Ташкентъ идутъ. Тоже ничего народъ, а израсходовались сильно, да и сейчасъ надо имъ верблюдовъ нанимать.

— Ну-ка симбирцы, подойди.

Подошли. Тоже не франты, не пьяницы и не хамы. Тоже грудь колесомъ: бороды проволокой, а бородки соболемъ. Только поприземистѣй, точно въ-присядку пойдти собираются.

Ррр...—и симбирцы всѣ на колѣняхъ.

— И тѣмъ, и этимъ развѣ дать?

— Какъ хотите. Только останется ли на осень обратнымъ?

А тутъ живымъ предостереженіемъ какъ-разъ стоитъ и обратный, изъ раннихъ, предвѣстникъ осенняго движенія обратныхъ, которыхъ, напримѣръ, въ Оренбургѣ проходитъ ровно столько же, сколько и двигающихся на востокъ *). Обратный въ полномъ смыслѣ слова ужасенъ. И онъ, и его дѣти, одинъ другого меньше, и его баба, къ удивленію почти всегда беременная, и телѣжонка съ кибиткой, и даже его лошаденка представляютъ собою кучи лохмотьевъ. Одежда—лохмотья; въ телѣгѣ—рваныя лоскутья; кибитка—изорванная рогожа; лошадь—лохмотья дрянной лошадиной шкуры и лошадиныхъ волосъ. Телѣга стоитъ подъ окнами; лошадь

*) Въ общемъ обратные составляютъ 12%. Цифра огромная, если принять во вниманіе, что идутъ назадъ только наиболѣе энергичные изъ потерпѣвшихъ неудачу въ Азіи. Сколько же бѣдствуетъ ихъ тамъ, не въ силахъ вернуться на старину.

дремлетъ въ изнеможенiи и шевелитъ губой; въ телѣгѣ сидятъ бѣловолосыя ребятишки съ тонкими, худыми шеями, руками и ногами. Вошедшаго въ контору отца этой семьи и хозяина этого имущества бодрые «проходящiе» затерли въ уголъ, и онъ стоитъ и тоже точно дремлетъ, какъ его лошадь.

— Откуда ты?

— Оттедова...

— Вонъ ужь какъ отвѣчаетъ, видите?!—обращается чиновникъ къ самарцамъ и симбирцамъ.

Самарцы и симбирцы, не вставая съ колѣнъ, смотрятъ на обратнаго, и на лицахъ ихъ изображается тревога нехорошаго предчувствiя.

— Ну, говори-ка, гдѣ твое *оттедова*?

Обратный молчитъ. Проходящiе ждутъ.

— Откуда идешь?

— Изъ Новаго города.

— Значитъ, изъ Кустоная?

— Изъ него, изъ Вольнаго города.

Молчанiе.

— Ну, кому же помогать, вамъ или ему? Сами скажите.

Наступаетъ критическiй моментъ. Иной разъ дѣло кончается тѣмъ, что проходящiе молча подымаются съ колѣнъ и уходятъ. Но чаще въ дѣло вмѣшивается или баба, или подозрительный старичишка, профессiональный «садчикъ» на новыя мѣста, который сманилъ народъ, обманетъ его, а пока учитъ его уму-разуму. Насчетъ «переселеннаго» садчикъ уже налгалъ мужикамъ съ три короба, наобѣщалъ имъ отъ него золотыя горы «способiй», и теперь для поддержанiя своего авторитета ему нужно сорвать хоть что-

нибудь. Бабы начинаютъ выть, садчикъ слезливо причитаетъ, наученныя имъ бороды и бородки издаютъ неясный гулъ. Этотъ гулъ довольно равнодушенъ и служитъ новымъ доказательствомъ, что народъ вовсе не въ крайней нуждѣ. Но сорвать «способіе» онъ рѣшилъ во что бы то ни стало. И тутъ ужь приходится говорить цѣлую рѣчь. Это не такъ легко, прежде всего уже просто физически, потому что нужно перекричать шумъ толпы. Затѣмъ нужно говорить убѣдительно, съ чувствомъ, чтобы пронять слушателей. Да наконецъ и въ самомъ дѣлѣ расчувствоваться можно: вѣдь живые люди передъ глазами. Этотъ обратный—такое горе, такое несчастье, какого въ другомъ мѣстѣ и не увидишь; эти бороды и бородки, свѣжіе и крѣпкіе какъ антоновское яблоко, такъ трогательно вѣрятъ въ ожидающее ихъ благополучіе, такъ больно сжалось ихъ сердце при видѣ неудачника, такъ велика вѣроятность, что черезъ годъ-два и эти крѣпыши исчахнутъ, какъ и онъ,—что, разъ позволивъ себѣ говорить по душѣ, трудно совладать съ нервами и не расчувствоваться въ-серьезъ. Главный пунктъ рѣчи—картина осенняго движенія обратныхъ, для которыхъ и нужно беречь деньги. Разговоръ по душѣ всегда достигаетъ цѣли, производитъ впечатлѣніе и убѣждаетъ. Сначала смолкаетъ гулъ, потомъ лица становятся серьезны, потомъ люди подымаются на ноги, — и вдругъ веселѣютъ, должно быть, отъ сознанія, что и ихъ не обманываютъ, что и они бросили соблазнительную мысль обмануть, а кромѣ того, великодушно уступили «способіе» такимъ горемыкамъ, какъ стоящій передъ ними обратный. Хорошія въ такія минуты бываютъ у народа лица, хороши и эти минуты но доставлять себѣ эту роскошь по нѣскольку разъ въ день впро-

долженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ невозможно, — силъ не хватитъ.

И идутъ, идутъ, идутъ эти самарцы, туляки, екатеринославцы, черниговцы, кіевляне, подольцы, отъ ранней весны до поздней осени, на востокъ и обратно. Идутъ богатые; идутъ нищіе; сильные и больные; умные и глупые; опытные мудрые, семейные старики и только что повѣнчанныя влюбленныя, глупыя и отъ молодости и отъ медоваго мѣсяца парочки. Идутъ русь и татары, мордва и чуваши, малороссы и нѣмцы. Куда они идутъ?—Въ Кустонай, Туркестанъ, въ Мервъ, въ Томскую на кабинетскія земли, въ Акмоллы, къ Семи-палатамъ, на Семь-рѣкъ; иные ищутъ Китайскій Клинъ и индѣйскую землю. Зачѣмъ они идутъ?— За счастьемъ. Отчего они идутъ, что ихъ гонитъ? Послѣдній вопросъ настолько важенъ, что на немъ нельзя не остановиться.

Между идущими на востокъ совершенныхъ бѣдняковъ нѣтъ и не можетъ быть. Нужна лощадь, притомъ сильная; нужна телѣга — крѣпкая; нужны немалыя деньги для проѣзда не только по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходѣ, но и на своихъ лошадяхъ или волахъ. Уходятъ не отъ наступившей, а отъ надвигающейся бѣдности, — отъ «тѣсноты». Но тѣснота это спеціально русская. Чѣмъ привольнѣй губернія, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ мужикъ тѣсноту. Больше всего уходятъ изъ привольныхъ Самарской, Саратовской и новороссійскихъ губерній. Тѣснота не въ малоземельи, а въ необходимости перехода отъ первобытнаго хозяйничанья на дѣйственной почвѣ къ болѣе сложному хозяйству. Самарецъ уходитъ оттого, что не стало ковыльныхъ степей. Тавричанинъ не можетъ держать прежнія громадныя стада

овецъ. Тамбовецъ, пензенецъ и рязанецъ бѣгутъ *отъ сохи*; они взяли отъ земли все, что могъ имъ дать вершковый слой почвы, который они поднимали одноконной сохой. Екатеринославецъ и херсонецъ пашутъ плугомъ не мельче четырехъ вершковъ на двухъ, трехъ парахъ воловъ; но ихъ почва уже запросила удобренія. Всѣмъ имъ предстоитъ одно изъ двухъ: либо ломать земледѣльческую культуру, которой народъ держался со временъ Рюрика, либо идти по бѣлу свѣту искать такихъ мѣстъ, гдѣ рюриковы времена еще не прошли. Ничего не можетъ быть естественнѣй, что народъ избираетъ послѣднее! Даже нѣмцы, и изъ тѣхъ многіе идутъ на востокъ, гдѣ они могутъ держаться своего стараго перелога или трехполья, самой легкой и дешевой системы хозяйства, которая въ Бессарабіи или Екатеринославской губерніи уже отжила свой вѣкъ.

Но между нѣмцами и нашимъ братомъ большая разница. Для нѣмца переселеніе на востокъ — печальная необходимость, и онъ идетъ туда лишь въ томъ случаѣ, если ужь никакъ не можетъ одолѣть вздорожавшей земли на родинѣ, если есть хоть малѣйшая возможность остаться, онъ остается; а, оставшись, онъ какъ-разъ во́-время мѣняетъ систему полей, мѣняетъ орудія обработки почвы; не тужитъ, что овцеводство отжило свой вѣкъ, и овечій выгонъ замѣняетъ полями пшеницы; замѣтивъ, что кукуруза стала выгоднѣй пшеницы, онъ сѣетъ кукурузу; замѣтивъ, что пошли въ ходъ русскія вина, онъ закладываетъ въ Бессарабіи и Тавріи виноградники, которые уже теперь достигли весьма внушительныхъ размѣровъ. Словомъ, нѣмецъ пользуется въ одинаковой мѣрѣ и естественными богатствами почвы, и могучимъ орудіемъ, которое даетъ ему въ руки культура. Онъ

чувствуетъ себя хорошо и при 60-десятинномъ семейномъ надѣлѣ, и на трехъ, чотырехъ десятинахъ виноградника, съ его сложной и трудной обработкой. Что причиной превосходства нѣмца?

Причина одна, — его культурность, культурность, отъ которой бѣгутъ наши переселенцы. На «старинѣ» съ одной стороны культуры требуетъ сама земля, давшая безъ помощи человѣка все, что она могла дать. Съ другой, — тѣснитъ культурный человѣкъ, въ образѣ врага славянства и Россіи, — нѣмца. А нѣмецъ немалочисленъ: однихъ старыхъ колонистовъ, вызванныхъ правительствомъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій, больше полумилліона; а нѣмца новаго, хлынувшаго въ Россію послѣ семидесятыхъ годовъ, наполнившаго Польшу и Волынь, и западныя губерніи, надо считать милліонами. Поляки пошли на утекъ въ Бразилію, наши — за оба Урала. Кого ни спросишь, напримѣръ, изъ новороссійцевъ, что сдѣлали съ землей на старинѣ, отвѣчаютъ: продали. Кому? — нѣмцамъ, потому что хорошо платятъ. Отчего-же нѣмецъ нетолько покупаетъ, но и задорого покупаетъ ту самую землю, которую русскій вынужденъ мѣнять на сомнительныя блага «новыхъ мѣстъ»?

Народъ идетъ за счастьемъ — и лишь рѣдко находитъ его. Переселенецъ, идущій за оба Урала, воображаетъ себѣ намѣченное новое мѣсто такимъ-же, какъ и его родина. Положимъ, въ русской Азіи есть мѣста, соотвѣтствуюшія по почвѣ Европейской Россіи. Есть тамъ и черноземныя степи, есть поемные луга, плодородные суглинки, покрытые лѣсами и годные къ ледянному хозяйству; можно найти нѣчто напоминающее и Бессарабію, и Харьковщину, и болѣе суровую Пензу, и луга и лѣса Вятки и Вологды. Все это похоже на

«старину»; но, во-первыхъ, не тождественно съ нею и, во-вторыхъ, на нѣсколько сортовъ хуже, если не совсѣмъ худо. Черноземъ, лежащій на востокъ отъ Урала, мѣстами такъ-же черенъ какъ и европейскій, но слой его тонокъ; а плодородная сила истощается быстро, всего въ нѣсколько лѣтъ. Лѣто азіатскихъ «Новороссій» и «Украинъ» такъ-же жарко, какъ и въ ихъ первообразахъ, но въ концѣ мая бываютъ морозы, способные положить рожь и убить яровые, какъ это было въ 91 году на югѣ Оренбургской губерніи; а въ началѣ сентября можетъ выпасть и лежать нѣсколько дней снѣгъ, какъ случилось тамъ-же въ 1884 году. Азіатскія зимы вездѣ, кромѣ южнаго Туркестана, столь-же суровы, какъ гдѣ-нибудь въ Олонецкой губерніи. Сравнительно «европейскій» Оренбургъ испытываетъ, послѣ 50° R. лѣтомъ, зимніе морозы въ 45°. Въ степныхъ мѣстностяхъ Азіи бураны сметаютъ снѣгъ и обнажаютъ почву. Обнаженные посѣвы вымерзаютъ, культура озимыхъ невозможна, а жить одними яровыми рискованно. Прибавьте къ этимъ климатическимъ невзгодамъ насѣкомыхъ: червь, кобылку, барабинскую мошку, порожденія невоздѣланныхъ, да и не могущихъ быть воздѣланными болотъ и безплодныхъ степей; прибавьте чуму и сибирскую язву; не забудьте отсутствіе путей сообщенія и заработковъ, — и вы поймете, какое рискованное предпріятіе эти переселенія, поймете и то, почему такъ много обратныхъ, почему и удержавшіеся на новыхъ мѣстахъ часто или прямо бѣдствуютъ, или влачатъ жалкое существованіе. Богатствомъ и довольствомъ пользуются или тѣ, кто попалъ на исключительно благопріятныя мѣста, или осѣвшіе по торговымъ путямъ, гдѣ велики заработки, или

люди съ желѣзной волей и крѣпкими общественными инстинктами, каковы нѣкоторые сектанты.

А переселенцы, пока мы разсуждаемъ, прибываютъ да прибываютъ въ конторѣ, толпа сливается въ неясную массу торсовъ, головъ, лицъ и рубахъ. Попробуемъ въ ней разобраться.

Толпа состоитъ изъ представителей всей Россіи, кромѣ сѣверныхъ губерній, бѣлороссовъ и поляковъ. Сѣверяне тянутъ на Пермь и Тюмень, поляки увлеклись Бразиліей, бѣлороссы сидятъ дома отъ непредпріимчивости. Остальные всѣ налицо.

Самыми симпатичными оказываются пензенцы. Народъ рослый, мясистый, бородатый, широкоплечій. Старики просто великолѣпны. Стоитъ твердо, осанка спокойно-гордая, то, что называется исполненная достоинства. Старики стыдливы: только молодежь входитъ въ однѣхъ рубахахъ, сквозь воротъ которыхъ видна до-черна загорѣлая грудь, а старики, какая-бы жара ни была, являются предъ лицомъ начальства въ опрятныхъ, застегнутыхъ темно-рыжихъ армякахъ. Манеры спокойныя, неторопливыя: спокойно вытаскивается изъ-за пазухи платокъ, изъ платка вынимаются паспорты и бумаги и подаются начальству. Соображаютъ старики туго, но въ концѣ-концовъ понимаютъ основательно: настоящій вѣковѣчный землепашецъ. Не легковѣрны, но и не недовѣрчивы. Глаза небольшіе, сѣрые, смотрятъ изъ-подъ нависшихъ бровей какъ изъ кустовъ, но взглядъ умный спокойный; холодный, но не злой. О пособіяхъ если и просятъ, то только потому, чтобы узнать, не обязательно-ли ихъ выдаютъ; дѣло идетъ не о милостынѣ, а о правѣ, которое, впрочемъ, и имъ самимъ кажется сомнительнымъ.

Но узнать все-таки надо: на чужой сторонѣ надо обо всемъ разспрашивать. Молодежи и бабамъ воли не даютъ: нахмурилъ старикъ брови,—и тѣ стушовываются. Когда старикъ заговоритъ о землѣ, въ его голосѣ звучитъ что-то отеческое, сдержанно-страстное. Когда онъ говоритъ, что на старинѣ надѣлъ былъ малъ, «не то-что корову, курицу некуда выпустить», — въ его голосѣ тоска, точно онъ говоритъ о неудаломъ сынѣ. Начнетъ онъ объяснять, что въ «Бійскомъ» «по слухамъ» земля вольная, цѣльная, непаханная, — его голосъ дрогнетъ отъ полноты чувства; дрогнетъ, и старикъ сдѣлаетъ видъ, что закашлялся, чтобы скрыть волненіе. Нужно было видѣть, какая глубокая скрытая тревога овладѣвала пензенскимъ старикомъ, когда онъ иной разъ узнавалъ, что туда, куда онъ задумалъ, идти нельзя.

— Въ Акмоялы, почтенный, идти нельзя.

Старикъ бросаетъ изъ-подъ бровей на мгновеніе блеснувшій взглядъ и потупляется. Онъ не спрашиваетъ, боясь выдать свое волненіе, но онъ ждетъ разъясненій.

— Въ Акмоллахъ киргизы живутъ и жалуются, что переселенцы ихъ стѣсняютъ...

— Такъ, — говоритъ старикъ, чтобы скрыть свое тревожное кряхтенье, и снова жадно ждетъ, гдѣ-то тамъ внутри себя, оставаясь снаружи неподвижнымъ.

— Правда-ли, нѣтъ-ли, что стѣсняютъ, неизвѣстно...

— Неизвѣстно,—дѣловито вторитъ старикъ, но въ немъ рождается надежда.

— Чтобъ разобрать это дѣло, киргизскую землю теперь межуютъ...

— На плантъ?

— На плантъ. Когда она вся будетъ на планту, тогда

сдѣлаютъ разсчетъ: вѣрно-ли, что киргизамъ тѣсно. Если стѣсненія нѣтъ, то, сколько нужно, имъ дадутъ, а остальное пойдетъ подъ переселеніе.

— Русскому народу?

— Да.

Старикъ молчитъ, стараясь быть спокойнымъ, но не выдерживаетъ, крякаетъ, чмокаетъ, невольно играетъ перстами, которые только самыми концами, черными ногтями, выглядываютъ изъ кожанныхъ обшлаговъ, и, набравъ въ грудь воздуха, преувеличенно громко спрашиваетъ:

— А когда-жъ его кончатъ?

— Кого его?

— Разсчетъ землицы-то?

— Ахъ, я и забылъ сказать! Черезъ два года.—Старикъ опять сверкаетъ взглядомъ: ищь ты, забылъ! Нечего сказать, обстоятельный, когда этакое дѣло забылъ!—А теперь, вѣрно тебѣ говорю, а не то, что пугаю: тамъ рогатки поставлены. Конечно, проскочить можно, но крѣпко тамъ не сядете.

Пензенцы вѣрили, только просили «вычитать бумагу», циркуляръ, которымъ переселеніе въ степное генералъ-губернаторство закрывалось на два года. Но по мѣрѣ чтенія, лица ихъ омрачились все болѣе и болѣе и, наконецъ, становились темнѣе тучи. Молодежь и бабы смотрѣли на стариковъ съ тревогой и тоскою.

Очень похожа на пензенцевъ мордва. У насъ обыкновенно принято обижаться, когда говорятъ, что великороссы не чистые славяне. Еще чаще думаютъ, что говоря это, обижаютъ великороссовъ. По моему, это похвала. Самый даровитый и энергичный изъ славянскихъ народовъ, конечно, великороссы. Чѣмъ чище славянинъ, тѣмъ онъ жиже.

Такъ, у бѣлороссовъ, у безпримѣсныхъ малороссовъ Галиціи и Волыни не хватаетъ даровитости, у поляковъ нѣтъ устойчивости и практической мудрости. Чего-же тутъ обижаться, что кровь не чистая,— была-бы хорошая. Такимъ образомъ, я нимало не хочу обидѣть великоросса, если скажу, что мордва ему самый близкій родственникъ. Не наметавши глаза, вы не отличите мордвина отъ великоросса изъ Пензы или Тамбова. Васъ поразитъ только ихъ крупный ростъ. Все остальное — русь, да и только. Таже крѣпкая кость, тѣ-же широкія плечи и выпуклая грудь, тѣ же окладистыя бороды. Лицо—«одно изъ славныхъ русскихъ лицъ», неправильное, но выразительное. Рѣчь, интонація, жесты—чистѣйшіе великорусскіе. Да и мысль идетъ очевидно тѣми же путями: рѣчь точна, образна и выразительна. Пензенецъ да и только. И лишь послѣ частыхъ столкновеній съ этимъ великороссомъ-невеликороссомъ вы начинаете замѣчать въ немъ черточки и черты, которыми онъ отличается отъ своего двоюроднаго братца. Сначала крупный ростъ. Потомъ поистинѣ монументальные размѣры его бабъ. Затѣмъ костюмъ этихъ бабъ, нимало не напоминающій «мордовскихъ» платьевъ нашихъ барышень и состоящій изъ бѣлой рубахи, бѣлыхъ онучъ, наверченныхъ такъ толсто, что ноги мордовской дамы превращаются въ бревна, и серегъ изъ большихъ красныхъ шерстяныхъ шаровъ.

— Да вы откуда?—съ недоумѣніемъ спрашиваете вы.

— Мы, твое степенство, самарскіе будемъ.

— Вы русскіе? Или... будто не русскіе?

— Русскіе,—увѣренно отвѣчаютъ они и потомъ потише не то что смущаясь, а какъ будто боясь смутиться, прибавляютъ:—только изъ мордвовъ мы...

Тутъ найдутся и еще отличія. Мордвинъ не такъ сообразителенъ и, вслушиваясь, слушаетъ съ бо́льшимъ напряженіемъ, чуть-чуть вытянувъ шею и склонивъ на бокъ голову. Взглядъ его не такъ блестящъ, и онъ никогда не сверкнетъ имъ на васъ, какъ русскій пензенецъ, когда вы показались ему недостаточно обстоятельнымъ. Душевныя его движенія не такъ сильны. Правда, онъ и крякаетъ, и чмокаетъ, и шевелитъ перстами, но какъ будто изъ подражанія великороссу, а не по собственной потребности. И дѣйствительно, какъ только мордвины заговорили между собою по-своему, сейчасъ-же финнъ оживаетъ въ нихъ. Мѣняются звуки говора, дѣлаясь безцвѣтными и мягкими; мѣняются интонаціи, становясь монотонными; мѣняется даже лицо, переставая играть мимикой. Но заговорилъ мордвинъ по-русски,—и опять предъ вами почти настоящій сангвиникъ великороссъ... Если всѣ финскія племена, участвовавшія въ созданіи великорусскаго типа, были такія-же малодаровитыя какъ мордва, то я не вижу никакого резона открещиваться отъ родства съ ними.

Корятъ великоросса еще родствомъ съ татарами. Опять-таки и это предразсудокъ, и въ этомъ родствѣ нѣтъ ничего худого. Татаринъ, вошедшій въ составъ великоросса, совсѣмъ не монголъ. Онъ и въ основѣ своей тюркъ, да и кромѣ того смѣшался съ волжскими болгарами и хазарами. Сами себя татары средней Волги называютъ: булгарлыкъ. Татаринъ, родня великоросса,—средняго роста, жилистый, широкоплечій. Голова маленечко кругла, борода пожиже, но лицо овальное, глаза быстрые, живые, хорошо, совсѣмъ не по-монгольски, открытые; у однихъ маленькіе, сѣрые; у другихъ блестящіе, веселые, черные. Татаринъ—неважный земледѣлецъ,

но способный торгашъ. Я могъ-бы назвать много первостепенныхъ московскихъ и петербургскихъ комерсантовъ, происходящихъ изъ татаръ; все это люди вполнѣ русскіе, предпріимчивые, образованные, и въ числѣ семей, которыя я теперь припоминаю, я не знаю ни одного некрасиваго; напротивъ, многіе—писаные красавцы и красавицы. Какъ видите, и тутъ нечѣмъ обижаться.

Среди переселенцевъ татаръ немного, и они какъ мужики, ненадежны: телѣги и лошади плоховаты, сами хорошенько не знаютъ, куда идутъ; но о «способіи» тоже просятъ.

— Да вѣдь вы татары.

— Что-жъ, милый человѣкъ, что татары; мы одного царя.

— Ладно! А что у васъ толкуютъ, что татарскій царь, въ Истамбулѣ, весь свѣтъ завоюетъ и всѣ татары будутъ?

Татаринъ вслушивается, припоминаетъ. и, видимо припомнивъ, что и онъ что-то подобное слышалъ, презрительно говоритъ:

— Это дураки толкуютъ. Истамбульскій царь намъ еще ничего не давалъ.

Иное дѣло чуваши. Это если и родня, то непріятная. Ихъ идетъ тоже немного, но изрѣдка въ переселенческой конторѣ, гдѣ-нибудь въ самомъ заднемъ углу, совсѣмъ затертая крупной мордвой, энергичными великороссами и стройными великанами изъ Новороссіи, обнаруживается группа маленькихъ, жиденькихъ, худенькихъ безбородыхъ человѣчковъ, съ черными больными глазками и черными волосами, одѣтыхъ въ бѣлое домотканное полотно; рядомъ съ человѣчками—такія-же дрянныя, почему-то перегнутыя впередъ бабенки, съ головой, укутанной бѣлымъ полотенцемъ. Стоятъ,

молчатъ, и точно они не люди а собаченки, контрабандой забѣжавшія подремать въ укромномъ уголку.

— Вы кто такіе?

Молчатъ. Лица тупыя и совершенно неподвижныя.

Витебскіе вы, что-ли? Или могилевскіе?

Опять молчатъ.

— Да что вамъ нужно-то? Переселенцы?

Въ отвѣтъ слышно невнятное, негромкое, апатичное бормотанье. Можно разобрать что-то вродѣ: «ѣхали», «лошадь околѣлъ», «давай лошадь новый».

И остальная публика переселенческой конторы съ удивленіемъ смотритъ на группу курьезныхъ человѣчковъ, обернувшись къ нимъ своими лицами. Всѣмъ и удивительно, и интересно: откуда такіе взялись, и что выйдетъ изъ ихъ опроса, — изъ русской они земли, или явились изъ какихъ-нибудь заморскихъ странъ? Недоумѣніе разрѣшаетъ казанскій или симбирскій русскій, землякъ загадочныхъ человѣчковъ.

— Это—чуваши называются, — говоритъ землякъ, сдерживая улыбку:—въ нашей губерніи проживаютъ. Тоже мужики, крестьяне, землепашествомъ занимаются, — все какъ слѣдуетъ...

Хотя чуваши и «все какъ слѣдуетъ», но въ родствѣ съ ними быть, признаться, было-бы не лестно. Ужь на что мелокъ и плохъ оршанскій или быховскій бѣлороссъ, а и тотъ по сравненію съ чувашемъ если не гвардеецъ, то гренадеръ. Умомъ чувашъ недалекъ: «чувашскую книгу корова съѣла», говорятъ русскіе, и увѣряютъ, что коровьи рубцы и есть чувашская книга. Но про добродушіе и честность чувашей идетъ хорошая слава.

Больше всего хлопотъ доставляютъ тамбовцы. Кто ихъ знаетъ, отчего это происходитъ, но между тамбовцами много, что называется, «отчаянныхъ». Можетъ быть, потому, что тамбовецъ началъ бѣднѣть недавно: нужда уже гнететъ его, но не сломила еще, и тамбовецъ злобно барахтается въ ея тенетахъ.

Тамбовецъ входитъ, и если есть еще народъ, становится въ сторонкѣ и изучаетъ. Опытный глазъ чиновника изучаетъ и его. Обыкновенно тамбовецъ—высокій, хорошо сложенный мужикъ. Одѣтъ онъ ничего себѣ, но всѣ принадлежности туалета какъ-будто маленечко украдены: зипунъ или широковатъ или узковатъ, сапоги какъ-будто оба съ правой ноги, воротъ рубахи не по мѣркѣ, а картузъ, который онъ мнетъ въ рукѣ, старый и дырявый; на шеѣ повязанъ не по нуждѣ, а изъ франтовства розовый платокъ. Волосы тамбовца, свѣтлорусаго цвѣта, расчесаны проборомъ посрединѣ и даже припомажены. Густая рыжая борода. Лицо было-бы прилично, даже красиво, если-бы не было окрашено подозрительной краснотой; свѣтлые, сѣрые, большіе глаза, съ расширенными зрачками, блестятъ жидкимъ блескомъ и бѣгаютъ.

— Тебѣ что надо?

Тамбовецъ улыбается, силясь этой улыбкой выразить стыдливость и скромность, и отвѣчаетъ:

— Я-съ такъ-съ... Я, ваше высокопревосходительство, подожду-съ.

— Ну, и жди, когда говорить не хочешь.

— Ну, и подожду-съ!—срывается у «него»,—глаза сверкаютъ; но онъ опоминается и за грубымъ возгласомъ мгновенно слѣдуетъ сладкій взглядъ и улыбка.

— Я говорю: я подожду-съ,—медовымъ голоскомъ прибавляетъ онъ.

Тамбовецъ ждетъ и тѣмъ временемъ наблюдаетъ и изучаетъ слабыя стороны чиновника и сильныя стороны просителей. Но видъ онъ имѣетъ сочувствующій чиновнику. Кто-нибудь говоритъ рѣзко,—тамбовецъ молча негодуетъ на дерзкаго. Смѣется чиновникъ,—смѣется и тамбовецъ. Чиновникъ сердится,—тамбовецъ вздыхаетъ и качаетъ головой. Словомъ, ничего хорошаго ждать отъ него нельзя. И дѣйствительно, лишь доходитъ до него очередь, онъ сейчасъ-же «оказывается». Откуда онъ идетъ? Отвѣты крайне запутанные: не то изъ Томска, не то изъ Уфы.

— Такъ откуда-же ты?

Тамбовецъ вспыхиваетъ.

— Говорю, въ Томскѣ былъ, въ Уфѣ былъ, въ Кустонаѣ! Всего имущества рѣшился, ѣсть нечего...

— Да ты давно-ли со старины?

— Третій мѣсяцъ.

— Какъ-же ты въ Томскѣ успѣлъ побывать?

— Обыкновенно какъ,—на подводѣ...

— Можетъ быть, ты не въ Томскѣ былъ, а въ Омскѣ или въ Орскѣ?

— Я и говорю, въ Торскѣ.

— А далеко Торскъ-то этотъ твой отсюда?

— Чисто изничтожился! Дѣти, жена... Смерть приходитъ!

— Ты скажи, гдѣ Торскъ-то этотъ?

— Да что я—собака, что-ли? Помирать мнѣ, что-ли? Положимъ, я ратникъ ополченія, а дѣти—рекруты ростутъ. Брошу вотъ ихъ тутъ, кормите тогда...

— Не кричи. Билетъ у тебя есть?

— Есть. Я не бродяга, слава Богу.

— Покажи.

Паспортъ оказывается давнымъ-давно просроченнымъ. Сомнѣнія нѣтъ: это одинъ изъ искателей приключеній, которые бродятъ съ мѣста на мѣсто, гдѣ побираясь, гдѣ выпрашивая пособія у благотворительныхъ обществъ, гдѣ поворовывая, кое-когда работая, держась городовъ и не уживаясь въ деревняхъ. Давать пособія такимъ очень опасно. Сегодня дали одному, завтра явится десятокъ, а послѣ-завтра контору осадитъ цѣлая толпа. Это уже извѣдано горькимъ опытомъ, и потому съ тамбовцемъ поступаютъ круто.

— Что-же тебѣ надо?

— Пустите въ переселенческій домъ на житье.

— Не пущу.

— Зачѣмъ-же у васъ домъ-то?

— Не твое дѣло.

— Покорнѣйше благодаримъ за милостивое объясненіе, господинъ переселенный.

Глаза тамбовца зеленѣютъ. Одну ногу онъ выставляетъ впередъ, а руку засовываетъ за кушакъ. Чиновникъ пристально и многозначительно смотритъ ему въ глаза. Напрасный трудъ: его не «пересмотришь». Но глаза замѣчательны. Что въ нихъ тамъ играетъ, что трепещетъ,—никакъ не подмѣтишь, но въ ихъ игрѣ—цѣлый монологъ, содержащій въ себѣ далеко не комплименты. Чиновникъ всматривается и, какъ-бы въ отвѣтъ на нѣмой монологъ, говоритъ:

— Такъ такъ-то?

— Такъ точно-съ, съ трепетомъ злости въ голосѣ отвѣчаетъ тамбовецъ, не измѣняя ни позы, ни выраженія глазъ.

— А если такъ, то... Разсыльный, убрать его!

— Покорно благодаримъ, господинъ.

— И впередъ не пускать. Видна птица по полету.

— Пок-корнѣйше благодаримъ! Много обязаны.

Тамбовецъ уходитъ и хлопаетъ дверью.

Средину между тамбовцемъ и пензенцемъ занимаютъ великороссы изъ старыхъ губерній: рязанцы, орловцы, туляки. Отличительный ихъ признакъ—одежда съ вліяніемъ города и то, что называется «неосновательностью». Мужикъ-то онъ мужикъ, но и на двороваго смахиваетъ. Пензенецъ—тотъ первобытенъ какъ медвѣдь. Отъ туляка отдаетъ фабрикой, отъ орловца однодворцемъ, отъ рязанца не то кучеромъ, не то «фолеторомъ». По внѣшности онъ мельче и худѣе. Худоба эта не хорошая,—не жилистая, а поистощенная. Лицо интеллигентное, но помятое. Голосъ—нервный теноръ. Писателю или чиновнику простительно все это: худосочность, помятость и интеллигентный тенорокъ; но въ землепашцѣ, въ мужикѣ это непріятно. Мнѣ представляется тревожнымъ это свойство нашего народа,—быстро вырождаться. Нѣмецъ, напримѣръ, гораздо старше насъ, исторія его была труднѣе нашей, жить ему несравненно труднѣе; а между тѣмъ въ Германіи народъ сохранилъ свои физическія качества куда лучше, чѣмъ мы. Многимъ-ли Рязань старше Тамбова, а между тѣмъ какая разница между тамбовцемъ, съ которымъ мы только-что имѣли удовольствіе бесѣдовать, и рязанцемъ! Сравните также черниговскаго малоросса съ воронежскимъ,—первый помѣстится въ карманѣ послѣдняго; но и воронежецъ въ свой чередъ влѣзетъ въ заплечную котомку тавричанина или херсонца. Ростъ и здоровье людей уменьшаются

прямо пропорціонально числу лѣтъ, которое насчитываютъ себѣ ихъ пашни.

Рязанцы, туляки, орловцы, отчасти куряне,—«неосновательный народъ». Изъ Пензы, Саратова, Самары, Симбирска идутъ люди серьезные, настоящіе «кондовые» мужики, идутъ они не на-авось, а пославъ напередъ ходоковъ, по письмамъ родственниковъ, уже засѣвшихъ на новыхъ мѣстахъ; въ крайнемъ случаѣ ихъ ведутъ «вѣрные» садчики. Конечно, ихъ продаютъ ходоки, обманываютъ садчики; а родственники вызываютъ часто потому, что обѣднѣвъ въ конецъ, хотятъ попользоваться деньжонками, которыя, они знаютъ, водятся у родни, оставшейся на старинѣ. Но все-таки этотъ народъ совсѣмъ зря не пойдетъ. Тулякъ-же или орловецъ сплошь и рядомъ идетъ не навѣрняка, а «по слухамъ». Пензенецъ всегда укажетъ вамъ нетолько уѣздъ или округъ, но волость и село, куда онъ направляется. Тулякъ и рязанецъ, въ вычищенныхъ ваксой сапогахъ бутылками и тонкомъ армякѣ, гонится за мечтой и спрашиваетъ маршрутъ въ «индѣйскую землю», въ Мервъ, «гдѣ хлѣбопашество съ поливкою, вродѣ какъ садъ», на Амуръ, который онъ представляетъ себѣ гдѣ-то неподалеку отъ Оренбурга и Самары. Узнавъ, что всѣ эти мѣста существуютъ только въ его воображеніи, мечтатель теряется, просится въ переселенческій домъ, спрашиваетъ, нельзя-ли куда-нибудь проѣхать на казенный счетъ и чтобы на новомъ мѣстѣ его, по крайней мѣрѣ, первый годъ кормили,—и часто обращается вспять. Пензенецъ съ товарищами никогда не вернется назадъ: срамъ, и передъ людьми, и передъ домашними, и передъ самимъ собой; онъ пойдетъ куда задумалъ, во что-бы то ни стало, чѣмъ-бы то ни кончилось.

Между малороссами такихъ рѣзкихъ контрастовъ, какъ среди великороссовъ, нѣтъ,—въ нравственномъ отношенiи, а не въ физическомъ. Физически черниговецъ, воронежецъ, тавричанинъ отличаются другъ отъ друга такъ-же, какъ понни, битюгъ и першеронъ. Огромная разница и въ благосостоянiи. Сѣверный черниговецъ изъ Новозыбкова или Стародуба приходитъ бѣдненькимъ, худенькимъ, робкимъ. Подолецъ или кiевлянинъ прiѣзжаетъ на деревянной телѣгѣ, хорошей, но все-таки на деревянныхъ осяхъ, мазанной пахучимъ дегтемъ, которымъ непремѣнно выпачканы развѣвающiеся шаровары кiевлянина. Не то тавричанинъ: его телѣга нѣмецкая; оси патентованныя; втулки точеныя; смазывается аккуратно особой мазью; мало того, телѣга не везетъ, а сама ѣдетъ, по желѣзной дорогѣ; мало и этого, вмѣстѣ съ телѣгой ѣдутъ дорогiе аглицкiе плуги, бóроны-зигзагъ, жнея Дэзы изъ Чикаго; словомъ, нѣмецъ, помѣщикъ, а не мужикъ. Это различiе не мѣшаетъ всѣмъ малороссамъ быть довольно непрiятными гостями переселенческой конторы. Прежде всего, малороссъ позволяетъ говорить жинкамъ, а ужь не дай Богъ, когда заговоритъ малороссiйская жинка: изъ самой быстрой вѣялки не вылетаетъ съ такой быстротою столько зеренъ, сколько словъ изъ жинкинаго рта. Жинки даже хуже вѣялки. Вѣялка сортируетъ, а у жинки вылетаетъ все вмѣстѣ,—и зерно, и мякина, и соръ, и песокъ. Можете слушать ее хоть до завтра,—и даже при пониманiи малороссiйской рѣчи, вы ничего не разберете. Мнѣ сильно сдается, что мужики позволяютъ жинкамъ говорить нарочно, чтобы одурить кого нужно, а потомъ голыми руками и взять. Второй недостатокъ малоросса — притворяться не то что дуракомъ, а новорожденнымъ младенчикомъ. Войдутъ эдакiе два младенчика изъ

Мелитополя, войдутъ—взглянуть удивленіе: въ сажень ростомъ, голова котломъ, сѣдыя, кудлатыя; утробы съ крымскій полуостровъ. Войдутъ и станутъ. Станутъ и горько вздыхаютъ.

— Что вамъ нужно?

Вздохи.

— Какое у васъ горе?

Сокрушенное покачиваніе головою.

— Обидѣлъ васъ кто нибудь, бѣдныхъ?—нарочно спрашиваютъ ихъ.

— Должно быть, обидѣли.

— Кто-о?

— Не знаемъ. Сами не знаемъ.

— Чѣмъ-же?

— Лишнія деньги съ насъ за проѣздъ по желѣзной дорогѣ взяли.

— И много?

— Та не знаемъ-же? Мы люди темные, не письменные. Научите насъ.

— Да у васъ какіе билеты были: дешевые или простые?

— Були якія-сь-то паперы, а мы никакъ не знаемо, чи воны простыя, чи кривыя.

Вотъ и разберитесь съ ними: прямо новорожденные младенчики, по восьми пудовъ каждый. Но не думайте, чтобы эта невинность и простота были настоящія: у простоты не было бы ни такихъ утробъ, ни такихъ бумажниковъ. Это особая манера хитрить, довольно тяжелая и довольно ненужная. Малороссы хитрятъ не активно, не опутывая васъ, а пассивно, съ изумительнымъ терпѣніемъ выжидая, чтобы вы устали и какъ нибудь проговорились, высказались, раскрыли карты. Вотъ и теперь, эти младенчики тавричане.

Они пріѣхали сюда по самымъ настоящимъ и самымъ дешевымъ переселенческимъ билетамъ. Но пріѣхавъ, стали думать, думать и додумались до подозрѣнія: а нѣтъ-ли билетовъ, которые еще дешевле, дешевле дешевыхъ? Нѣтъ-ли такихъ, которые даютъ совсѣмъ даромъ? Вотъ они и пришли это вывѣдать. Вывѣдываютъ измором. Съ ними толкуютъ и бросаютъ, ничего не выяснивши; опять принимаются за нихъ, и опять отступаютъ. И только тогда, когда малороссъ все узналъ, все сообразилъ, онъ превращается изъ младенца во взрослаго и твердо говоритъ:

— Благодаримъ покорно. Значитъ, дешевле тѣхъ билетовъ, по которымъ мы пріѣхали, нѣтъ?

— Нѣтъ. Вы за этимъ и приходили?

— А за этимъ-же.

— Что-же вы прямо не спросили! — не безъ сердцовъ говорятъ имъ.

Но малороссъ тотчасъ-же опять превращается въ новорожденнаго:

— Чи мы знаемъ что! Чи мы письменные! Чи мы...

— Ступайте, ступайте!

— Ну, спасибо. Ну, бывайте здоровы.

Съ великороссомъ можно сдѣлать десять дѣлъ, прежде чѣмъ съ малороссомъ кончишь одно. Воображаю, какъ упаривалъ дьяковъ царя Алексѣя Хмѣльницкій, пока они не приняли его въ русское подданство.

Такая-то вереница проходитъ ежедневно предъ «переселеннымъ». Въ лѣтніе, весенніе и осенніе мѣсяцы нѣтъ ей конца. Каждое утро до открытія конторы толпа гудитъ у подъѣзда; цѣлый день по деревянной лѣстницѣ вверхъ и внизъ тяжело ступаютъ мужицкія ноги, въ мягкихъ и осто-

рожныхъ лаптяхъ и стучащихъ, смазанныхъ дегтемъ сапогахъ. Во время обѣденнаго перерыва толпа снова наростаетъ у дверей, а потомъ до самаго вечера снова скрипитъ лѣстница, и снова—безконечные вопросы; просьбы, разъясненія, указанія, прочувствовательныя рѣчи, суровые отказы, запахъ пота и легіоны блохъ.

ГЕРОИ.

Нѣмцы.

Нѣмцы несомнѣнно герои. Судите сами. Русскому мужику неловко говорить *вы*; чтобы говорить съ нѣмцемъ на *ты*, надо сдѣлать надъ собой нѣкоторое усиліе. Русскій переселенецъ рѣдко знаетъ вполнѣ точно, куда онъ идетъ. Нѣмецъ переселяется только тогда, когда земля или куплена, или заарендована. Русскій ужасно не любитъ вести дѣло на чистоту, — писать контракты, совершать купчія, давать и брать росписки, — и все норовитъ вершáть «по совѣсти», «промежъ себя», все норовитъ дѣлать дѣла съ башкирами, да съ горькими офицерскими вдовами, да съ купцами, незаконно арендующими инородческія земли; платить у нотаріуса онъ не любитъ, а старается отдѣлаться «темными»; являть документы ему страшно, и явкѣ онъ предпочитаетъ основательное распитіе магарычей. Въ результатѣ такого веденія дѣлъ нерѣдко оказывается, что горькая офицерская вдова выходитъ продувной бестіей, и переселенческая толпа, мечтавшая обработать вдову, видитъ себя въ мертвой петлѣ.

Начинаются охи, вздохи, паданіе на колѣни предъ «переселеннымъ» и передъ окнами губернаторскаго дома; лица блѣднѣютъ и худѣютъ; въ глазахъ неподдѣльное страданіе; беременныя бабы воютъ; малолѣтнія дѣти плачутъ и глазами, и ртами, и носами... Словомъ, мужикамъ—бѣда, начальству—жалко. Что тутъ дѣлать? По закону ничего не подѣлаешь, и приходится волей-неволей идти по стопамъ народной толпы, «приглашать» продувную вдову или архиплута—купца и дѣйствовать тоже «по совѣсти» и «промежъ себя». Не порядокъ это, но чего вы хотите: если приходъ зависитъ отъ попа, то попъ много зависитъ отъ прихода. Доказательствомъ послѣдней истины служатъ нѣмцы.

— Нѣмцы какіе-то ходятъ по улицамъ, — докладываетъ разсыльный переселенному и фыркаетъ.

— Какіе нѣмцы? Чему ты смѣешься?

— Говорятъ, что нѣмцы они. Чудные!... Да вонъ, смотрите въ окошко: нѣмецъ идетъ.

По улицѣ дѣйствительно идетъ нѣмецъ, да не одинъ, а вдвоемъ, втроемъ. Большіе, жирные, въ узкихъ брюкахъ и короткихъ пиджакахъ. Объемистый животъ, сдерживаемый жилетомъ, съ комичной солидностью вздрагиваетъ при ходьбѣ. Сзади—не столько солидно, сколько какъ-будто и нескромно, —и разсыльный снова фыркаетъ, а мѣщанскія дѣвицы на улицѣ, по всѣмъ правиламъ мѣщанской морали, конфузятся. Но нѣмецъ и въ усъ себѣ не дуетъ, между прочимъ и потому, что усы и бороду онъ брѣетъ. Нѣмецъ нетолько не смущается, но важничаетъ. Онъ сознаетъ, что въ Бессарабіи и около Одессы, откуда онъ пришелъ, онъ завоевалъ себѣ общее уваженіе и богатство. Теперь онъ соблаговолилъ явиться сюда, въ Самару или Оренбургъ, и

впереди ему предстоитъ завоевать уваженіе и богатство въ Самарѣ и Оренбургѣ. Онъ въ этомъ увѣренъ и ходитъ по городу олимпійски спокойный, сосетъ трубку съ длиннымъ гибкимъ чубукомъ и дѣлаетъ свое дѣло: покупаетъ лошадей, табакъ, сарпинку себѣ на куцые пиджаки и своимъ нѣмкамъ на платья, въ талію.

— Однако, что-жъ они записываться ко мнѣ пожалуютъ, или не удостоятъ?—сомнѣвается переселенный.

Сомнѣнія напрасны. Это только наши русаки идутъ на Востокъ по звѣздамъ и «по слухамъ». Нѣмецъ переселяется по географической картѣ и основательно проштудировавъ законъ о переселеніяхъ, притомъ въ точномъ переводѣ на нѣмецкій языкъ, обязательно сдѣланномъ для него нѣмецкой колонистской газетой въ Одессѣ. Законъ даетъ переселенцамъ нѣкоторыя права, и нѣмецъ не упуститъ случая воспользоваться ими; законъ налагаетъ извѣстныя обязанности,— и нѣмецъ исполнитъ ихъ съ величайшей аккуратностью. Онъ долженъ явиться въ переселенческую контору для регистраціи—и дѣйствительно является.

Нѣмцы входятъ въ контору въ нѣсколько нервномъ состояніи. Они знаютъ, что они теперь не въ модѣ. Какъ-то ихъ встрѣтятъ? Не будутъ ли на нихъ кричать? А къ окрикамъ они не привыкли, потому что недоимокъ за ними не числится, дороги на время проѣзда губернатора и архіерея всегда исправлены, а съ становымъ они держатъ себя на равной ногѣ. Кромѣ того, въ конторѣ нѣмцы должны смѣшаться съ обыкновеннымъ русскимъ мужикомъ, съ «русской свиньей».

Вошли, стали. Контора полна смѣсью племенъ и лицъ. Племена и лица съ удивленіемъ осматриваютъ вошедшихъ:

что, молъ, за господа такіе явились? Пиджаки, штаны на выпускъ, на шеѣ галстухи-шарфы, животы совсѣмъ господскіе, выпуклые, мягкіе. У нѣкоторыхъ накрахмаленныя манжеты съ голубыми стеклянными запонками. Руки пухлыя, безъ жилъ, которыя у русскаго мужика видны цѣлыми пучками; на рукахъ кольца, вѣнчальныя и такъ просто Andenken'ы и Ueberraschung'и. Толпа племенъ невольно стихаетъ и невольно разступается.

— Ну, почтенные нѣмцы, подходите.

Подошли и опять слегка нервничаютъ. Тѣсно, и надо стоять на вытяжку, а нѣмцы къ этому не привыкли: становой ни старинѣ говорилъ «садись, херъ Нейбаумъ». Нѣмцы переминаются на ногахъ, по забывчивости кладутъ руки въ карманы брюкъ, но сейчасъ же поспѣшно ихъ вынимаютъ.

— По русски говорите?

— Ошень мала.

— Очень худо. Откуда вы?

— Херсонскэ губерніэ, Одессаэръ уѣздъ, Кассельски волость.

— Куда идете?

— На Ташкентъ.

— На чью землю?

Нѣмцы не отвѣчаютъ и начинаютъ вытаскивать изъ боковыхъ кармановъ своихъ пиджаковъ большіе конверты, наполненные бумагами. Чиновникъ раскрываетъ и видитъ собраніе документовъ, заключающее въ себѣ всю исторію переселяющагося нѣмца. Тутъ и увольнительные свидѣтельства, и пріемные приговоры, и паспорта, и переписка съ повѣренными въ Ташкентѣ по пріобрѣтенію земли, и арендные контракты, и запродажныя, и купчія. И все это аккуратно на-

писано, засвидѣтельствовано, заявлено, подписано, припечатано. Все крѣпко, ясно, нерушимо. Вездѣ, гдѣ слѣдуетъ,— неустойки и вознагражденія за убытки. Ни горькихъ офицерскихъ вдовъ, ни купеческихъ архиплутовъ, — словомъ, ничего «по совѣсти», а все на бумагѣ. Чиновникъ съ удовольствіемъ убѣждается, что въ настоящемъ случаѣ онъ можетъ не выходить изъ роли, предназначенной обыкновенному чиновнику, и не превращаться въ рулевого на ботѣ общества спасанія на водахъ.

— У васъ все въ порядкѣ.

Нѣмцы пріосаниваются.

— Теперь васъ надо переписать. Ну, какъ зовутъ тебя?

— Якобъ. Якобъ Христіановичъ Клотцъ,—съ гордостью говоритъ нѣмецъ. Очевидно, Якобъ Христіановичъ Клотцъ былъ у меня въ Кассельской волости большой птицей.

— Сословіе?

— Поселянинъ - собственникъ, — отвѣчаетъ нѣмецъ, но спѣшитъ прибавить: — Это теперь я такъ называюсь, а по настоящему я—колонистъ.

— Хорошо. Какъ сюда пріѣхалъ?

— По желѣзной дорогѣ.

— Сколько было на старинѣ земли?

— Немного. Сто десять десятинъ.

Толпа, большая часть которой вѣкъ свой свѣковала на надѣлѣ въ четверть десятины, притихаетъ. Нѣмецъ кладетъ руки въ брюки, но сейчасъ вынимаетъ ихъ.

— Что ты съ этой землей сдѣлалъ?

— Я?—спрашиваетъ нѣмецъ. И онъ, и толпа нѣсколько удивлены, что ему послѣ того, какъ раскрылось его значи-

тельное экономическое инкогнито, все-таки говорятъ *ты*.— Я?—удивляется нѣмецъ.

— Да, Якобъ Клотцъ, ты.

— Продалъ,—нахмуриваясь, отвѣчаетъ нѣмецъ.

— За сколько?

Толпа совсѣмъ притихла. Да и нѣмецъ отвѣчаетъ не сразу, предвидя эффектъ, который долженъ произвести его отвѣтъ.

— За сколько же?

— За двѣнадцать тысячъ пятьсотъ рублей.

Толпа замираетъ и только бѣгаетъ глазами съ нѣмца на переселеннаго и обратно, ожидая, что нѣмца посадятъ на стулъ. Тутъ-то и надо продолжать бесѣду вѣжливо, но на *ты*, чтобы не дѣлать различія съ остальными...

Якобъ Христіановичъ Клотцъ въ точности исполнилъ всѣ обязанности переселенца и теперь заявляетъ свои права.

— Господинъ начальникъ,—говоритъ онъ,—въ Кассельской волости остались мой сынъ, его жена, трое дѣтей, двѣ лошади и одна фура.

— Ну, такъ что-же?

— Пошлите имъ удостовѣреніе на право проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ по переселенческому тарифу.

— Зачѣмъ это тебѣ, Якобъ Христіановичъ Клотцъ? Вѣдь ты богатъ.

— Да, я богатъ.

— А вѣдь это для бѣдняковъ пониженный тарифъ.

— Нѣтъ, онъ для всѣхъ поселянъ.

— Положимъ, такъ; но вѣдь ты больше помѣщикъ, чѣмъ поселянинъ.

— Въ паспортѣ сказано, что я поселянинъ.

— Да вѣдь не паспортъ дѣлаетъ человѣка!

— Тогда не нужно паспортовъ. А пока паспортъ есть, я поселянинъ и имѣю право на проѣздъ по переселенческому тарифу.

— И ты непремѣнно хочешь воспользоваться этимъ правомъ?

— Когда я имѣю право, тогда я имѣю право; когда я не имѣю права, тогда я не имѣю права,—сентенціозно говоритъ Якобъ Христіановичъ Клотцъ.

Якобъ Христіановичъ правъ, и удостовѣреніе ему выдается. Но этимъ онъ не ограничивается. Онъ проситъ, чтобы ему указали надежнаго киргиза, который подрядился-бы доставить его на верблюдахъ въ Ташкентъ, и затѣмъ дня два будетъ ходить съ киргизомъ къ чиновнику, чтобы тотъ помогалъ ему торговаться и сочинять условіе. Это тоже его право: чиновникъ обязанъ оказывать переселенцамъ всякое зависящее отъ него содѣйствіе.

Нѣмецъ несимпатиченъ. Его пиджакъ конфузитъ мѣщанскихъ дѣвицъ, когда онѣ смотрятъ на нѣмца сзади; его животъ смѣшитъ разсыльнаго Михайлу. Лицо выражаетъ столько-же, сколько печной горшокъ. Глаза сѣры и тусклы. Въ колоніяхъ, на старинѣ,—такая тосчища, что рѣдкій пасторъ, пившій въ Дерптѣ пиво, выдерживаетъ въ этомъ аду трудолюбія и благонравія. На новомъ мѣстѣ, въ Ташкентѣ, Барнаулѣ или Оренбургѣ, нѣмецъ заведетъ точно такой-же адъ. И несмотря на это, онъ все-таки отрада послѣ ада противоположнаго, ада русской распущенности, плутовства и темноты. Хорошо было-бы эти два ада смѣшать вмѣстѣ,—вышло-бы премилое чистилище, такъ-какъ земного рая существовать не можетъ.

Надо, однако, замѣтить, что Яковъ Христіановичъ Клотцъ не представитель нѣмецкой толпы, а нѣмецкій герой. Во-первыхъ, онъ изъ южныхъ колоній, болѣе новыхъ временъ Александра I и Николая. А эти колоніи, какъ извѣстно, населены цвѣтомъ нѣмецкихъ крестьянъ и ремесленниковъ. Во-вторыхъ, онъ южный нѣмецъ, швабъ, а не сѣверянинъ или, Боже упаси, не онѣмеченный кашубъ. Въ-третьихъ, онъ не католикъ, а лютеранинъ. Разумная дисциплина лютеранства, южная кровь и незаглохшія традиціи предковъ дѣлаютъ изъ него образецъ нѣмца. Не то переселенцы изъ восточныхъ, екатериненскихъ, католическихъ колоній, гдѣ съ самаго начала были поселены нѣмцы сортомъ похуже. Въ этихъ колоніяхъ нѣмцы и попиваютъ, и полѣниваются, и прибѣдняли. Они и съ виду не такіе «господа», какъ ихъ южные собраты. И животовъ нѣтъ, и руки жилистыя, и пиджаки потрепанные. Большинство изъ нихъ хорошо говоритъ по-русски, стыдливости мѣщанскихъ дѣвицъ ихъ видъ не оскорбляетъ, а разсыльный Михайло видитъ въ нихъ себѣ подобныхъ и не фыркаетъ отъ смѣха. Зато восточные нѣмцы иногда даже рѣшаются намекнуть на пособіе.

— Стыдитесь, нѣмцы!—отвѣчаетъ имъ чиновникъ, тотчасъ-же понимающій ихъ намекъ.—Стыдитесь! Вѣдь я ваши порядки знаю. У васъ земля передается одному сыну, а другихъ отправляютъ искать счастья, но отправляютъ не съ пустыми руками. У каждаго изъ васъ желѣзный фургонъ, хорошія лошади и нѣсколько десятковъ рублей на дорогу. Стыдитесь-же, нѣмцы! Кромѣ того, ваши отцы давно уже присмотрѣли вамъ землю въ Бійскомъ. Тамъ уже ждетъ васъ повѣренный вашей колоніи, ждутъ и деньги на обзаведеніе. Стыдитесь-же, колонисты, schämt euch!

И нѣмцы стыдятся, чему доказательствомъ служитъ то, что щеки краснѣютъ, а сѣрые на выкатѣ глаза тускнѣютъ.

— Мы, ваше высокоблагородіе, думали, что пособія всѣмъ выдаются по положенію,—бойкимъ русскимъ языкомъ говоритъ одинъ изъ нѣмцевъ, тоже покраснѣвшій и тоже сконфузившійся, стоящій пятками вмѣстѣ, носками врозь и держащій картузъ на лѣвой рукѣ.

— Ты изъ солдатъ вѣрно?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, запасный фейерверкеръ второй батареи лейбъ-гвардіи пятой артиллерійской бригады, Гансъ Экгардъ.

— Стыдись, фейерверкеръ, Гансъ Экгардъ!

— Извините, ваше высокоблагородіе.

Нѣмецкая толпа уходитъ. Нѣмецкіе герои неодобрительно смотрятъ ей вслѣдъ.

Малороссы.

Изъ всей смѣси племенъ чаще всего и больше всего приходится возиться съ малороссами. Малороссійскіе герои любятъ, чтобы съ ними няньчились такъ же, какъ и малороссійская толпа. Такая ужь нѣжная и чувствительная душа у нихъ. Но зато, какія крѣпкія и великолѣпныя тѣла!

Вотъ два молодыхъ ходока Екатеринославской губерніи, Куцъ и Ласкавый. Что за ростъ, какая стройность! Они скромно стоятъ позади толпы, но на лицахъ ихъ написана увѣренность, что ихъ замѣтятъ. И нельзя не замѣтить: толпа имъ по плечо, а лица великановъ просто картины: черново-

лосыя, усы точно шелковые, темнокаріе глаза смотрятъ гордо и весело, лица нѣжной бѣлизны, съ легкимъ румянцемъ, розовымъ какъ роза. Когда они подошли ближе и стали, точно два молодыхъ дуба выросли рядомъ. И какая огромная силища, должно быть, заключается въ этихъ тѣлахъ, которыя стоятъ такъ легко и свободно, одѣтыя въ свитки изъ тонкаго темнокоричневаго сукна.

Вотъ нѣсколько старыхъ богатыхъ тавричанъ, овцеводовъ. Одни еще не разстались съ завѣтными свитками, другіе уже облеклись въ гороховые пиджаки нѣмецкаго покроя и навертѣли на шеи шарфы. Пиджаки у нѣмцевъ лучше, но куда нѣмецкимъ лицамъ и головамъ до этихъ! Эти—точно Микель-Анджеловской работы: одни идеальныя, другія каррикатурныя, но тоже Микель-Анджеловскія. Хоть бы этотъ прямой какъ стрѣла старикъ, съ сѣдыми волосами, львиной гривой падающими съ головы, съ орлинымъ носомъ, черными, пронзительными глазами и бородой по поясъ. Моисей, да и только. Или чѣмъ не характерна эта каррикатура, въ девять пудовъ вѣсомъ. Круглая какъ шаръ голова. Круглое какъ арбузъ лицо. Сизый носъ, сидящій на лицѣ съ такой увѣренностью, какъ будто онъ на немъ хозяинъ, а все прочее ничто. Два маленькихъ сѣрыхъ, совершенно круглыхъ глаза, зорко смотрящихъ съ обѣихъ сторонъ носа и нисколько не смущающихся такимъ страннымъ сосѣдомъ. Огромный животъ, едва умѣстившійся въ длинномъ гороховомъ сюртукѣ. На плечахъ не то шинель, не то какая-то хламида, распахнутая спереди и спускающаяся по бокамъ до земли. Вдобавокъ, этотъ Фальстафъ усиливается придать своему лицу выраженіе сиротства и беззащитности. Или эти женщины, высокія, стройныя, съ лебе-

диными шеями, съ круглыми, кошачьями головами. Ими можно любоваться какъ картинами, какъ статуями. Если южные малороссы — статуи, то сѣверные, измельчавшіе, — статуэтки. Но типъ сохранился. Тѣ же краски, тѣ-же лица, тѣ же пропорціи,—только величина уменьшена.

Малороссійскіе герои держатъ себя совершенно такъ-же, какъ и малороссійская толпа. Прямо приступить къ дѣлу они никакъ не могутъ; разсказать всего, что имъ нужно, сразу они тоже не разскажутъ.

Вотъ входятъ герои изъ героевъ. Это ужь совсѣмъ господа. И черные сюртуки, и сапоги, чищенные ваксой, и карманные часы, и крахмальныя сорочки.

— Позвольте вамъ представиться. Крестьяне Бердянскаго уѣзда: Крякъ, Гузъ, Бушуй и Туникъ.

— Что вамъ угодно?

— Крестьяне мы. Конечно, мы уже настолько понятія имѣемъ, да и кромѣ того, благодареніе Богу, люди не бѣдные, и потому фамиліи наши теперь ужь не такъ, какъ у отцовъ, и называемся мы Кряковъ, Бушуевъ, Туниковъ и Гузовскій; но по паспортамъ, къ сожалѣнію, все-таки значимся попросту.

— А дѣло ваше?

— Дѣло наше тяжелое, затруднительное. Мы люди, благодареніе Богу, не бѣдные, деньги имѣемъ. То-есть, какія тамъ деньги! Такъ вотъ только черные сюртуки носимъ! Ну, деньги имѣемъ, холоду не терпимъ, голоду не испытываемъ. Благодареніе Богу. Но односельчане наши — мы вѣдь крестьяне, попросту, мужики—можно сказать, до послѣдней крайности обѣднѣли. Знаете-ли, прежде земли было дѣйствительно достаточно, можно было и хлѣбъ сѣять, и овецъ

водить, и сѣно косить. Но съ теченіемъ времени все дѣлились, и теперь дошло до того, что наши односельчане удивительно бѣдствуютъ. Повѣрите-ли, такъ жалко на нихъ смотрѣть, такъ жалко, что мы: я, Гузовскій, и мои товарищи и даже родственники, правда, не очень близкіе, но и не дальніе, Кряковъ, Бушуевъ и Туниковъ, рѣшились на доброе дѣло. Думали мы, думали и пріѣхали сюда пріискать для нашей бѣдноты и купить землю. Скажите, будьте такъ ласковы, какой здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, климатъ? Если вы не скажете, никто намъ здѣсь не скажетъ...

На глазахъ у добрыхъ Кряка, Гуза, Бушуя и Туника появляются какъ бы даже слезы. Свойства здѣшняго климата объясняются имъ обстоятельно. Они слушаютъ не только внимательно, но благоговѣйно, и глубоко изумляются, ахаютъ, вздыхаютъ, переглядываются, разводятъ руками. Съ климатомъ, наконецъ, кончено.

— А позвольте спросить, какъ это крестьянскій банкъ: сначала надо купить землю и потомъ уже въ немъ заложить—вотъ, напримѣръ, какъ въ бессарабско-таврическомъ или херсонскомъ банкѣ—или же деньги выдаются на покупку?

Слѣдуетъ объясненіе дѣйствій крестьянскаго банка. Опять ахаютъ, опять изумляются премудрости банковаго устройства и умиляются тѣмъ благодѣяніямъ, которыя банкъ дѣлаетъ крестьянамъ. Когда нѣсколько опоминаются отъ этихъ чувствъ, задаютъ новый вопросъ:

— Тамъ вѣдь есть директоръ,—въ банкѣ?

— Есть.

— А! Скажите! Директоръ! Будьте такъ ласковы сказать, онъ въ генеральскихъ чинахъ?

— Почти.

— Тс! Почти!.. Но можетъ быть онъ среднихъ лѣтъ? Такъ, съ сѣдиной, или темный?

— Есть и сѣдины немного.

— И сѣдины немного! А!.. Какъ же съ нимъ разговаривать: попросту—извините, вотъ какъ съ вами; повѣрите ли, съ вами говоришь безъ всякаго, можно сказать, страха— или же онъ строгій?

— Нѣтъ, попросту можно разговаривать.

— Благодаримъ васъ. А кто же, извините, тамъ въ банкѣ молодой, высокій, темный?

— Это, должно быть, бухгалтеръ.

— Такъ, такъ. Онъ и самъ говорилъ, что бухгалтеръ.

— Кому говорилъ?

— Намъ говорилъ. А тотъ, что съ сѣдиной, дѣйствительно управляющій. И самъ онъ намъ такъ говорилъ, и адвокаты здѣшніе намъ такъ говорили...

— Адвокаты здѣшніе тутъ причемъ же?

— Да знаете ли... Положимъ, мы, хоть и крестьяне, люди достаточные; положимъ, холоду не знаемъ, голоду, благодареніе Богу, не видали,—но все-таки насчетъ законовъ, да бумагъ, да документовъ—лучше, если знающій человѣкъ, вѣрнѣе. Вотъ, думали мы, Крякъ, Гузъ, Бушуй и Туникъ, думали тужили о нашей сельской бѣднотѣ, тужили, да и рѣшили, что лучше, если къ этому дѣлу и адвоката взять...

— Къ какому дѣлу?

— А, знаете ли, къ покупкѣ земли.

— Какую же вы землю покупаете?

— Мы ужь и купили.

— Кому?

— Да вотъ, бѣдности этой, какъ мы вамъ попросту, безъ всякаго, можно сказать, страха, разсказали,—односельчанамъ нашимъ. При помощи здѣшняго отдѣленія крестьянскаго банка.

— Стало-быть, это ужь кончено?

— Да кончено-жь! Управляющій, дай Богъ ему здоровья и счастья, ему и его семейству (потому что онъ семейный), такой простой. Разговаривали съ нимъ такъ же вотъ, какъ съ вами, смѣло. Очень быстро все и кончили...

Что съ ними станешь дѣлать? Браниться не охота, да и цѣль у нихъ была: еще и еще разъ провѣрить, не промахнулись ли они въ чемъ-нибудь; не завелъ ли ихъ адвокатъ вмѣсто банка въ гостинницу, гдѣ сидѣли какіе-нибудь переодѣтые; не переодѣтый ли и самъ адвокатъ; не фальшивыя ли деньги выдали имъ ссуды? А если все это и настоящее, то не поддѣли ли ихъ въ чемъ-нибудь второстепенномъ, въ размѣрѣ ссуды, въ пошлинахъ. Нѣтъ такого фантастическаго сомнѣнія, которое не пришло бы въ голову хитрому до мнительности малороссу. Но мало того, чтобы разсѣять сомнѣнія;—пріятно, послѣ того какъ окажется, что сомнѣнія напрасны, показаться передъ собесѣдникомъ молодцами, обстоятельно обдѣлавшими дѣло. «Эге, какія это головы!—долженъ сказать себѣ собесѣдникъ.—А я то думалъ, что простачки пришли и простыя рѣчи говорятъ. А они, смотри ты, какіе!» И поѣдетъ собесѣдникъ въ Петербургъ, увидитъ тамъ министровъ и скажетъ имъ: «Позвольте, ваши высокопревосходительства, вамъ еще одно важное обстоятельство разсказать. Пришли ко мнѣ малороссы, можно сказать, совсѣмъ простые хохлы. Правда, люди не бѣдные, хо-

лода не знаютъ, голода не испытываютъ, но все же простые крестьяне. И такъ, знаете, ваши высокопревосходительства, съ виду какъ-будто ничего не понимаютъ, какъ-будто ихъ всякій можетъ сейчасъ обидѣть. И что же вдругъ оказывается? Разумники! Все дѣло такъ отлично сдѣлали, что и я лучше бы сдѣлать не могъ!»—«Что вы говорите!—скажутъ министры.—А какъ ихъ зовутъ?»—«По паспорту ихъ зовутъ Гузъ, Крякъ, Бушуй и Туникъ. Но это, ваши высокопревосходительства, прямая несправедливость, потому что они и не бѣдные люди, и понятіе имѣютъ, такъ что сами себя они называютъ Гузовскій, Кряковъ, Бушуевъ и Туниковъ».—«Скажите!» — скажутъ министры. — «Но и это еще не все, ваши высокопревосходительства, я вамъ долженъ все разсказать. Они, кромѣ всего, и добрые люди. Необыкновенной доброты! Положимъ, они достаточные, но ихъ односельчане совершенно разорились. Думали они, думали; тужили, тужили,—и, что же вы себѣ думаете, поѣхали на край свѣта искать и покупать землю своей бѣднотѣ! А!?»—«Скажите,— скажутъ министры, — какіе на свѣтѣ бываютъ разумные и добрѣйшей души люди!..» и т. д., и т. д. Мало ли, о чемъ мечтаетъ мечтательный малороссъ!

— И много изъ вашего села переселяется сюда?

— Много! Бѣдные они! Право, отъ сердца за нихъ стараемся. Семей четыреста выбираются.

— А всего у васъ много народу?

— Да семей шестьсотъ будетъ.

— Что же, тѣ, которые остаются, побогаче?

— Конечно, немного богаче. Прежде всѣ были богатые, но потомъ одни стали бѣдными, а другіе богатыми. Прежде

всѣ овецъ водили; теперь же, когда началось стѣсненіе, почти невозможно заниматься овцеводствомъ.

— На какія же средства поѣдутъ ваши бѣдняки?

— Да ужь другъ-другу помогаемъ. Кто побогаче, тотъ и помогаетъ. И мы помогли.

— Помогать хорошо, но потомъ долги взыскивать трудно, даже и по векселямъ.

— Конечно, даже по векселямъ трудно. И адвокаты, и имущество описывать...

— А имущества и нѣтъ. Трудно! Здѣшняя земля, которую ваша бѣднота купила, мало стоитъ, а прежняя земля остается за обществомъ.

— Трудно, трудно! Но доброе дѣло все-таки...

— Конечно, доброе дѣло дѣлаете. Но зато и васъ судьба за ваши старанія вознаградитъ. Во-первыхъ, бѣднякамъ вы дали на переѣздъ подъ векселя... Векселя вѣдь явлены?

— Э, что тамъ!.. И явленные теперь не надежны.

— Ну, все-таки, безспорные. Сначала проценты будете получать, а потомъ что-нибудь и взыщите. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, прежде вашей землей шестьсотъ семей владѣло, а теперь будутъ только двѣсти на ней жить. Вѣдь это вы для вашихъ овецъ получите втрое больше земли, чѣмъ прежде, и притомъ... задаромъ!

На мгновеніе Гузъ, Крякъ, Бушуй и Туникъ какъ-будто смущаются, но сейчасъ же принимаются хохотать,—простодушно, наивно, весело. По всему видно, что они смѣются презабавному обороту, который приняло дѣло. До того это было для нихъ неожиданно,—эта выгода, сопряженная съ ихъ добрымъ дѣломъ!..

Великороссы.

Самая драгоцѣнная черта великоросса, это—правдивость передъ самимъ собой. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ добродѣтеленъ и нравственъ. Напротивъ, нигдѣ въ русскомъ царствѣ не попадаются такіе негодяи, какъ среди великороссовъ. Но и послѣдній изъ негодяевъ не лукавитъ передъ собою, не надѣваетъ личины; очень часто, подъ вліяніемъ-ли хмѣля, или въ минуты хандры, или отъ угрызеній совѣсти, негодяй и предъ собою и предъ другими безъ виляній называетъ себя негодяемъ, или сокрушается и хоть на время становится лучше, или впадаетъ въ ожесточеніе, дѣлается «отчаяннымъ» и такимъ и самъ себя понимаетъ. Великороссъ всегда знаетъ, что онъ дѣлаетъ, хорошее или худое, и во всякую минуту можетъ дать себѣ настоящую цѣну. Мало того, онъ чутко и тонко отличаетъ зло отъ добра, нравственное отъ безнравственнаго. Послѣдній негодяй какъ-то двоится. Одинъ человѣкъ—настоящій, созданный по образу и подобію Божію; другой—негодяй. Послѣдній одолѣлъ перваго, но не сдѣлалъ его своимъ союзникомъ, помощникомъ и укрывателемъ, и дѣйствуетъ одинъ, безъ маски, съ грубой безстыжестью, которая не допуститъ васъ ошибиться въ оцѣнкѣ человѣка. Добро и зло рѣзко разграничены, не смѣшиваются, и поэтому въ великороссѣ добро не пачкается зломъ, не получаются тѣ противные «тепловатые» люди, которыхъ такъ много, въ высшихъ классахъ и среди другихъ племенъ. Даже лжетъ великороссъ правдиво, лжетъ не активно, а пассивно: умалчиваетъ, упорно запирается, отзывается незнаніемъ,—и никогда не начнетъ сочи-

нять длинныя хитросплетенныя лживыя исторіи, какъ это непремѣнно сдѣлаетъ малороссійскій плутъ, или даже иной разъ и честный хохолъ. «Дьяволить», — это, по убѣжденію кацапа, дозволено только бабамъ. Великорусскій негодяй дерзокъ, рѣзокъ, смѣлъ разбойничьяго пошиба. Съ неправдой онъ обращается какъ съ топоромъ и лѣзетъ на васъ прямо, выпучивъ отчаянные глаза, норовя угодить обухомъ по темени, или остріемъ въ високъ. Неправда малоросса, это—ножъ въ рукавѣ. «Посмотрите, будьте ласковы, какъ наверху на деревѣ соловейко пѣсни спиваетъ, Бога славитъ». Вы подняли голову вверхъ, а онъ васъ по горлу ножичкомъ—чикъ!

Правдивъ и искрененъ и праведный великороссъ. Если ему удалось отдѣлаться отъ злого двойника, то отъ послѣдняго не остается и воспоминаній, именно потому, что злой и хорошій не смѣшивались и жили отдѣльно. Хорошій великороссъ никогда не важничаетъ тѣмъ, что онъ хорошій, никогда не любуется собой и не заглядываетъ въ глаза другимъ, въ ожиданіи похвалы и удивленія. Онъ простъ и скроменъ; онъ знаетъ, что добро, это—настоящее то, что должно быть, чего должно требовать отъ всякаго христіанскаго человѣка; а зло — дѣло нечистой силы, вешь безбожная, запрещенная и для души прямо пагубная.

Эта правдивость передъ самимъ собой, искренность, недовѣріе къ компромиссамъ и условностямъ, это несмѣшеніе добра и зла и чуткое различеніе одного отъ другого составляютъ не только основное качество великорусскаго племени, но въ этомъ его сила, его путеводная звѣзда. Пусть племя некультурно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ необъятной страны дико; но разъ въ немъ живетъ чувство правды и

добра, оно уже сильно, не погибнетъ, не упадетъ до ничтожества. Пусть пьяная и жадная распущенность, какъ повальная болѣзнь, свирѣпствуетъ въ странѣ; но, разъ она сознается самимъ народомъ, разъ онъ не идетъ на сдѣлки съ совѣстью, онъ не упалъ окончательно.

Смѣлая правдивость великоросса, замѣтная въ простонародьѣ, совершенно несомнѣнна въ художественныхъ произведеніяхъ нашей литературы; несомнѣнна и всѣми признана. Никто не станетъ спорить противъ того, что графъ Толстой и Достоевскій дали настоящія откровенія въ области психологіи, что они раскрыли много явленій душевнаго міра, тогда-какъ до нихъ эти явленія только съ внѣшней стороны описывались. И этимъ наша литература обязана своему народу, который никогда не лжетъ передъ самимъ собой, который никогда не отворачивается отъ своей совѣсти, никогда ее не балуетъ и безстрашно заглядываетъ въ самые сокровенные тайники своей души. Такъ-же смѣло и правдиво заглянули въ нихъ и нашли великіе писатели и вынесли оттуда сокровища ея тайнъ. Кто такъ смѣлъ и такъ силенъ, тотъ падаетъ временно, а заблудиться безъ надежды найти настоящую дорогу не можетъ, потому-что передъ нимъ всегда его путеводная звѣзда—правдивость и правдолюбіе. Если народъ такъ много заслужилъ въ области художественнаго слова, то нѣтъ причины не допустить возможности такихъ заслугъ и въ другихъ областяхъ мысли и чувства. Секретъ силы великоросса въ томъ, что въ немъ живъ кантовскій «категорическій императивъ».

Героевъ-дѣльцовъ изъ великороссовъ въ переселенческой конторѣ не видно. Кацапъ, если онъ дѣлецъ, такъ ужь сиротой прикидываться не станетъ; какъ-бы самъ кого не оси-

ротилъ. Разбогатѣвъ, онъ выходитъ въ купцы и съ крестьянскимъ банкомъ возиться не станетъ, потому-что онъ самъ крестьянскій банкъ. Богатые мужики тоже не просятъ помощи: сами все разузнаютъ и обдѣляютъ. Мелкіе негодяи и попрошайки, разъ убѣдившись, что отъ конторы много не попользуешься, оставляютъ ее въ покоѣ и начинаютъ нищенствовать и воровать по улицамъ. Этакаго народа по всѣмъ городамъ, лежащимъ на переселенческихъ путяхъ, сотни и тысячи; изъ ихъ среды рекрутируются кадры босяковъ, шарлатановъ, жуликовъ, горчишниковъ и прочихъ мелкихъ мошенниковъ и тунеядцевъ. Чаще всего изъ героевъ въ конторѣ показывются праведники и подвижники. Праведники люди пассивные: просто живутъ праведно, зла никому не дѣлаютъ, за зло, имъ причиненное, не мстятъ. Подвижники дѣятельны и чаще всего являются въ роли довѣренныхъ отъ міра, защитниками общественныхъ интересовъ. Праведникъ праведенъ безусловно, по сущности своей натуры: мухи обидѣть не въ состояніи. Подвижники иной разъ бываютъ изъ такихъ, что нетолько муха, но и хорошій верблюдъ долженъ держать ухо востро; но подвижникъ стоитъ за дѣло, которое считаетъ святымъ, а потому на время своего подвига отрекается отъ нечистой силы и своего злого двойника и дѣйствуетъ такъ, какъ ему указываетъ двойникъ добрый.

Положимъ, въ какой-нибудь Буранной области, въ неисповѣдимыхъ пустыряхъ, гдѣ среди сыпучихъ песковъ лишь изрѣдка попадаются оазисы земли, способной къ обработкѣ, гдѣ вмѣсто уѣздовъ какіе-то мудреные подприставства и подъучастки; гдѣ нѣтъ городовъ, а какіе-то кордоны, пункты и маяки, гдѣ нѣтъ людей, а взамѣнъ бродятъ по песку неизвѣстные халатники неизвѣстной расы и невѣдомой религіи,

живущіе въ кибиткахъ, въ видѣ кастрюль, и ѣздящіе на верблюдахъ, въ видѣ огромныхъ чайниковъ на четырехъ ногахъ, — въ этой-то привлекательной сторонкѣ завелась тысяча-другая переселенцевъ изъ православной Руси. Открыты они были совершенно случайно мѣстнымъ подъучастковымъ начальникомъ. Правда, о переселенческихъ поселкахъ долженъ былъ знать и донести мѣстный аульный старшина, но онъ большую часть года кочуетъ со своими верблюдами, овцами и женами на горномъ хребтѣ У-хи, въ предѣлахъ Китайской имперіи. Такимъ образомъ, подъучастковому принадлежитъ честь перваго открытія переселенцевъ, и онъ тогда-же донесъ, что на рѣкѣ Каратаѣ, текущей изъ однихъ песковъ въ другіе, весною взадъ, а осенью впередъ, но на половинѣ своего теченія расширяющейся до трехъ аршинъ съ четвертью, имъ было найдено около пяти поселковъ, населенныхъ «иногородними», уроженцами разныхъ губерній внутренней Россіи. «Иногородніе» показали, что они арендуютъ землю у туземцевъ; но такъ-ли это, и есть-ли у нихъ арендные контракты—неизвѣстно, ибо туземцы въ то время отбыли на лѣтовки въ китайскія горы У-хи, куда аульный старшина увезъ вмѣстѣ съ собою канцелярію и печать. Паспорты у иногороднихъ оказались всѣ просроченными, отъ одного до двадцати-пяти лѣтъ и болѣе. Отъ переписи иногородніе уклонились подъ предлогомъ полевыхъ работъ; но экономическій ихъ бытъ оказался удовлетворительнымъ. Хотя дома́ по большей части—землянки, глинобитныя или изъ воздушнаго кирпича, но въ скотѣ недостатка нѣтъ, а также найдены большіе запасы проса. Церквей и часовень въ поселкахъ не имѣется, но кабаковъ — до двѣнадцати, причемъ всѣ документы на право торговли оказались въ порядкѣ.

Получивъ это донесеніе, управленіе Буранной области предписало подъучастковому немедленно снестись съ аульнымъ старшиной, Мухамедяномъ Мухамедямаловымъ, и истребовать отъ него подлинные контракты для провѣрки и утвержденія. Почта изъ «пункта», гдѣ находится управленіе, до «кордона», гдѣ проживаетъ подъучастковый, идетъ полтора мѣсяца. Подъучастковый тотчасъ-же отправилъ аульному старшинѣ приказаніе немедленно исполнить предписаніе управленія, но старшина въ то время снова оказался кочующимъ на хребтѣ У-хи. Прошло шесть мѣсяцевъ. По прошествіи этого срока подъучастковый послалъ старшинѣ строжайшее подтвержденіе своего предписанія, но отвѣта снова не получилъ, такъ-какъ старшина отлучился въ афганскіе предѣлы для покупки кухоннаго котла, ножницъ для стрижки овецъ и ситца на одѣяло, каковые товары, будучи поставляемы въ афганскіе предѣлы англійскими торговцами, какъ извѣстно, значительно дешевле фабрикантовъ нетолько московскаго, но и лодзинскаго промышленныхъ районовъ. Вскорѣ послѣ этого подъучастковый смѣнился, и дѣло заглохло-бы совсѣмъ, еслибы черезъ пять лѣтъ не измѣнился составъ областного управленія, и новое начальство, перебирая старыя дѣла, снова не возбудило вопроса объ «иногороднихъ». Аульный старшина былъ наконецъ розысканъ, и отъ него полученъ отвѣтъ, изъ котораго оказалось, что иногородніе поселились на рѣкѣ Каратаѣ самовольно, никакихъ контрактовъ не дѣлали, и его, старшину, потребовавшаго объясненій, прогнали, за неимѣніемъ въ степной мѣстности дубья, снятыми съ ногъ сапогами. Промедленіе-же свое въ отвѣтѣ и недонесеніе о поселеніи на р. Каратаѣ иногороднихъ старшина оправдывалъ тѣмъ, что на хребтѣ У-хи ко-

ренное населеніе было вырѣзано китайскими регулярными войсками для полученія фуража, а потому по случаю открывшагося простора въ пастбищахъ онъ, старшина, со своимъ ауломъ нашли болѣе выгоднымъ оставаться на хребтѣ У-хи, не возвращаясь на р. Каратай. Нынѣ-же населеніе на хребтѣ У-хи вновь размножилось, въ урочищѣ при рѣкѣ Каратаѣ снова явилась для аула необходимость, и онъ, старшина, покорнѣйше проситъ самовольно поселившихся иногороднихъ выдворить. Аульному старшинѣ отвѣтили, что его ходатайство уважено, и иногородніе будутъ выдворены. Но написать—одно, а сдѣлать—другое. Разстоянія въ Буранной области считаются сотнями и тысячами верстъ. На всю область, величиной съ Австрійскую имперію, имѣется двѣ сотни солдатъ да пятокъ стражниковъ. Дѣло затянулось—и на сценѣ появляется подвижникъ, довѣренный каратайскихъ поселковъ, симбирскій мужикъ, Евстафій Шалохинъ.

Приглядывались-ли вы когда-нибудь къ медвѣдямъ въ Зоологическомъ саду? Если да, то васъ навѣрно поразило несоотвѣтствіе между шкурой медвѣдя и самимъ медвѣдемъ, въ эту шкуру зашитымъ. Шкура неуклюжа, космата, брюхата, неповоротлива, но въ ней сидитъ акробатъ по ловкости и гимнастъ по силѣ. Вглядитесь пристальнѣй, и вы замѣтите, какъ внутри своей шубы этотъ акробатъ и гимнастъ движется, и какъ мало шуба ему мѣшаетъ, — какъ онъ ловко подхватываетъ орѣхи, которые ему кидаютъ, и какъ быстро лазитъ на шесты и столбы своей клѣтки. Такой-же медвѣжонокъ и Евстафій Шалохинъ.

Шалохинъ входитъ. Небольшой, коренастый, съ короткими руками и ногами. Большая голова на короткой шеѣ

вся обросла волосами. Много волосъ на головѣ, но еще больше въ бородѣ, въ усахъ и въ бровяхъ. Прямой медвѣдь.

— Здравствуй.

— Здравствуйте.

Медвѣжонокъ заговорилъ, и у него блеснули великолѣпные зубы, а изъ-подъ сѣдѣющихъ, словно запачканныхъ сметаной усовъ, показались еще совсѣмъ молодыя и свѣжія губы.

— Что скажешь?

— Охъ, ваше благородіе, ужь и не знаю, какъ и говорить-то!

Молодецъ! Молодецъ медвѣжонокъ! Какой славный голосъ! Не противный нервическій интеллигентный тенорокъ, а теноръ естественный, безъ дрожи, съ выраженіемъ здороваго чувства. Какъ онъ выразительно охнулъ, развелъ руками и откинулся назадъ! И какъ потомъ, послѣ артистической паузы, отчетливо, какъ-будто колеблясь и сдерживая себя, но въ то-же время какъ-будто подчиняясь внутренней необходимости излить свое горе, произнесъ онъ слѣдующую затѣмъ фразу. И медвѣжонокъ не вретъ, онъ искренне таковъ.

— Въ чемъ-же дѣло?

— Да вотъ въ чемъ: смерть. намъ приходитъ!

Да, медвѣжонокъ не вретъ. Произнося послѣднія слова, онъ вдругъ поблѣднѣлъ, даже губы поблѣднѣли, а въ большихъ голубыхъ глазахъ, которые тоже неожиданно показались изъ-подъ бровей, ясно можно было прочесть ту усталость, которую причиняетъ внезапное сознаніе неминучей бѣды.

— Кто ты такой?

— Шалохинъ. Каратайскихъ новоселовъ довѣренный. Старики послали.

— Слышалъ.

— Коли слышали, стало-быть, знаете.

— Знаю. Выселятъ васъ.

— О, Господи!

— Поселились самовольно.

— Д-ды што-жь врать-то!.. Самовольно.

— Аульнаго старшину сапогами прогнали.

— Не мы прогнали! Ребята молодые, черти, озорники! Онъ это на верблюдѣ отъ насъ съѣзжаетъ, совсѣмъ-было уѣхалъ, а они, черти, изъ кабака...

— Ну, вотъ видишь!

— Да вѣдь мы ихъ за то били.

— Били, да поздно. Участковому переписываться не давались.

— Охъ!

— То-то: охъ! Паспортовъ ни у кого нѣтъ.

— Нѣту.

— Ну, и выселятъ васъ.

Шалохинъ нѣкоторое время молчитъ, опустивши голову. Потомъ, въ видимомъ волненіи (очевидно, онъ приступаетъ къ самому главному), онъ начинаетъ говорить. Говоритъ онъ тихо, не спѣша, убѣдительно, точно молитву читаетъ.

— Ваше высокоблагородіе, я отъ васъ ничего не потаю, только ужь вы наставьте на разумъ. Измаялись мы. И такъ думаемъ, и этакъ прикинемъ, все одно смерть выходитъ. Дѣйствительно, мы самовольные. Ну, прегрѣшили; однако, неужели намъ прощенія не будетъ?! Куда намъ теперь на старину идти? На старинѣ-то наше мѣсто пусто, а тутъ у

меня семнадцать лошадей, да три верблюда, да домъ, да двѣ коровы. Сами знаете, лошади теперь пять цѣлковыхъ цѣна. Что ее продавать! А домой не поведешь: полторы тысячи верстъ... Теперь, сѣять не велятъ. Чѣмъ-же я зиму проживу? Халатники-то наши сегодня тута, завтра въ Индею ушли, имъ вездѣ хлѣбъ. Помрутъ они что-ли безъ Каратая?! А намъ смерть!

— Да вѣдь земля ихняя.

— А намъ зарѣзъ!

— Вы у нихъ самовольно захватили.

— Насъ полторы тысячи душъ! Крещеныхъ!

— Ничего не выйдетъ.

— А если господину министеру?

— Оставь это дѣло.

— А если къ...

— Не смѣю между вами становиться, но мой совѣтъ: оставь.

— Не оставлю, ваше высокоблагородіе!

Шалохинъ умолкаетъ. Онъ молчитъ, но вся его фигура, спокойно, но непоколебимо упорная, говоритъ, что онъ дѣйствительно не оставитъ. Но въ этомъ упорствѣ нѣтъ ничего нелѣпаго, деревяннаго. Нѣтъ, Шалохинъ сознательный подвижникъ. Пьянство, плутни, грубости участковому, битье сапогомъ аульнаго забыты, отринуты. Нѣтъ прежняго Шалохина, суетнаго мірского человѣка: теперь Шалохинъ—подвижникъ. Шалохинъ стоитъ за другихъ, стоитъ за правду, какъ онъ ее понимаетъ; онъ проситъ за ближнихъ, быть можетъ, и грѣшныхъ; онъ искупаетъ ихъ грѣхи, онъ вымаливаетъ имъ прощеніе. И весь Шалохинъ такъ и свѣтится подвигомъ, на который онъ себя обрекъ. Его рѣчь стала

правдивой, его манеры благородны, — не заносчивы, но и не принижены. Онъ не пьетъ. Онъ не утаитъ ни одной копѣйки изъ денегъ, которыя ему далъ міръ на ходатайство. Онъ мало ѣстъ, спитъ не на постоялыхъ дворахъ, а на выгонѣ, чтобы не истратить лишняго. И этотъ медвѣжонокъ такъ дѣйствуетъ на васъ, что вы, точно загипнотизированный, забываете всѣ его грѣхи, помните только одно: что имъ всѣмъ зарѣзъ, — и начинаете помогать ему.

Вотъ чѣмъ онъ беретъ, этотъ великороссъ, этотъ медвѣдь, — великой искренностью и правдивостью. Правда, эти искренность и правдивость появляются порывами, но онѣ необыкновенно сильны и, кромѣ того, онѣ достаточно продолжительны, чтобы не остаться безъ результатовъ. Много существуетъ объясненій того, чѣмъ создалось русское царство и его сила. Одни приписываютъ это особенно доброкачественнымъ идеаламъ русскаго народа; другіе — мудрости его правителей, собирателей Руси; третьи — рабскому послушанію народа, представлявшему собою стѣнобитную машину, разрушившую не мало сосѣднихъ художественныхъ зданій. Что до идеаловъ, то они вѣчны, и какихъ-нибудь спеціально-русскихъ идеаловъ нѣтъ. Мудрость правителей безсильна, если ей не поможетъ мудрость управляемыхъ. Что до рабскихъ свойствъ русскаго народа, то какой-же онъ рабъ?! Развѣ Шалохинъ рабъ? Взгляните только на него: это подвижникъ, а не рабъ. Въ правдивости сила этого народа. Въ повседневномъ быту ложь торжествуетъ у насъ слишкомъ полно, но въ важныя минуты личной и народной жизни царитъ еще неподкупленная совѣсть; она выходитъ побѣдительницей и вслѣдъ за собой ведетъ своего союзника и тріумфатора, Россію. Россія существуетъ, — и чѣмъ инымъ

объяснить ея существованіе? Этимъ она живетъ, это ее родило, но впередъ этимъ однимъ не проживешь: международная жизнь, въ которую все больше и больше втягивается Россія, слишкомъ осложнилась. Что годится въ Буранной области на рѣкѣ Каратаѣ, то недостаточно на низовьяхъ Днѣпра и Днѣстра, на Вислѣ, на Шпре, на Дунаѣ. Тутъ одного «категорическаго императива» недостаточно, и кромѣ него нужна еше культура, безъ которой насъ забьютъ.

«Не оставлю», сказалъ Шалохинъ и дѣйствительно не оставилъ. Мѣсяцы продолжалось его подвижничество, но онъ не отступалъ. Онъ худѣлъ, блѣднѣлъ, его глаза западали глубже, вѣки опускались все ниже, но Шалохинъ не оставлялъ. Дѣло его довѣрителей осложнялось, ухудшалось, но Шалохинъ ни разу не поколебался подъ принятой на себя нелегкой ношей. Сначала какая-то каратайская баба оскорбила участковаго—Шалохинъ доказалъ, что баба была беременна и дѣйствовала въ изступленіи ума. Потомъ иногородніе оказали сопротивленіе при отправкѣ ихъ по этапу на родину, — Шалохинъ вымаливалъ имъ прощеніе за сопротивленіе и отсрочку въ выдвореніи. Наконецъ, среди иногороднихъ, которые ничего не сѣяли, открылся голодъ— и тутъ ужь Шалохинъ показалъ себя всего и, что почти невѣроятно, добился для своихъ довѣрителей ссуды на продовольствіе, — «пособія». Мало того, ссуды были даны «до урожая будущаго года», а такъ-какъ выдвореніе поселенцевъ «безъ потрясенія ихъ экономическаго быта» произведено быть не могло, а слѣдовательно не было надежды на возвратъ ссуды, то халатникамъ Каратайской волости было «предложено» заключить съ иногородними арендный контрактъ. Многое перетерпѣлъ и одолѣлъ Шалохинъ — и по-

ставилъ-таки на своемъ. Я не влюбленъ въ Шалохина, не окружаю его ореоломъ безусловной добродѣтели, но не могу не любоваться имъ въ періодъ его подвижничества и не назвать его молодцомъ.

Если подвижники представляютъ собою завоевательную силу великоросса, то праведники — сила притягивающая. Праведникъ не дѣйствуетъ, онъ только праведно существуетъ — и все-таки неотразимо симпатиченъ. Въ большинствѣ праведники съ виду какъ будто дураковаты, точь-въ-точь дядя Акимъ во «Власти тьмы»; но если къ нимъ приглядѣться ближе, кажущаяся дурковатость оказывается идеальнымъ простосердечіемъ: не только обмануть, но даже польстить, даже быть любезнымъ онъ не можетъ. Душа у него чистая, а чистота проста и несложна. Потому просты его рѣчи, несложны его мысли, фразы коротки, слова немудрены. Онъ самъ несложенъ, и все мало-мальски болѣе сложное — любезность, лесть, обманъ, хитросплетеніе мысли или чувства — онъ не понимаетъ.

Предъ нами маленькая-премаленькая худая старушка. Лѣтъ ей много, но она держится прямо, какъ дѣвочка. Лицо у нея крохотное, все въ морщинкахъ, но свѣжее. Въ маленькихъ высохшихъ ручкахъ маленькій платокъ, свернутый въ комокъ. Ситцевая старая юбчонка совсѣмъ чистая. Такъ-же чиста куцавейка, вся покрытая аккуратно пригнанными заплатами. На головѣ темный платокъ. Старушка стоитъ, мнетъ въ рукахъ платокъ, видимо отъ волненья забавно подымаетъ плечи и смотритъ прямо на васъ наивными, какъ у ребенка или какъ у испуганнаго щенка, чистыми синенькими глазками.

— Ты, бабушка, что посматриваешь?

— Я — Данилова, родимый. Данилова я, Агафья Данилова, Данилова.

— Что-же тебѣ надобно?

Старушка вдругъ всхлипываетъ и ловитъ пару слезинокъ на комочекъ платка.

— Голубчикъ ты мой, что-же я ѣсть-то теперь буду!

— А что до сихъ поръ ѣла, бабушка.

Старушка дѣлается серьезной. Она приводитъ въ порядокъ глаза, носъ и ротъ и дѣловитымъ тономъ начинаетъ:

— Вотъ что я ѣла родимый. Ничего я ѣсть не могу. Сейчасъ подъ-ложечкой жечь начинаетъ. Такъ я, голубчикъ, чаекъ пью. Да, тепленькій! Чаекъ пью и булочку бѣлую въ день потребляю. Это лѣтомъ-то. А зимой, голубчикъ, у меня задышка дѣлается. Такъ я на печкѣ лежу. Я, голубчикъ, на квартирѣ-то даромъ живу. Спасибо, хозяева хорошіе люди, совсѣмъ хорошіе! Живи, говорятъ, за ребенкомъ посмотри, постирай когда что. Вотъ, я зимой и лежу на печкѣ. Такъ зимой мнѣ одной булочки на три дня хватаетъ...

Старушка вдругъ останавливается и опять всхлипываетъ.

— Какъ-же я теперь зимовать-то буду! — говоритъ она.

— Опять на печкѣ.

— На печкѣ-то на печкѣ, да булочки какъ?

— А прежде какъ было?

Старушка снова успокаивается и опять становится дѣловой.

— Ну, значитъ, я тебѣ не все, родимый, разсказала. Ужъ ты прости меня. Лѣтъ-то мнѣ много, всего и не сображу. Я рубашечки крашу, фуксиномъ. Ишь, руки-то мои!..

Старушка протягиваетъ впередъ руки, которыя оказываются выкрашенными въ ярко-красный цвѣтъ.

— Видишь, не вру, крашу... Знаешь, какъ я дѣлаю? Пойду на толкучку и куплю рубашечку, старую, бѣлую. Потомъ ее вычиню. Вычиню не то что-бы кое-какъ, а аккуратно, крѣпко. А потомъ ее фуксиномъ выкрашу, и опять на толкучку снесу...

Старушка останавливается и мечтательно смотритъ въ пространство.

— Иной разъ на рубашечкѣ заработаю... пятачокъ!—говоритъ она то, о чемъ только-что мечтала.

— Что ты!

— Право, иной разъ пятачокъ!.. Вотъ и были заработки. А теперь годъ-то голодный. А я и не пойми того. Да и пойди на толкучку, да и купи рубашечекъ на восемьдесятъ-пять копѣечекъ. Всѣ продаютъ, всѣ продаютъ! Ну, вычинила ихъ, выкрасила, еще одиннадцать копѣекъ истратила. Вынесла на толкучку,—Господи Іисусе Христе, никому не надо!.. А другія-то торговки молодыя, да голоса у нихъ громкіе, да сильныя такія! Затолкали меня, оглушили; какой и былъ покупатель, отъ меня оттерли... Такъ я и капитала своего рѣшилась! — произноситъ старушка, въ ужасѣ не выдыхая, а вдыхая въ себя слова, и безсильно ударяетъ ручками по старенькой юбчонкѣ.

— И великъ былъ капиталъ?

— Рубликъ! — втягиваетъ въ себя старушка, и помолчавъ, дѣловито продолжаетъ: — Прежде я богаче была. Франтить не франчу, подсолнуховъ не грызу, ну и накопилось. Сарафанчиковъ было — шесть! Косыночки были! Чулковъ дюжина! Два сундучка! Самоварчикъ бы-илъ!!

— Хорошій?

— Славный, родимый, самоварчикъ... Да погорѣла я.

— Давно?

— Десятый годъ, въ большой пожаръ. Я на толкучкѣ была. Прибѣгаю — горитъ квартира. Забилось мое сердце. Хоть-бы самоварчикъ, думаю...

Старуха начинаетъ говорить отрывисто: видно, что при одномъ воспоминанiи о гибели самоварчика у нея бьется сердце и пресѣкается дыханiе.

— Хоть-бы самоварчикъ!.. Не помню себя, въ огонь лѣзу... И вдругъ это бранместиръ здѣшнiй, какъ великанъ большой!.. И вдругъ какъ крикнетъ!.. И, знаешь, въ кулакъ меня какъ зажметъ!.. Да какъ броситъ!.. Говорятъ, изъ огня выхватилъ, пинжакъ себѣ спалилъ...

Долго еще разсказывала старушка про свое былое богатство, про теперешнюю нищету, про свои надежды и опасенiя, долго ее слушали и, наконецъ, направили куда слѣдуетъ, за пособiемъ.

Прошолъ мѣсяцъ, и старушка снова входитъ въ контору, но на этотъ разъ довольная, спокойная, сiяющая радостью. Въ рукахъ передъ собой, торжественно и бережно, она несетъ что-то завернутое въ ветхую, но безукоризненно чистую, бѣлую тряпочку.

— А я къ тебѣ, родименькiй, похвастаться пришла! — говоритъ она, и лукавая улыбка шевелитъ и морщитъ ея губы.

— Чѣмъ?

— Погоди!.. И спасибо тебѣ сказать.

Старушка кладетъ свою ношу на столъ и развертываетъ ее. Она оказывается кускомъ пшеничнаго хлѣба.

— Что это?

— Способiе получила! хлѣбецъ! Вотъ онъ, хлѣбецъ-ба-

тюшка! Какъ ты мнѣ написалъ бумагу, такъ сейчасъ и дали, и всю зиму будутъ давать. А теперь... — Старушка, не спуская глазъ съ дорогого ей хлѣба, кланяется въ землю и поднимается. — А теперь, сыночекъ, поклонъ тебѣ земной, за то, что жива буду. А жива буду, за тебя молиться буду. И за тебя! — обращается она къ письмоводителю. — И за тебя! — говоритъ она разсыльному. — И за васъ, добрые люди! — киваетъ она головой толпѣ мужиковъ: нѣмцевъ, малороссовъ, великороссовъ, чувашей, мордвинъ, башкиръ.

И больше ни слова. Улыбается какъ-будто лукаво, завертываетъ хлѣбъ, и не торопясь, мелкими шажками уходитъ. Переселенческая контора нѣсколько мгновеній молчитъ, но у всѣхъ, отъ башкиръ до нѣмцевъ, на душѣ хорошо. Потомъ, передъ тѣмъ какъ заговорить, всѣ прокашливаются; а когда начинаютъ говорить, то дѣлаютъ видъ, что ничего особеннаго не случилось, — вѣрный знакъ, что что-то особенное произошло.

Старушка напоминаетъ птицу. Маленькая, добрая, говорливая. И ѣстъ по-птичьи, булочку въ три дня. Ни трагедіи въ ней, ни драмы, если не считать «самоварчика», который она вѣчно будетъ оплакивать. Гораздо серьезнѣй старикъ, Григорій Трифоновъ. Онъ приходитъ въ половинѣ августа. Небольшой, широкоплечій; волосы не сѣды, но стали матовыми отъ лѣтъ. Кость могучая, но тѣло болѣзненное. Красивое овальное лицо, съ большими сѣрыми усталыми глазами и правильнымъ выгнутымъ носомъ, желтовато и сплошь покрыто сѣткой мельчайшихъ морщинъ. Но ни усталость въ глазахъ, ни широкая кость, ни гордый очеркъ носа не мѣшаютъ общему впечатлѣнію доброты и чистоты. Въ чемъ она выражается, не опредѣлишь, а такъ какъ-то онъ стоитъ

добро, дышетъ мирно, слушаетъ честно и еще честнѣй говоритъ. Онъ не ласковъ, какъ старушка, а тихъ. Онъ не забавенъ, а покорно скорбенъ.

Конечно, обычный вопросъ:

— Что скажешь?

— Пришолъ поспрошать тебя.

— Насчетъ чего?

— Насчетъ того, не прокормишь-ли меня зимою?

— А самъ не прокормишься?

— Думалъ я, да не одолѣю: семья!

— Семья и прокормитъ. Много васъ?

— Много: я, старуха, да дѣвокъ три.

— А сыновей нѣтъ?

— Были, — лицо старика исказилось, точно у него дернуло зубъ, и онъ тише прибавляетъ: — Пахари-бы теперь были, да въ запрошломъ году горячкой померли. — Вслѣдъ за тѣмъ онъ оправляется и продолжаетъ: — Старуха хворая, дѣвки малыя. Не онѣ меня кормятъ, а я ихъ. Вотъ ты и разсуди....

— Ну, ладно, квартиру я тебѣ дамъ, но не теперь. Покуда въ полѣ работа есть, ты работай.

— Буду. Ты не думай: я не люблю такъ-то жировать; я работу люблю. Я объ томъ только, какъ-бы мнѣ съ семействомъ не померетъ.

— Къ зимѣ и приходи. Только насчетъ пропитанія я тебѣ обѣщать не могу.

— Ты не обѣщай, а сообрази. Если здѣсь работу найду, — не думай, зря докучать не стану. А не найду, ты сообрази. Я къ тебѣ послѣ Покрова приду; послѣ Покрова по селамъ работы нѣту.

— Ладно, тогда и сообразимъ.

Трифонъ сдержалъ слово: пришолъ послѣ Покрова, въ половинѣ октября. Онъ сталъ еще желтѣе, морщинки стали какъ-будто еще глубже. Стоитъ онъ еще добрѣе, но его какъ-будто покачиваетъ, а глаза закатываются.

— Дѣдушка, ты никакъ нездоровъ?

— А?

— Нездоровъ ты, что-ли?

— Нѣтъ... здоровъ, — съ усиліемъ отвѣчаетъ онъ.

— Что-же ты будто на ногахъ нетвердъ?

— Замаялся маненько... Назябся, путемъ шодши.

Старикъ покачнулся и протянулъ впередъ свои великолѣпныя рабочія руки, могучія, широкія. Но страшно было на нихъ взглянуть: ладони и сгибы пальцевъ покрыты были глубокими, кровавыми трещинами.

— Это отъ холоду, милый, бываетъ, — пояснилъ онъ, — до третьёводни картошку копалъ. Земля-то, знаешь, холодная, вѣтеръ... А я работу люблю, я не такъ-то... Да польста верстъ сюда шли... Да снѣжку Господь послалъ... Къ урожаю-бы!..

Онъ опять покачнулся.

— Ступай, дѣдушка, на квартиру.

— Со старухой?

— Да.

— Съ дѣвчонкими?

— Съ ними.

— Ну... Что еще-то?.. Да, насчетъ пищи сообразилъ?

— Сообразилъ.

— Ну... вотъ и ладно...

Курьезы.

Осторожно, наноскахъ, съ таинственнымъ видомъ, входитъ къ «переселенному» двое. Одинъ—черный, худой, желтый—даже бѣлки желтые,—съ горящими черными глазками; другой—бѣлокурый, тоже худой, глаза сѣрые, остановившіеся. Черный не проронилъ ни слова; бѣлый начинаетъ говорить отъ порога и говоритъ таинственно, оглядываясь, полушопотомъ:

— Позвольте, ваше высокородіе, какъ вы завѣдующій по переселеннымъ дѣламъ, то и мы, рѣшаясь по происхожденію въ нищенскую бѣдность, точныя свѣдѣнія по распредѣленію народа.....

— Говори попроще.

— Такъ точно. И вотъ, по значенію собственнаго смысла распорядительнаго закона, то какъ напримѣръ, по перевозочнымъ средствамъ и прочимъ способіямъ для долговременнаго путешествія...

Бѣлый говоритъ и говоритъ, шепчетъ все тише и тише, видимо упиваясь своимъ краснорѣчіемъ, видимо убѣжденный, что и другіе имъ очарованы. Черный дѣйствительно очарованъ. Его горящіе глазки съ восторгомъ устремлены на бѣлаго. Бѣлый, источая родникъ краснорѣчія, время отъ времени ласково взглядываетъ на чернаго. Очевидно, это два друга.

— Стой, стой!—прерываетъ бѣлаго «переселенный».—Стой и отвѣчай на вопросы.

— Такъ точно.

— Хочешь переселиться?

— Такъ точно. Но по прочтенiи печатнаго...

— Стой! Куда хочешь переселиться?

— По древнимъ извѣстiямъ о странѣ, именуемой Мервъ, которая при Александрѣ благословенномъ...

— Стой! Въ Мервъ?

— Такъ точно. По прочтенiи печатнаго...

— Молчи. Въ Мервъ нельзя. Замѣть себѣ это. А теперь объясни, что ты читалъ «печатное»?

— Еще Александръ благословенный, совершая походы противъ шаха персидскаго Дарiя...

— Вздоръ. Александръ благословенный противъ Дарiя не ходилъ. Что ты читалъ печатное?

— Позвольте попросить у вашего высокоблагородiя почтеннѣйшаго извиненiя, но дѣйствительно пропечатанное во всеобщее опубликованiе...

Бѣлый говоритъ и говоритъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно и таинственно вытаскиваетъ изъ кармана сложенную вчетверо засаленную, измятую, истертую брошюру.

— Давай сюда.

— Извольте. По засвидѣтельствованiю ученыхъ людей, безподобныя богатства и произрастанiя при водоорошенiи...

Бѣлый шепчетъ, черный восхищенно на него смотритъ, «переселенный» развертываетъ брошюру, и она оказывается дешевымъ календаремъ за много лѣтъ назадъ. Въ календарѣ— и то «печатное», на что ссылается бѣлый. Это коротенькая статейка, заключающая въ себѣ исторiю съ древнѣйшихъ временъ и до битвы на Кушкѣ тогда вновь присоединеннаго Мерва. Статейка говоритъ, что едва-ли не въ Мервѣ былъ земной рай; что при Александрѣ Македонскомъ, котораго бѣлый называетъ благословеннымъ, Мервъ, былъ «житницей

міра»; что «гигантскія оросительныя сооруженія» нѣкогда давали возможность два раза въ годъ снимать жатву самъ сто...

— Ты это самое читалъ?

— Такъ точно. Небывалое плодоносное плодородіе...

— Погоди. Ты до конца читалъ?

— Почтительнѣйше позвольте донести вашему...

— Отвѣчай: до конца читалъ?

— Позвольте почтительнѣйше доложить: что-же тамъ въ окончательности заключаетъ печатное наставленіе?

— А вотъ что. Слушай хорошенько. «Въ настоящее время грандіозные каналы разрушены, нѣкогда плодоносная страна представляетъ совершенную пустыню, подобную Сахарѣ. Несомнѣнно, однако, что сѣть оросительныхъ каналовъ будетъ возстановлена, и тогда вновь воцарится обиліе и богатство въ области, которая въ древности по справедливости именовалась царемъ міра. Тысячи, десятки тысячъ переселенцевъ направятся туда изъ матушки Руси и обрѣтутъ тамъ, подъ южнымъ небомъ, новую родину».

Вы думаете, поняли что-нибудь изъ прочитаннаго имъ мечтатели? Конечно, поняли. Что именно,—объяснилъ бѣлый; черный въ это время влюбленно смотрѣлъ на него. Нѣтъ возможности передать длинную, хитросплетенную, запутанную рѣчь бѣлаго, но въ результатѣ вышло слѣдующее. Положимъ, дѣйствительно напечатано, что каналы разрушены, но вѣдь сказано; грандіозные. Что это значитъ? А значитъ, что ихъ чинятъ, а теперь такъ ужь и починили. Грандіозный—слово загадачное, вродѣ числа 666. Его надо *понимать*. Бѣлый его понялъ: грандіозный—значитъ починка. Далѣе, дѣйствительно, сказано, что Мервъ въ настоящее

время пустыня, но ясно прибавлено: сáхара, т. е. изъ сахара, т. е. до того хороша земля, что словно сахарная, и только «орда» не умѣетъ ею пользоваться. «Въ древности именовалась царемъ міра»...» Кто царь міра? Конечно, нашъ царь. «Именовалась»,—какъ это понять? А вотъ какъ: царь міра, т. е. нашъ царь, далъ *именной* указъ переселять «на новую родину» народъ и, конечно, на казенный счетъ.

«Переселенный» пробовалъ разъяснять мечтателю истинный смыслъ календарной замѣтки, но тотъ въ отвѣтъ шепталъ и шепталъ,—шепталъ до одурѣнія, глаза у него закатывались, языкъ путался, голова, въ которой видимо не все въ порядкѣ, кружилась. Черный слушалъ его съ восторгомъ и не спускалъ съ него своихъ глазъ, горѣвшихъ черными огоньками. Тогда безполезныя разъясненія были брошены и мечтателей стали разспрашивать, кто они такіе. Оказалось все, какъ и слѣдовало. Оба, и черный, и бѣлый, изъ дворовыхъ. Оба мальчиками были «при комнатахъ». Добрая барышня выучила ихъ грамотѣ. Потомъ господа имѣніе продали, и малые пошли по «домашнимъ службамъ». Когда пришло время, бѣлаго взяли въ солдаты, и какъ грамотнаго, опредѣлили въ артиллерію. Онъ оказался, однако, несмотря на грамотность, на столько нерасторопнымъ, что дальше канонира не пошолъ, но зато сталкиваясь съ разными людьми и бродя вмѣстѣ со своей баттареей съ мѣста на мѣсто, наслушался и насмотрѣлся разныхъ разностей и превратился въ неистоваго и безтолковаго солдата-мечтателя. Отслуживши и вернувшись домой, онъ встрѣтился со старымъ другомъ, чернымъ, который сдѣлался такимъ-же мечтателемъ на «домашнихъ службахъ». Оба женились, обоимъ какъ-то удалось взять за женами кое-какое приданное день-

гами, рублей по сту. Подвернулся садчикъ, обѣщавшій мечтателямъ кисельные берега и молочныя рѣки, повелъ ихъ, обманулъ и бросилъ гдѣ-то въ глубинѣ Тургайской области. Мечтатели пропитываются теперь по киргизскимъ зимовкамъ. Воображаю себѣ ихъ существованіе! Неумѣлыя руки работаютъ кое-какъ, непривычное тѣло устаетъ, худые, блѣдные, щеки ввалились. Бабы ихъ такія-же худыя и, конечно, злыя: корятъ ихъ, попрекаютъ, воютъ въ припадкахъ ужаса, который нападаетъ на нихъ, когда онѣ припомнятъ, что до ближайшаго попа триста верстъ, а до ближайшей ситцевой лавки пятьсотъ. Лѣтомъ неслыханно печетъ солнце, и степные вѣтры затемняютъ небо пылью. Зимой— сорокаградусные морозы, метели, цѣлые мѣсяцы человѣческаго лица не видать: однѣ только желтыя киргизскія хари... Но мечтатели не поддаются. Сядутъ у смраднаго кизяка, грѣются; бѣлый, закатывая глаза, тянетъ высокопарныя безсвязныя рѣчи, а черный пожираетъ его своими горящими глазками. Счастливцы! Они мечтаютъ, они вѣрятъ, они надѣются. Что и требовалось доказать.

Одно время Мервъ былъ въ большой модѣ. Вообще, въ народѣ нѣтъ другихъ модъ, кромѣ модъ на новыя мѣста, очень измѣнчивыхъ. Въ нынѣшнемъ году у всѣхъ головы кружатся отъ Мерва и Мургаба, въ прошломъ году сѣрые модники были очарованы Амуромъ. То бредятъ Уссурійскимъ краемъ; то цѣлыя деревни готовы подняться на земли у Семи палатъ; то безконечные обозы тянутся къ Кустонаю, подъ какой-то Новый-Кустъ, на какой-то китайскій клинъ. Въ 91 году народное воображеніе, разстроенное свирѣпой

голодовкой, перешло всякія границы возможнаго. Шли и просились въ индѣйскія земли, въ Бразилію, въ Афганистанъ, и наконецъ остановились на Японіи, какъ на странѣ наиболѣе подходящей. Японцы, изволите видѣть, совсѣмъ глупый народъ и никакъ не могутъ догадаться, какъ это пашутъ землю и сѣютъ хлѣбъ. Когда Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ въ Японіи, японскій царь слезно умолялъ его позволить русскимъ мужикамъ идти въ Японію и хоть немножко выучить японцевъ земледѣлію. Вотъ и вызываютъ въ Японію «добровольцевъ». Издержки пути, конечно, японскія. На мѣстѣ земля даромъ, изба казенная, лошади тоже; сохи, бороны тоже. Мигомъ образовались тамъ и сямъ самозванныя переселенческія конторы, такъ-сказать, бюро японской эмиграціи, и началась «обчистка» сѣрыхъ мечтателей. А мечтатели такъ сами и лѣзутъ въ паутину, такъ сами и суютъ въ руки деньги за «запись» въ японскіе добровольцы... Но мы начали о Мервѣ.

Входятъ трое: черноволосый, веселый, румяный сангвиникъ, Червяковъ; такой-же черный, но преждевременно посѣдѣвшій, лицомъ сѣрый, съ мрачными и злыми глазами, Низкодубовъ; третій—ничтожнаго вида и небольшого роста, рыженькій плутъ, съ острымъ носикомъ и рыжей бородкой, Просвиркинъ. Спикеромъ этой тройки является Червяковъ.

— Слышали мы, болтаютъ про Мервъ,—начинаетъ онъ сочнымъ баритономъ, весело сверкая влажными карими глазами и какъ-бы удерживаясь отъ смѣха.—Болтаютъ про Мервъ. Значитъ, быдто каналы али арыки тамъ построены. Поля это быдто съ поливкою. Каждому канава съ крантомъ: отворилъ—поливай. Два раза въ годъ жнутъ: одинъ разъ пшеницу, другой—ресъ. Скажите, ваша милость, что за ресъ такой?

— Это рисъ.

Червяковъ раскатисто смѣется.

— Вона! А врутъ: ресъ.

— И не такъ еще соврутъ!—подхватываетъ Просвиркинъ.

— Ваша милость, а про арыки врутъ?—удерживаясь отъ смѣха, спрашиваетъ Червяковъ.

— Пока еще врутъ: арыки не готовы.

— А когда будутъ готовы?

— Не скоро.

— Вотъ брехуны-то! А ужь тутъ, въ путоловской харчевнѣ, такое-то расписываютъ: будто поѣзжай да и садись къ кранту. Оттуда тебѣ пшеницу такъ и посыплетъ.— Червяковъ весело хохочетъ.—Ваша милость, у васъ плантъ земной есть, покажите,—хоть бы посмотрѣть, гдѣ это Мервъ содержится?

Приносятъ карту, и тройка обнаруживаетъ чрезвычайный интересъ къ Мерву. Водятъ пальцами, опасаясь прикоснуться, не по картѣ, а надъ картой: такъ имъ и хочется ткнуть въ Мервъ. Обстоятельно и по нѣскольку разъ спрашиваютъ, какъ дойти въ Мервъ; какая дорога ближе и дешевле: прямо ли черезъ степь, или Волгой, Каспійскимъ моремъ и Закаспійской желѣзной дорогой; сколько до Мерва верстъ и сколько дней ѣзды и хода. Когда все это разспросили, переглянулись.

— Поняли?—сурово спросилъ молчавшій до тѣхъ поръ Низкодубовъ.

— Поняли,—отвѣтили Червяковъ и Просвиркинъ.

И опять всѣ трое переглянулись.

— Что это вы глазами разговариваете? — сказалъ имъ «переселенный».

Червяковъ разсмѣялся.

— Да что разговариваемъ! Какъ народъ-то врать здоровъ! Добро-бы бабы, а то и мужики, сѣдые!.. Спасибо, ваша милость, на умъ наставили. По планту да по вашему наставленію—какъ на ладони: врутъ!..

Тройка откланялась и ушла.

Недѣли черезъ двѣ въ контору начинаютъ приходить неладныя вѣсти. Приносятъ ихъ мужики самыхъ разнообразныхъ положеній: богатые и бѣдные, осѣвшие въ губерніи и идущіе на новыя мѣста или на старину, землепашцы и мастеровые. И всѣ спрашиваютъ, скоро ли ихъ отправятъ въ Мервъ. Солидные спрашиваютъ осторожно,—вывѣдываютъ; легкомысленные возбуждены, машутъ руками и предъявляютъ требованія. Сначала солидные и легкомысленные одинаково не говорятъ, откуда пошли слухи, что ихъ повезутъ въ Мервъ; но время идетъ, число кандидатовъ въ мервскіе переселенцы увеличивается, ихъ распросы становятся тревожнѣе, между собой они начинаютъ галдѣть шумнѣе, начинаютъ перекоряться, ссориться, раздается плачъ бабъ,—и наконецъ дѣло выходитъ наружу. Оказывается, верстахъ во ста, на самомъ переселенческомъ трактѣ, у моста чрезъ большую рѣку, засѣли какіе-то люди, которые записываютъ желающихъ переселиться въ Мервъ. За запись сначала брали по тридцати копѣекъ съ семьи, а теперь не соглашаются брать меньше рубля. Записали уже семей пятьсотъ. Записанные въ окрестныхъ деревняхъ распродаются, укладываются и съ часу на часъ ждутъ сигнала къ отправленію: ждутъ только курьера изъ Петербурга. Тѣ, кого садчики соблазнили на пути, остановились по обѣ стороны рѣчки у моста таборомъ, и тамъ образовалась цѣлая ярмарка. Стоящіе та-

боромъ проѣдаются на себя и на скотину, ждутъ и, не дождавшись, ходятъ въ переселенческую контору за справками. Они-то и обнаруживаютъ все дѣло, потому-что имъ ужь очень круто приходится. Садчики, понабравъ денегъ, неистово пьянствуютъ, опухли и даже стали заговариваться. Кто они, по обыкновенію, не знаютъ,—дѣйствительно не знаютъ. Одного звать Василіемъ, другой будто тоже Василій, а можетъ быть и Тимофей, а третьяго переселенцы ужь сами прозвали Шишкинымъ, потому что у него на щекѣ черное пятно. Фамилія у мужика — послѣднее дѣло, а нѣрѣдко обида, обидная кличка, и часто даже близкіе родственники не знаютъ фамилій другъ друга, или изъ вѣжливости дѣлаютъ видъ, что не знаютъ. На этотъ разъ вывезло черное пятно одного изъ садчиковъ: это былъ Червяковъ. Другіе оказались по примѣтамъ Низкодубовымъ и Просвиркинымъ. Конечно, до поры до времени переселенцы были ими увлечены, но теперь наступила реакція. Мужики озлоблены, бабы воютъ, и всѣ жаждутъ мести. Пишется соотвѣтствующаго содержанія бумага подлежащему начальству объ изловленіи садчиковъ. Переселенцы удовлетворены и переглядываются съ торжествующимъ видомъ. Торжествуютъ они однако напрасно, потому что, пока соотвѣтствующая бумага ходила по инстанціямъ, садчики почуяли опасность и безслѣдно скрылись. А скрыться въ мѣстахъ «не столь отдаленныхъ» ровно ничего не стоитъ.

Проходитъ мѣсяцъ, проходитъ другой. Наступила осень, разразился голодъ, и въ конторѣ съ утра до вечера толкутся толпы жаждущихъ продовольствія. Однажды въ разгаръ «присутствія» къ «переселенному» входитъ письмоводитель.

— Помните Низкодубова, садчика? Онъ здѣсь.

— Зачѣмъ?

— Проситъ ссуды на продовольствіе вмѣстѣ съ Червяковымъ и Просвиркинымъ. Всѣ трое составляютъ круговую поруку и хотятъ, чтобы мы засвидѣтельствовали основательность просьбы.

— Отлично. Сейчасъ дамъ знать полиціи, а вы займите его разговоромъ.

Записка отправлена, и начинается томительное ожиданіе ея результатовъ. Прошеніе Низкодубова читается и перечитывается. Исправляются въ немъ ошибки. Какъ-будто начинаютъ писать удостовѣреніе. Низкодубовъ уже что-то подозрѣваетъ и подъ разными предлогами подвигается къ дверямъ. Но тутъ появляется запыхавшійся околодочный надзиратель... Ухъ, какой разбойничій взглядъ бросаетъ Низкодубовъ изъ-подъ всклокоченныхъ сѣдыхъ волосъ! Но тотчасъ же онъ пересиливаетъ себя.

— Отправляйся-ка съ господиномъ околодочнымъ,—говорятъ ему.

— Куда прикажете, туда и пойду, — кротко говоритъ онъ.—Только мнѣ идти, такъ ужь и Просвиркина съ Червяковымъ ведите: вмѣстѣ продовольствія просимъ. Тутъ неподалеку въ харчевнѣ сидятъ.

— И Просвиркина съ Червяковымъ найдемъ. Не обижайте народа.

— Какого народа?—кротко изумляется Низкодубовъ.

— А у —скаго моста.

— У какого моста?

— Въ —скомъ селѣ.

— Такого села не слыхали.

Очевидно начинается «запирательство».

— Ну, ладно, потомъ вспомнишь. А теперь иди.

— Что-жь, ведите. Куда поведете, туда и пойду: я не худое что, а продовольствія прошу.

Изловленъ былъ мошенникъ, но «переселенный» и письмоводитель нѣкоторое время невольно отплевывались и морщились.

— Чортъ его... Точно собаку пристрѣлили,—проворчалъ письмоводитель.

Заходятъ въ контору по поводу и дворяне. Однажды очень приличный молодой человѣкъ чрезвычайно огорчался тѣмъ, что дворянамъ не отводятъ казенной земли. Оказалось, онъ пріѣхалъ ходокомъ отъ цѣлой компаніи безземельныхъ и не получившихъ образованія дворянъ откуда-то изъ Екатеринославской губерніи.

— Это очень обидно, это очень всѣхъ насъ огорчитъ,— повторялъ онъ.—Помилуйте, мы было такимъ мечтамъ предались: имѣть свою землю, жить самостоятельно. А теперь, что такое мы? Я—писцомъ у мирового судьи былъ; другой— смотрителемъ на почтовой станціи; третій — у помѣщиковъ ребятишекъ грамотѣ учитъ. Такъ вотъ и вытираемъ чужіе углы.

Дворянину очень сочувствовали, но помочь не могли. Вообще, быть дворяниномъ не всегда пріятно. Былъ, напримѣръ, такой случай.

Среди толпы просящихъ о продовольствіи долго стоитъ какой-то оборванный мужикъ въ лаптяхъ, бородатый, волосатый. Онъ стоитъ и что-то изъ себя «изображаетъ»,—не

проталкивается впередъ, видимо ждетъ, чтобы его подозвали сами, а на лицѣ хранитъ выраженіе не то обиженное, не то презрительное.

— Ну, а ты что же стоишь?—обращаются къ нему.— Продовольствія просишь?

— Продовольствія,—ворчливо отвѣчаетъ тотъ и подаетъ прошеніе.

Прошеніе пробѣгается наскоро, останавливаются на самомъ существенномъ: кто проситъ, откуда родомъ, сколько ѣдоковъ, есть ли круговая порука, удостовѣрены ли въ волости всѣ эти свѣдѣнія и бумаги. Просятъ домохозяева. Кузьма, Петръ, Тимофей и Дмитрій Еникеевы; живутъ на арендованной землѣ; скотъ кое-какой есть; ѣдоковъ столько-то; работниковъ столько-то: губерніи Пензенской, уѣзда Краснослободскаго, жили при селѣ Черномъ...

— Какой же волости?

— А на что мнѣ волость!

— Надо же знать, гдѣ ты приписанъ.

— Я приписанъ къ Россійской имперіи.

— Значитъ, николаевскій солдатъ?

— Потомственный дворянинъ, Козьма Ильичъ Еникеевъ,— отрывисто говоритъ мужикъ, раздраженно чмокаетъ, передергиваетъ плечами и небрежно прибавляетъ: —вы читайте прошеніе, тамъ прописано.

Дѣйствительно, въ прошеніи значилось, что его подаютъ потомственные дворяне, «записанные въ шестую часть дворянской родословной книги». Послѣ этого, конечно, мужика стали называть, чтобы не оскорблять его гордости, почтеннымъ господиномъ Еникеевымъ и разспросили его. Оказалось, Еникеевы на старинѣ имѣли двадцать семь деся-

тинъ земли на пятьдесятъ душъ. Земля была вдобавокъ черезполосная при селѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Черномъ. Когда они «опростились», — не помнятъ: и дѣды были уже такими. На старинѣ кормиться было нельзя, и часть ушла на новыя земли, гдѣ бѣдствуютъ. Новую землю сняли всѣмъ своимъ дворянскимъ «обществомъ»; и на старинѣ, и тутъ землевладѣніе у нихъ общинное; теперь, прося о ссудѣ на продовольствіе, они составили круговую поруку, но дадутъ ли имъ ссуду? По настоящему, дать нельзя, ибо они не крестьяне и не мѣщане, которымъ даются ссуды, если они занимаются земледѣліемъ. Еникеевы имѣютъ право отдать своихъ дѣтей въ лицей и правовѣдѣніе, могутъ выступить кандидатами въ пензенскіе губернскіе предводители дворянства, могутъ повсемѣстно въ имперіи поступить на государственную службу, могутъ получить Владиміра хоть въ первый же годъ службы, а не чрезъ тридцать-пять лѣтъ, какъ лица другихъ сословій, присутственныя мѣста въ бумагахъ именуютъ ихъ благородіями,—но на продовольствіе они права не имѣютъ. Еникеевымъ ссуда была, однако, разрѣшена.

Тамъ, гдѣ имѣются пріюты или бараки для переселенцевъ, это учрежденіе служитъ источникомъ большихъ хлопотъ. Болѣе всего хлопотъ бываетъ осенью. Когда начнутся морозы и кончатся полевыя работы, чиновника осаждаютъ толпы кандидатовъ на зимовку въ пріютѣ. И кого-кого тутъ не увидишь! Приходятъ всклокоченные, одѣтые въ бабьи кацавейки, но безъ брюкъ, пьяницы, проживавшіе лѣто въ окрестныхъ рощахъ. Являются какія-то мѣщанскія тетки, съ синими но-

сами, въ сопровожденіи бойкихъ и весьма недурныхъ племянницъ, играющихъ глазками. Приходитъ дурочка-татарка, вдобавокъ нѣмая, тоже обитательница окрестныхъ рощъ, подруга гарнизонныхъ солдатъ; съ плачемъ и воплемъ влѣзаетъ вдова, одѣтая въ невообразимыя лохмотья, съ полудюжиной ребятъ и къ тому-же въ интересномъ положеніи. Все это хнычетъ, плачетъ, требуетъ, умоляетъ, грозитъ прикинуть дѣтей, грозитъ удавиться на подъѣздѣ чиновника. Наконецъ, является, съ вѣжливой просьбой защитить его отъ холода и непогоды, образованный молодой купеческій сынъ, Сѣриковъ. Объ этомъ слѣдуетъ сказать подробнѣе.

Близь города по рѣкѣ тянутся на многія версты густыя рощи. Ихъ гущина увеличивается зарослями тальника, жимолости, шиповника. Если вы пойдете въ рощи гулять, но не по-городски, по дорогамъ, а по деревенски, цѣликомъ, сквозь кусты и чащу, вы не разъ наткнетесь на логовища пригородныхъ бродягъ. Логовища скрыты, протоптанныхъ тропинокъ тутъ нѣтъ, и вы натыкаетесь на людей внезапно. Живутъ они въ самой чащѣ, въ кустахъ. Тутъ стоитъ шалашъ изъ ивовыхъ прутьевъ, покрытый травой, а передъ шалашомъ сидятъ или лежатъ его обитатели. Нѣжная пара, въ самыхъ неприхотливыхъ костюмахъ, сильно выпившая. Старая баба, плетущая изъ тальника корзину или «морду» для ловли рыбы. Какой-то оборванный молодой парень. При вашемъ появленіи, парень быстро бросаетъ что-то въ кусты и озабоченно васъ спрашиваетъ:

— А что, милый господинъ, гдѣ тутъ въ рѣкѣ купаться помельче?

Парень, изволите видѣть, зашелъ сюда, чтобы освѣжиться купаньемъ.

Въ этихъ-же мѣстахъ былъ найденъ и Сѣриковъ. Этотъ, однако, не скрывался. Помѣстился онъ на самомъ берегу рѣки, въ неглубокой четырехъугольной ямѣ, которую вырыли когда-то рабочіе для столовой: сидятъ по краямъ, ноги спущены въ яму, посреди ямы для стола оставленъ земляной «попъ». Сѣриковъ уничтожилъ попа и столовую превратилъ въ спальню.

На него наткнулись тоже нечаянно и тоже удивились. Малый молодой, худощавый; лицо незначительное, но пріятное и интеллигентное; одѣтъ въ рваную рубаху и такіе-же кальсоны довольно тонкаго полотна; на головѣ ничего.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Какъ видите, живу.

— Въ этой ямѣ?!

— Въ этой ямѣ. Не вполнѣ удобно, по ночамъ довольно прохладно, но что-же дѣлать! Видите тутъ все мое имущество и хозяйство.

Дѣйствительно, въ ямѣ было и имущество, и хозяйство: до послѣдней степени изорванное одѣяло, сковородка, коробка изъ подъ папиросъ, гдѣ лежали лески и крючки удочекъ, погнутый жестяной кофейникъ, четвертушка махорки и пустая сороковка водки. Больше ничего.

— Вы, однако, не богаты.

— Какое-же тутъ богатство!

— Вы здѣшній?

— Здѣшній. Купеческій сынъ Николай Антоновичъ Сѣриковъ. Можетъ быть изволили слышать?

— Не имѣю понятія. Тѣмъ удивительнѣй ваше положеніе.

— Я самъ чрезвычайно удивленъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ я ни зачто не повѣрилъ бы, что можно дойти до такого

смѣшного положенія, что не найду работы, что впаду въ нищету. Говорили, что бываютъ подобныя положенія, но я смѣялся. А теперь вотъ убѣждаюсь на опытѣ... Что-жь, особенно худого не вижу. Природа, рѣка, цвѣты, птицы...

— И давно вы такъ живете?

— Какъ вамъ сказать... лѣтъ около двухъ. Въ прошломъ году я имѣлъ глупость лѣтомъ жить въ городѣ. Непріятно: воздухъ испорченный, харчи дорoги, придирки со стороны полиціи, работы нѣтъ... Здѣсь условія гораздо благопріятнѣй. Полиціи, напримѣръ, я ни разу не видѣлъ. Что касается продовольствія, то у меня есть удочки. Вотъ и теперь у меня въ рѣкѣ закинуты двѣ уды. Нетолько хватаетъ на пищу, но еще иной разъ могу и подарки дѣлать рыбой...

— Кому?

— У меня въ городѣ есть богатая тетка, такъ ей... У меня очень солидная родня. Въ Казалинскѣ есть дядя, владѣлецъ паровой мельницы. Я у него жилъ довольно долго, на жалованьѣ, сто двадцать рублей въ мѣсяцъ.

— Почему-же вы оставили это мѣсто?

— Досадно говорить! Дядя находилъ, что я недостаточно заботливъ, будто меня обманываютъ, будто у меня на глазахъ воруютъ. Во избѣжаніе непріятностей, я пріѣхалъ сюда, къ теткѣ, но и тутъ тѣ-же дрязги. Начались сплетни, клеветы. То пропали какія-то ложки, то исчезъ какой-то самоваръ... Ну, я ушелъ и отъ тетки.

— Однако чѣмъ-же вы живете? Вѣдь все-же нужны какіе нибудь гроши.

— Живу работой. Плету изъ талoвъ корзины. Вѣрнѣе, плелъ, потому что теперь вышла изъ-за тальника цѣлая глупѣйшая исторія. На дняхъ рѣжу я прутья, вдругъ—лѣсной

сторожъ. Какъ! Что! Талы — городскіе! Воръ! Взялъ меня подъ руку и отвелъ въ полицію. Говорятъ: нужно составить протоколъ. Мнѣ, отвѣчаю, протоколъ не нуженъ, но если нуженъ вамъ—составляйте. Я—грамотный, и чтобы вамъ доставить удовольствіе, подпишу все, что угодно. Будутъ судить... Интересно!

Сѣриковъ говорилъ очень мило, сдержанно, скромно, симпатичнымъ теноркомъ; говорилъ не рисуясь и не стѣсняясь, даже не обращая большого вниманія на собесѣдника и все время продолжая возиться съ своимъ хозяйствомъ. Но онъ былъ странно блѣденъ; движенья были хоть и спокойны, но ненужно напряженны; рѣчь была складная, но какъ-будто маленечко тугая.

— Скажите, Сѣриковъ, не сороковка-ли васъ сгубила?

— Какая сороковка?!—кротко удивляется Сѣриковъ.

— Вотъ этакая, что у васъ въ ямѣ.

— Ахъ, водка!—снисходительно улыбается Сѣриковъ.— Нѣтъ, не водка. Въ сороковкѣ—уксусъ, для рыбы.

— А дайте-ка. На донышкѣ что-то есть.

Сѣриковъ поспѣшно взялъ сороковку и выпилъ, что въ ней оставалось.

— Конечно, уксусъ, — сказалъ онъ, подавая бутылку.— Но, странное дѣло, пахнетъ совершенно какъ водкой.

— Вотъ видите!

— Нѣтъ, не думайте. Я догадываюсь: въ бутылкѣ прежде была водка. Я даже припоминаю. Уксусъ принесла мнѣ одна моя знакомая, въ подарокъ, и предупредила, что бутылка была изъ подъ водки.

Очевидно, передъ собесѣдникомъ былъ безвозвратно погибшій человѣкъ, пьяница-мечтатель, пьяница-блаженный.

Такіе—самые пропащіе. Выпьетъ—и чувствуетъ себя въ раю: радуетъ солнце, радуютъ птицы, рощи, цвѣты, радуетъ логовище, въ которомъ живетъ. А тутъ еще «знакомая», которая носитъ «уксусъ», навѣрно такая-же блаженная пьянчушка и такая-же нищая. Этакіе ужь не отъ міра сего, въ бреду, въ полуснѣ. Конечно, и поворовываютъ, что попадется подъ руку, чтобы купить сороковку.

Въ пріютъ Сѣриковъ попросился очень вѣжливо; ему отказали, онъ еще вѣжливѣй откланялся и ушелъ.

Нерѣдко въ баракахъ и пріютѣ послѣ переселенцевъ остаются дѣти. Какіе-нибудь несчастные обратные, или горькая вдова, или овдовѣвшій и пришедшій въ отчаяніе мужикъ прикинутъ свое потомство и, уйдутъ неизвѣстно куда, можетъ быть, въ рѣку бросятся. Такихъ ребятъ стараются помѣстить куда-нибудь въ пріютъ, въ семью, отправить на родину. Случается, что брошенный ребенокъ не знаетъ откуда онъ. Таковъ напримѣръ, Феоктистъ Сувойкинъ. Онъ знаетъ свое имя, знаетъ фамилію, но какъ звали отца,—не припомнитъ: звали тятькой. Ни села, ни губерніи, ни уѣзда тоже не знаетъ: жили дома. Съ этимъ предстоятъ хлопоты по исходатайствованію ему «вида»,—публикаціи, розыски, приписка къ обществу. Родители оставили его въ городѣ на базарѣ, гдѣ Сувойкинъ дня два питался арбузными корками, обливая ихъ дѣйствительно сиротскими слезами. Было ему тогда лѣтъ десять.

Проживаютъ въ пріютѣ и полу-сироты. Мать умерла, отецъ пьяница, осталась дѣвчонка-подростокъ. Отдать ее отцу,—онъ ее куда-нибудь продастъ. Опредѣлить на мѣсто,— отъ того-же отца житья нѣтъ. Такова Ольга Самохина. Ей достали мѣсто няньки, но въ концѣ перваго-же мѣсяца,

когда пришла пора получать жалованье, явился папенька Ольги. Мужикъ высокій, сухой, въ рваной курткѣ, на ногахъ опорки, на головѣ гимназическая фуражка. И добродушный въ сущности мужикъ, но безпробудный пьяница. Пришелъ, вѣроятно, не самъ, а научили пріятели, такіе-же босяки. Требуетъ жалованье дочери. Ему не дали, а онъ выбилъ въ кухнѣ окна и погнулъ самоваръ. Ольгу, разумѣется, отправили, и она вернулась въ переселенческій домъ.

Самохина зовутъ къ «переселенному».

— Слушай, за что ты дѣвчонку губишь?!

Самохинъ, вмѣсто отвѣта, падаетъ на колѣни. Ветхія брюки при этомъ лопаются.

— Что ты по полу-то ползаешь! Оставь дѣвку въ покоѣ.

Молчитъ.

— Самъ пропалъ и дѣвчонку туда-же тянешь.

Молчитъ и начинаетъ утирать слезы.

— Не будешь трогать дѣвку?

— Дайте гривенникъ,—плача хрипитъ Самохинъ.

— А не будешь?

— Не буду.

— Побожись.

— Ей-Богу.

— На гривенникъ, да смотри ты!..

Самохинъ живо вскакиваетъ и уходитъ, но слова, конечно не сдерживаетъ. На новомъ мѣстѣ, куда опредѣлили дочь, онъ продѣлываетъ то-же самое, что и на первомъ, и Ольга вбѣгаетъ въ контору, и въ отчаяніи, и въ ярости. Лицо распухло отъ слезъ, носъ красный. И плачетъ и сердится.

— Ну, Ольга, не вопи. Что-же мнѣ сдѣлать съ тобой?

— Баринъ, отправьте меня на старину. Ей-Богу, я тутъ удавлюсь.

— Какъ-же тебя отправить? Отецъ имѣетъ право тебя назадъ вытребовать.

— Не вытребуетъ. Какой онъ мнѣ отецъ! Вы напишите нашему начальству, какой онъ такой. Вы напишите: до сихъ поръ пьянствовалъ, а теперь ужь воровать сталъ,—до того дошелъ! Вчера на базарѣ страсть какъ били, холернаго. Право, холерный... Какой онъ мнѣ отецъ? И ругать-то не грѣхъ!

Порѣшили отправить Ольгу на родину. Пишутъ ей билетъ для дешеваго проѣзда. Ольга оказывается Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи.

— Села какого?

— Спасскаго-Лутовинова.

— Помощника тамошняго помнишь?

— Помню чуточку. Высокій, бѣлый.

— А какъ-же его звали?

— Кто его знаетъ. Бариномъ звали.

— И не слыхала про него ничего? Про Тургенева, Ивана Сергѣевича? Померъ онъ теперь.

Ольга молчитъ. Она сильно не въ духѣ: боится, какъ-бы отецъ не помѣшалъ ей уѣхать. За нее отвѣчаетъ солидный и обходительный мужикъ, стоящій съ ней рядомъ.

— Мала была: гдѣ упомнить!—говоритъ онъ и съ чувствомъ спрашиваетъ «переселеннаго»:—Сродственникъ вамъ были, али знакомый?

— Это Тургеневъ-то?

— Такъ точно.

— Нѣтъ. Человѣкъ былъ знаменитый. Весь свѣтъ его знаетъ,—я оттого спрашиваю.

— Это... въ турецкую войну?—осторожно спрашиваетъ обходительный мужикъ.

— Нѣтъ, сочинитель былъ.

— Та-акъ...—въ недоумѣніи говоритъ мужикъ.

— Книжки писалъ.

— Такъ, такъ!—съ притворной удовлетворенностью восклицаетъ мужикъ и начинаетъ говорить о дѣлѣ, а не о вѣжливыхъ пустякахъ.

Въ регистраціонныхъ листахъ есть вопросы, почему переселенцы возвращаются обратно: климатъ, неурожай, религіозная и бытовая рознь, невозможность устройства. Нѣтъ графы: уходятъ, спасая нравственность. Ольгу Самохину отправили, чтобы спасти ея нравственность отъ вліянія отца. Но бываютъ случаи и еще болѣе курьезные.

— Какая-то дамочка только-что была, и премилая,—говоритъ письмоводитель «переселенному», который куда-то отлучался.—Премилая, только ужасно застѣнчивая.

— Вѣрно, имѣніе хочетъ переселенцамъ продать.

— Я спрашивалъ, а она краснѣетъ, смущается и говоритъ, что ей непремѣнно нужно видѣть васъ. Хотѣла придти, когда закроемъ присутствіе, часа въ три.

Въ три часа дѣйствительно раздается робкій звонокъ, и, шурша платьемъ, входитъ дамочка лѣтъ двадцати. Одѣта со вкусомъ и далеко не бѣдно. Лицо очень пріятное. Свѣжія губы, изъ которыхъ верхняя—съ усиками и очень мило не достаетъ до нижней, какъ у толстовской княгини Болконской. Добродушные, наивные каріе глаза, густыя и широкія черныя брови.

— Чѣмъ могу служить, сударыня?

Дамочка краснѣетъ до слезъ и теряется, потомъ хмуритъ брови, дѣлаетъ усиліе и начинаетъ:

— Будьте такъ добры, господинъ переселенный, не дѣлайте такого вида, что...

И она останавливается. Глаза совсѣмъ полны слезами. Она быстро утираетъ ихъ и рѣшительно продолжаетъ:

— Ну, однимъ словомъ... Какъ это сказать вамъ? То-есть, что̀ сказать-то, я знаю, и хоть сейчасъ; но только словъ такихъ, чтобы вамъ не было обидно, не приберу... Ну...—Дамочка какъ-будто подталкиваетъ себя и густо краснѣетъ.— Ну, однимъ словомъ, я... Фрося!

И дамочка, тяжело дыша, умоляюще смотритъ на собесѣдника. Собесѣдникъ въ недоумѣніи.

— Ну,—снова толкаетъ себя дамочка.—Ну, однимъ словомъ, не называйте меня сударыней, потому-что я—грязная женщина, какъ говорится, самая послѣдняя и потерянная...

Собесѣдникъ разводитъ руками. Дамочка, оказавшаяся «Фросей», послѣ того какъ раскрыла свое постыдное инкогнито, овладѣла собой и приступила къ дѣлу. Она говоритъ быстро, но съ запиночками. Ей хочется выражаться какъ можно яснѣй, и голова усиленно работаетъ: глаза то разгораются, то меркнутъ, брови хмурятся, сама то блѣднѣетъ, то краснѣетъ,—но уже не отъ смущенія, а отъ усилія мысли.

— Я къ вамъ цѣлый мѣсяцъ собираюсь,—говоритъ она,— и все совѣсть меня убивала. Я вечеромъ Богу помолюсь,—и такихъ, вѣдь, какъ я, Богъ не отвергаетъ,—вечеромъ помолюсь, чтобы Онъ мнѣ смѣлость далъ къ вамъ пойти, и, правда, смѣлость явится. А утромъ встану,—не могу идти. Можетъ быть, это Богъ... то-есть, не Богъ, а можетъ, это

мнѣ только почудилось, что Онъ мнѣ смѣлость послалъ, а я недостойна Его милости... Но сегодня вдругъ рѣшилась, и безъ молитвы... И не знаю, какъ это понять? Какъ это, безъ молитвы?.. Но я думаю, что это прежнія мои моленья... Ну, не знаю я, какъ это вамъ высказать... Ну, все равно... Мы тутъ живемъ съ матерью, и у насъ двѣ сестренки подростаютъ. А я съ другой сестрой... — Фрося вдругъ остановилась, обернулась къ передней и озабоченно и довольно сурово крикнула:—Луша, поди сюда!

Въ передней послышался шорохъ, но никто не вышелъ. Фрося вспыхнула.

— Лукерья Ивановна, нечего церемоніи представлять: ужь извѣстно, по какой дорожкѣ пошла! Что я одна буду стараться!

Изъ передней медленно и неловко вышла хорошенькая блондинка, почти дѣвочка, одѣтая такъ-же щеголевато. Вошла и потупилась, вся красная отъ смущенія.

— Вмѣстѣ пируемъ! — съ неподдѣльнымъ негодованіемъ воскликнула Фрося.—Старшія сестрицы!—Фрося горько засмѣялась.—Нечего, Лукерья Ивановна, глазки опускать: не таковская! Что я, въ самомъ дѣлѣ, одна за всѣхъ и молюсь и прошу!

— Да что-жь, и я попрошу,—полушопотомъ отозвалась дѣвушка.

— Съумѣешь!—опять горько засмѣялась Фрося, остановилась, нахмурила брови, собралась съ мыслями и заговорила:—Что-жь тутъ таить; вотъ мы какія. Очень хороши! Невѣсты!.. Сколько разъ я каялась, даже къ монашкамъ въ скиты уходила, отчитывали. И такъ это гадко все станетъ... Только, безумная я какая-то. Да и не безумная, а сердце

горячее. Вдругъ это про своихъ начнешь думать: какъ мать съ сестренками въ голодѣ, въ холодѣ, въ грязи. Что-жь, думаю, я и такъ ужь погибшая, ужь пропала душа, ужь едва-ли грѣхъ замолишь. Такъ ужь лучше я погибну, да ихъ буду питать, одѣвать. Ну, вернешься къ этой жизни; сначала противно, а потомъ — вино да вино, да тройки, да извощики барышней величаютъ,—и опять это пошло́ да пошло́, покуда—простите—черные представляться не начнутъ. Такіе, какъ вамъ сказать, и на людей не похожи, и лица́ нѣтъ, и тѣла у него нѣтъ, а такъ вотъ, какъ начнешь засыпать, такъ онъ во всѣ окна, двери, во всѣ щели, какъ грязь густая, плыветъ... Обьяснить я только не умѣю... Господи, думаешь, вѣдь это ужь въ адъ мою душу затягиваютъ! Ужаснешься, опять въ скиты спрячешься. А тамъ опять по своимъ сердце горѣть начнетъ... Послѣдній разъ вернулась, а вотъ она, Лукерья Ивановна, вонъ какъ вырядилась! На ту-же дорожку вступила!

— Ужь вы-то больно хороши, Афросинья Ивановна!— презрительно щурясь, сказала Луша.

— И не мѣсто здѣсь вовсе!—сердито остановила сестру Фрося.—Совершенно не мѣсто такія манеры показывать: не трактиръ! И то удивительно, какъ насъ не выгнали... Ну, до чего-же я рѣчь-то довела?.. Да, вернулась я, увидѣла, чуть ее не убила. Хорошо, что дома тогда она не была. Когда вернулась, я отошла, и только такія меня слезы... Никогда я не плачу. Сердце у меня горячее, да голова глупая: мысли такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ. Такъ, чтобы одна мысль долго была, такъ нѣтъ этого. То убить хотѣла, а то все равно сдѣлалось. Но не могу смотрѣть на младшихъ, да и на мать. Мать у насъ — вотъ не повѣрите — хорошая,

добрая, богомольная. Какъ мы у нея такія вышли, не понимаю. Баловствомъ да баловствомъ, немножко да ничего, да ротонду хочется; да, а вдругъ купецъ влюбится, да домъ подаритъ,—и погубили души... Мать однѣхъ молитвъ сколько знаетъ. Иной разъ начнетъ, хоть сутки можетъ читать. А мы что! Я «Вѣрую» еще до конца доплету, а эта барыня и «Вотчу»-то нетвердо знаетъ...

— Извините-съ...

— Молчи! не мѣсто! Не прельщать пришли, а съ просьбой горькой... Ну... Да, такъ про мать я. Повѣрите-ли, день плачетъ, ночь плачетъ. У меня сердце горитъ, а какъ-же ей-то, матери! Одна дочка пошла, другая... Учить — учитъ, а остановить—такъ ужь такъ смирна, такъ смирна. Попробуетъ, а мы фыркнемъ,—и молчитъ, плачетъ... Теперь, сестренки—маленькія, одной двѣнадцать, другой девять. Господи! Повѣрите-ли, третьяго дня я возвратилась часовъ въ пять утромъ домой... съ пиру съ моего веселаго. До́ма ужь встаютъ. Стукнула дверью,—младшая какъ вскочитъ съ просонья—и ну одѣваться. «Что ты, шалая?!» А она: кто, говоритъ, пришелъ? «Фрося пришла». А я, говоритъ, думала, офицеры за мной пріѣхали...

Фрося умолкла. Глаза были полны слезъ. Лицо поблѣднѣло и осунулось, верхняя губа съ усиліемъ плотно сомкнулась съ нижней.—И она упала на колѣни и поклонилась въ ноги. Опустилась она и поклонилась совсѣмъ по-мужицки, по-бабьи, упираясь кулаками въ землю и дотронувшись лбомъ до полу. Лукерья стояла, покраснѣвъ до слезъ и растерянно ковыряя край стола. Афросинья поднялась и гнѣвно взглянула на сестру.

— А вы не можете поклониться, Лукерья Ивановна! Гордость! Чѣмъ гордитесь-то!

Лукерья молчала, краснѣя и теряясь все больше и больше.

— Дура! Простите ее, господинъ переселенный. Надоѣли мы вамъ, такъ я ужь кончу поскорѣй. Отправьте вы мать съ сестренками на старину... Вы не думайте, что мы богатыя. Такія богатыми не бываютъ. Одежда такъ и горитъ, такъ и горитъ, въ аду въ этомъ. Рѣдко-рѣдко когда изъ долга выйдешь... Помогите, отправьте! На старинѣ родня есть, дѣвченокъ разберутъ, а мать дядя взять обѣщается, пишетъ. Въ крестьянствѣ лучше. Замужъ выйдутъ. А тутъ,—за нами пойдутъ. Ротонды-то эти—Афросинья указала на себя и сестру,—онѣ грязныя... Отправьте!—и она опять поклонилась въ землю...

Моръ 1892 года.

И горькая-же это вещь, человѣческая жизнь! Забота за заботой, тревога за тревогой, а иной разъ и самый настоящій ужасъ. Въ прошломъ году объ эту пору «вѣтромъ вѣяло» наказаніе Господне въ образѣ голода; въ этомъ году наказаніе было страшнѣе,—моръ. Голодъ тоже наводилъ ужасъ, но онъ не былъ непреодолимъ, оставлялъ лучъ надежды. «*Батюшка* насъ прокормитъ», говорили мнѣ мужики, отъ Оренбурга до Кустоная, и только объ одномъ тужили: «Насъ-то прокормитъ, не оставитъ, а вотъ скотинкѣ вовсе бѣда; ее кормить, чай, не возьметъ: гдѣ, чай, сѣна напастись»... Холера была неизмѣримо страшнѣй своей неми-

нучестью и непреодолимостью ни для чьихъ заботъ и ни для какихъ усилій. Голодъ поразилъ бѣдняковъ, бездомныхъ, жителей захолустья, куда трудно было провести хлѣбъ,—моръ не щадилъ никого. И въ разгаръ болѣзни населеніемъ овладѣвалъ ужасъ, который выражался или въ тупой покорности, или въ буйномъ отчаяніи. Астрахань, Саратовъ, Хвалынскъ доходили до бѣшенства, бунта и убійствъ. У насъ въ Оренбургѣ, на беззащитныхъ новыхъ мѣстахъ былъ ужасъ тихій: мы помертвѣли. Вотъ какъ надвигался на насъ этотъ ужасъ.

Четырнадцатаго іюля умеръ соборный протодьяконъ, возвратившійся изъ Самары, гдѣ въ это время холера была въ полномъ разгарѣ. Какъ водится, этому не повѣрили, т. е. не факту смерти, а причинѣ ея. Мѣстная газета помѣстила замѣтку, написанную слегка ироническимъ тономъ и выражавшую сомнѣніе въ томъ, что смерть отца протодьякона послѣдовала отъ азіатской холеры (cholera asiatica,—для учености прибавлено въ скобкахъ): мѣстные кохи высказали-де рѣшительное убѣжденіе, что это былъ случай холеры домашней (cholera nostras,—прибавлено въ скобкахъ). Nostras-ли, или asiatica унесла отца протодьякона, но на слѣдующій день было шесть заболѣваній, затѣмъ четыре, затѣмъ двадцать, а тамъ еще больше, еще больше,—и чрезъ двѣ недѣли мы прочли слѣдующій бюллетень: «Состояло больныхъ 592, въ послѣднія сутки заболѣло 253, умерло 193». Оренбургъ не безъ болѣзненной гордости увидѣлъ себя во главѣ городовъ, пораженныхъ эпидеміей. Самара, Саратовъ въ этомъ отношеніи могли ему завидовать. Онъ могъ поспорить съ Астраханью и даже съ Баку. Чтобы понять насъ, оренбуржцевъ, въ это время, я читателю со-

вѣтую припомнить ариѳметику и вычислить число больныхъ, заболѣваемость и смертность, скажемъ Петербурга пропорціонально его населенію при равной силѣ эпидеміи, полагая населеніе Петербурга въ милліонъ, а Оренбурга въ шестьдесятъ тысячъ. Вы получите для Петербурга слѣдующія цифры:

Число больныхъ: 9,886.

Заболѣло въ сутки: 4,216. Умерло въ сутки 3,216.

Подумайте надъ этими цифрами, «повоображайте» маленько—и не осуждайте нашего малодушія.

Повторяю, мы мертвѣли. Какъ это происходило, я позволю себѣ изобразить въ описаніи сутокъ, проведенныхъ человѣкомъ средней мнительности въ разгаръ мора.

Ночь. Средне-мнительный человѣкъ спитъ. Не спитъ за него желудокъ и своимъ бодрствованіемъ мало-по-малу пробуждаетъ и голову.—«Профессоръ Захарьинъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ» призналъ что-то такое не сильнымъ»—думаетъ голова,—« а это *что-то такое*—нѣчто очень скверное... А скверная —зубная боль, похмѣлье, грабитель на темной улицѣ, злой критикъ для сочинителя, островъ святой Елены для Наполеона,—въ особенности, островъ Елены для Наполеона... Ишь, сидитъ! На скалѣ! Сидитъ и думаетъ, какъ-бы удрать съ острова. У него сильно болитъ животъ, у Наполеона, и все оттого, что нельзя возвратиться во Францію. Но вѣдь профессоръ Захарьинъ ясно сказалъ, что это вздоръ, что животъ болитъ не сильно; и что нѣтъ ничего легче, какъ попасть во Францію. Для этого стоитъ только командировать Коха... Кох роспишется—и готово, ничего сквернаго и не будетъ... А скверное это слово: «скверное»! И у Наполеона животъ болитъ все сильнѣй и сильнѣй».

Средне-мнительный человѣкъ вдругъ пробуждается. Наполеонъ? Какой Наполеонъ? Батюшки, не Наполеонъ болитъ, а мой собственный животъ! Который часъ?—Четвертый. Самое *заболѣвательное* время! Неужели холера? Или это—проклятое поддѣльное красное вино, котораго выпилъ вчера въ качествѣ противохолернаго средства полубутылки? Еще съ вечера отъ него было неладно... Фу, мерзость! Будить людей, посылать за докторомъ. Докторъ не идетъ,—за другимъ. Не-махнуть-ли прямо въ холерный баракъ? Теперь—думать: холера это или поддѣльное вино? Сколько хлопотъ, суеты! А спать хочется до смерти. Ну, ладно, лягу ничкомъ и если засну, значитъ—вино; если холера, такъ ужь не дастъ спать... Перевернусь вотъ такъ, лицомъ внизъ... Наполеонъ, какъ я назвалъ свой собственный животъ, теперь будетъ далеко внизу. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. И Наполеонъ, и Захарьинъ и Кохъ, и холера—тамъ внизу. Такъ далеко, что я ихъ почти не вижу. Будемъ спать...» Средне-мнительный человѣкъ засыпаетъ: на этотъ разъ это было всего лишь скверное красное вино.

Утро. Пробужденіе тяжко, но не потому, что страшно холеры,—со сна о холерѣ еще не думается,—а по причинѣ жары, которая на дворѣ доходитъ до 35° въ тѣни, а въ комнатахъ всю ночь не опускалась ниже 27°. Облитый потомъ и сердитый, съ тяжелой головой, подымается оренбуржецъ. Попадись въ эти мгновенія хоть сама холера, и ея-бы не испугался, а обругалъ. Надо мыться, непремѣнно кипяченой водой, а вода еще не совсѣмъ остыла и отвратительно тепла. Надо пить чай, горячій чай, а душа проситъ графинъ холоднаго квасу. Все раздражаетъ, все сердитъ. Чай пьется съ ненавистью. Чтобы нѣсколько развлечься,

оренбуржецъ пьетъ его на-ходу и посматриваетъ въ окно. На противоположной сторонѣ улицы—лавка гробовщика, отпираетъ лавку и передъ «починомъ» молится. Оренбуржецъ при этомъ зрѣлищѣ мгновенно мѣняетъ настроеніе. Только-что сердитый, онъ робѣетъ.

— О чемъ онъ молится! О чемъ этотъ человѣкъ можетъ молиться! восклицаетъ онъ.

— Наискосъ новый открылся,—со вздохомъ говоритъ лакей, услышавшій это восклицаніе.

Оренбуржецъ заглядываетъ наискосокъ. Дѣйствительно, «открылся» новый. Новый тоже «отпирается» и тоже усердно молится. Двѣ проходящія мимо бабы останавливаются и съ ужасомъ глядятъ на молитву гробовщика. Старый гробовщикъ на новаго смотритъ взглядомъ не конкуррента, а авгура...—Тьфу, и оренбуржецъ садится за работу.

Но работающая голова удивительнымъ образомъ раздвоилась. Одна половина—не-то верхняя, не-то правая—работаетъ, а другая неусыпно наблюдаетъ состояніе... «наполеона». Наполеонъ какъ-будто молчитъ. Такъ только иной разъ его покалываетъ. Можетъ быть, нервное... Можетъ быть! А можетъ быть, и другое *можетъ быть*. Вѣдь эти «запятыя» тоже хитрецы: проскочатъ изъ желудка въ кишки,—и держись тогда «наполеонъ». Опять кольнуло! Проскочившая запятая рисуется воображенію оренбуржца такъ ясно, что онъ покрывается мгновенной испариной, вскакиваетъ, ходитъ нѣкоторое время по комнатѣ и снова подходитъ къ окну.

Гробовщики торгуютъ лихо (о чемъ они могли молиться!?). Каждыя пять, десять минутъ къ нимъ подъѣзжаютъ телѣги, запряженныя то лошадью, то верблюдомъ, то волами. Въ телѣгѣ—мужикъ или баба, съ пожелтѣвшимъ лицомъ, оста-

новившимися глазами и сонными движеніями. Плакать—никто не плачетъ. Выбираютъ гробъ, простой, бѣлый, — крашеные давно всѣ вышли,—гробовщикъ вѣжливо и оживленно помогаетъ покупателю положить покупку на телѣгу, и телѣга отъѣзжаетъ. Вотъ и еще, и еще покупатели. Вотъ приближается, должно быть, хорошій покупатель: хорошая крашеная телѣжка на желѣзныхъ осяхъ, крашеная дуга. Оренбуржецъ вглядывается—и слегка блѣднѣетъ: знаетъ онъ эту телѣжку! Вотъ уже десять дней, какъ нельзя пройти по улицѣ, чтобы не встрѣтиться съ этой *хорошей* телѣжкой и ей подобными.

Съ виду телѣжка похожа на ту, въ которой мясники возятъ телятъ. Такая-же развалистая и низкая, такъ-же внутри выложена свѣтлымъ цинкомъ. Она тщательно выкрашена и вся блеститъ чистотой и опрятностью. Охъ, ужь эта опрятность! Опрятна и даже элегантна телѣга, чиста везущая ее лошадка, и только не элегантенъ возница. Одѣтъ онъ въ какую-то нѣмецкую куртку, на головѣ новый картузъ не по мѣркѣ, лицо слегка опухшее, борода брита дня три тому назадъ. Возница сидитъ полуобернувшись назадъ, куритъ самодѣльную папиросу и тусклыми глазами равнодушно посматриваетъ то на лошадь, то на нѣчто, лежащее въ выложенной блестящимъ цинкомъ телѣгѣ. Оренбуржецъ уже знаетъ что́ тамъ лежитъ, но не можетъ оторвать взгляда отъ подъѣзжающаго экипажа. Когда онъ проѣзжаетъ мимо, оренбуржецъ видитъ въ телѣжкѣ лежащаго навзничь татарина, въ худомъ зипунѣ, босого. Руки и ноги подергиваются, какъ будто отъ тряски, но какъ будто и не отъ тряски. Одна нога все упирается въ возницу, а возница равнодушно все отводитъ ее отъ себя. Эта нога точно приковала къ себѣ

взглядъ оренбуржца, и онъ не успѣлъ взглянуть на лице татарина,—но, кажется, ничего особеннаго оно не выражало.

Оренбуржецъ задумался. Все роковое, непреодолимое—необыкновенно просто. Что можетъ быть проще, какъ лечь въ оцинкованную опрятную телѣжку и дрыгать ногой! Возница будетъ очень равнодушно на тебя смотрѣть и еще равнодушнѣй отводить ногу, которая ему мѣшаетъ... А въ телѣжку тебя положитъ «запятая», которая очень просто проскользнетъ изъ желудка въ кишки. Стóитъ-ли тревожиться такой простотой?...

А вотъ и еще телѣжка, такая-же опрятная и красивая. Цинкъ блеститъ такъ-же свѣтло. Сытая лошадка выступаетъ такъ-же весело. Возница такъ-же куритъ, но держитъ себя уже совершенно безмятежно, даже не оглядывается; ѣдетъ даже рысцой и подстегиваетъ веселую лошадку возжей. Сзади него, совсѣмъ близко къ его спинѣ, по турецки сидитъ рослый мужчина, въ нарядѣ десятника на какихъ нибудь работахъ. Хорошій картузъ, хорошіе сапоги бутылками, сѣрая лѣтняя пиджачная пара, и серебряная цѣпочка по жилету. Мужчина сидитъ, опустивъ длиннобородую голову на грудь и слабо держась руками за края телѣги. Опущенная голова болтается, спина время отъ времени сгибается и съ трудомъ выпрямляется. Лицо неподвижно спокойное, но сѣраго цвѣта; руки блѣдны до зелени. Какъ это спокойно, какъ это просто!

— Завтракать подано,—говоритъ лакей.

Нечего дѣлать, надо садиться завтракать. Ничего не можетъ быть противнѣй этого завтрака. Душа проситъ какой-нибудь ботвиньи или окрошки, или холоднаго кислаго молока, а тутъ извольте ѣсть горячій бифштексъ, непремѣнно

съ соусомъ изъ вареной моркови, ибо исключительно мясная пища не рекомендуется. Бифштексъ еле лѣзетъ въ горло; съ морковью—еще хуже. Запить эту гадость рекомендуется краснымъ виномъ. Но вино памятно по прошлой ночи и замѣнено extra-гадостью, хинной водкой. Вдобавокъ, лакей не убралъ со стола отравы для мухъ и не смелъ самихъ мухъ. Невольно взоръ обращается на этихъ мухъ.

Съ-пятокъ весело летаетъ надъ столомъ. Одна покушается на бифштексъ, другая на морковь, третья на хинную водку. Эта послѣдняя попробовала водку, навѣрно въ душѣ плюнула и, въ негодованіи, по прямой линіи вылетѣла въ другую комнату. Оренбуржецъ вполнѣ понимаетъ ее. Онъ понимаетъ и остальныхъ двухъ, но отгоняетъ ихъ. Нечего дѣлать, мухи обращаются къ отравѣ. Нѣсколько мгновеній онѣ весело пьютъ,—вводятъ «запятыя» въ свои мушиные желудки. Еще нѣсколько мгновеній, и запятыя попадаютъ въ мушиныя кишки. Мухи трутъ лапками шеи, протираютъ глаза, чистятъ крылья:—это имъ мерещится Наполеонъ на островѣ Святой Елены. Мухи припадаютъ на одну сторону и выпускаютъ хоботки:—это онѣ сидятъ въ оцинкованной телѣжкѣ, имѣя еще силы держаться за ея края. Наконецъ, мухи перевернулись на спину и слабо шевелятъ ножками... Какъ это просто!...

— Смети ты, ради Создателя, мухъ! Сколько разъ тебѣ говорено!—раздраженно кричитъ оренбуржецъ лакею.

Простота рокового доказано наглядно и неопровержимо. Это доставило-бы большое удовлетвореніе для пытливаго ума, если бы «наполеонъ» велъ себя какъ-слѣдуетъ. Но онъ будируетъ. Сначала, конечно, помаленьку,—но вѣдь все начинается помаленьку, съ копѣечной свѣчи. Наполеонъ будируетъ, и подъ его вліяніемъ все окружающее принимаетъ

удручающую окраску, зловѣщее значенiе. Пытливый умъ пораженъ «простотой»,—и все, что просто, наводитъ унынiе. Простые прямые углы комнаты, тоже простой четырехъ-угольникъ бумаги, на которой приходится писать, простая форма книгъ, стоящихъ на полкѣ, простой, безконечное число разъ повторяющiйся рисунокъ обоевъ на стѣнѣ. И «наполеонъ» будируетъ тоже просто. И въ простой некрашенный гробъ попадешь тоже очень просто. Словомъ, и съ тобой произойдетъ такой-же простой и вздорный случай, какой на твоихъ глазахъ только-что былъ съ мухами. Все произойдетъ по порядку, точно по правиламъ, ничего не будетъ особенно ужаснаго, особенно эффектнаго (не то что какая-нибудь смерть на театрѣ, въ драмѣ или оперѣ), а вотъ подите-же, душно, томно, голова тупѣетъ, глаза начинаютъ смотрѣть въ одну точку, дѣло валится изъ рукъ и клонитъ какая-то унылая дремота. «Въ холерное время эти запятыя во всѣхъ сидятъ, только не всякаго одолѣть могутъ», сказалъ на-дняхъ знакомый врачъ. И вотъ, ясно чувствуешь въ себѣ очень естественное, очень *простое* присутствiе запятыхъ и прислушиваешься къ борьбѣ «наполеона» съ запятыми. Кто побѣждаетъ? То кажется, что «наполеонъ», то почти убѣжденъ, что одолѣваютъ запятыя. Остаешься безсильнымъ свидѣтелемъ этой простой борьбы, пробуешь спать, не засыпаешь и уныло уходишь изъ дома, разсѣяться.

На дворѣ конецъ iюля. Здѣсь въ это время, несмотря на жару, лѣто уже начинаетъ походить на осень. Полное безвѣтрiе. Небо сине. Воздухъ прозраченъ какъ хрусталь. Перспективы длинныхъ прямыхъ улицъ точно чисто-на-чисто вымыты. Красивыя домики—точно принаряженныя барышни. Сосны Каравансарая и тополи молодыхъ скверовъ зеленѣютъ

и округляются въ молчаливомъ удовольствіи. У ихъ корней по канавкамъ журчитъ холодная и прозрачная вода арыковъ. Слава Богу, это—не просто, не по правиламъ, не роковое. Это прихотливое исключеніе, называемое красотой и радостью. Оренбуржецъ переводитъ духъ и кличетъ знакомаго извощика. Вмѣсто него, на козлахъ сидитъ тринадцатилѣтній мальчуганъ.

— Ты сынъ, что-ли?—спрашиваетъ оренбуржецъ.

— Сынъ,—отвѣчалъ мальчуганъ, упорно глядя на уши своей лошади.

— А отецъ гдѣ-же?

Мальчуганъ молчитъ.

— Гдѣ отецъ-то? Говори.

— Дома,—и видно, какъ мальчуганъ глотаетъ слезы.

— Говори правду. Померъ, что-ли?

— Померъ,—шепчетъ мальчуганъ, не сводя глазъ съ ушей лошади.

— Ну, милый, на тебѣ двугривенный, а я съ тобой не поѣду.

— Что-жь!—шепчетъ мальчуганъ, не глядя, беретъ деньги и, понурившись, шагомъ отъѣзжаетъ на свое мѣсто.

Оренбуржецъ подзываетъ другаго, старика.

— Что, братъ, неладно дѣло-то?!

— Да ужь такъ-то неладно, ваше благородіе, такъ неладно, что жудостнѣй и не надо.

— Какая-же она, эта жудость?

— А такая, что и живъ человѣкъ, а руки-ноги плохо подымаются.

— Боишься?

— И не боюсь, а словно лубяной. Не то высохъ, не то замерзъ.

— Ну, братъ, и я такой-же лубяной. Богъ милостивъ.

— Да ужь если не Господь-Батюшка, такъ кто-же! Въ канцелярію, ваше благородіе?

Въ канцеляріи тихо, скромно. Мало курятъ, болтаютъ *конфиденціально*, шепотомъ. Газету возьмутъ, наткнутся на корреспонденцію изъ холерныхъ мѣстъ или на холерные бюллетени и бросятъ съ омерзеніемъ. У большинства лица пожелтѣли, глаза запали, сюртуки сидятъ мѣшками. То тотъ, то другой начинаетъ торопливо рыться въ карманахъ или въ ящикѣ стола, вытаскиваетъ бутылочку и, выпучивъ глаза, прикладываетъ ее къ губамъ. Содержаніе бутылочекъ обнаруживаетъ большое разнообразіе склонностей, характеровъ и состояній. Зрѣлые люди придерживаются баклановской микстуры или перцовки. Молодые интеллигенты-писцы вѣрятъ въ соляную кислоту. Маститый столоначальникъ, ровесникъ Оренбурга, несокрушимо убѣжденъ въ цѣлебной силѣ чистаго березоваго дегтя. Чиновникъ особыхъ порученій сосетъ лимоны. Предъ начальствами стоитъ лафитъ, крымскій и иностранный. Куда-то проносятъ бутылку Fine Champagne. Въ одномъ изъ угловъ въ видѣ исключенія оживленно разговариваютъ.

— О чемъ честная бесѣда?

— О бунтѣ въ —скомъ селѣ. Ѣздилъ туда усмирять.

— Сильно бунтовали?

— Вздоръ! Докторъ оказался изъ «нашихъ» и поднялъ ложную тревогу. Присылаетъ губернатору телеграмму: «Если не будетъ прислана вооруженная сила, ни за-что не ручаюсь». Ну, я вооружился, дали мнѣ шесть казачковъ. Пріѣхалъ,—

тихо, но докторъ блѣденъ какъ смерть.—«Покушались, говоритъ,—на мою жизнь».—Какъ-же покушались?—«Мы, говорили мужики, изъ тебя (т. е. изъ доктора) чай-то выпустимъ».—А докторъ отъ страха все чай пилъ съ лимономъ, и изъ избы не показывался, только изъ окна фельдшеру приказанія отдавалъ:—Да изъ-за чего-же бунтъ?—Не знаетъ!.. Сталъ разбирать дѣло. Оказывается, мужики не повѣрили лѣкарству и для испытанія дали кошкѣ. Кошка чихаетъ. Тогда ей насильно запихнули въ глотку; стрѣлой бросилась на печку, ичетъ, но жива. Ей вторую порцію, третью, четвертую,—конечно, околѣла... Ну, тутъ и объявили, что доктору чай-то выпустятъ. Нечего дѣлать, зачинщиковъ, у которыхъ морды были поскврнѣе, которыхъ хоть каждый день пори, такъ только одна польза для человѣчества будетъ, выпоролъ, а господина «изъ нашихъ» отчита-алъ!

На нѣсколько мгновеній этотъ разсказъ оживляетъ канцелярію, отвлекая ея мысли отъ простоты и монотонности бѣдствія. Но входитъ сторожъ и, блѣдный, вытягивается у дверей.

— Что случилось?!

— Мѣшочкина, ваше благородіе, забрало.

Собесѣдники переглядываются и умолкаютъ. Мѣшочкинъ, это—другой сторожъ. Имѣющій въ канцеляріи командованіе встаетъ и съ блѣднымъ, но рѣшительнымъ лицомъ выходитъ вмѣстѣ со сторожемъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвращается, садится и смотритъ на уголъ стола.

— Такъ кошкѣ дали?—улыбаясь лубяными губами, спрашиваетъ онъ.

— Кошкѣ!—отвѣчаетъ усмиритель, по мѣрѣ возможности оживляя лубяное лицо.

— А вчера у насъ одного чиновника свезли изъ присутствія,—уже безъ слѣда улыбки и съ невольнымъ вздохомъ говоритъ имѣющій командованіе.

— Говорятъ, баклановская микстура...—замѣчаетъ одинъ.

— Мой отецъ разъ вылечился просто керосиномъ.

— Клистиры изъ танина...

— Э, что тамъ!—внезапно подымаясь, съ ожесточеніемъ восклицаетъ худощавый нервный субъектъ.—Я одно знаю: заберетъ—лягу и помру. Керосинъ!!!

Опять на улицѣ. Опять деревья, солнце, небо, воздухъ радостны и веселы. Не пройтись-ли пѣшкомъ?

Оренбуржецъ идетъ и любуется. Все-бы хорошо было, еслибъ не эти проклятыя запятыя. Урожай, какого лѣтъ двѣнадцать не было. Тра́вы—половину степей не косили. Народъ началъ отъѣдаться новымъ дешевымъ хлѣбомъ. Скотина нетолько сытая, но жирная... Вонъ мужикъ въ телѣгѣ на верблюдѣ ѣдетъ. Не верблюдъ, а прямо герой: шерсть курчавая, глаза веселые, сытые горбы торчмя-торчатъ; даже не кричитъ, а телѣгу тащитъ шутя. Любопытный оренбуржецъ прибавляетъ шагу, чтобы сойтись съ верблюдомъ, пересѣкающимъ ему дорогу, и поближе взглянуть на великолѣпную скотину. Они сходятся и мгновенно лицо оренбуржца принимаетъ лубяное выраженіе. Правитъ верблюдомъ живой мужикъ, сбоку сидитъ живая баба, а въ телѣгѣ навзничь раскинувши руки, недвижимо лежитъ бородатый полумертвецъ съ коричневымъ лицомъ.

Оренбуржецъ задумывается, круто поворачиваетъ назадъ къ зеленѣющему скверу и прячется въ него. Онъ уходитъ подъ деревья и садится на скамью. По арыку бѣжитъ вода, журчитъ, искрится въ лучѣ солнца, пробравшагося сквозь

листву,—а въ этой водѣ... запятыя, милліоны, милліарды запятыхъ!.. Не сидится оренбуржцу въ такомъ многочисленномъ сосѣдствѣ. Онъ подымается и снова показываетъ носъ изъ сада на площадь.

Прямо подымается строющійся красивый соборъ. Подрядчикъ, строющій его, умеръ надняхъ, вслѣдъ за нимъ умерло нѣсколько рабочихъ. Направо, въ саду больницы, поставлены бараки и кибитки для больныхъ. Изъ-за забора высоко подымается труба съ сѣтчатымъ колпакомъ. Изъ трубы валитъ густой дымъ—жгутъ одежду холерныхъ. Дымъ наноситъ на оренбуржца—онъ находитъ его очень сквернымъ. У новыхъ некрашеныхъ воротъ, продѣланныхъ въ садовомъ заборѣ больницы только недавно, кучка народа, преимущественно бабъ. Время отъ времени ворота пріотворяются, оттуда показывается человѣкъ безъ шапки, въ рубахѣ навыпускъ, что-то говоритъ и тотчасъ-же захлопываетъ ворота. Это справляются о здоровьѣ паціентовъ. Въ заборѣ—щели, а у щелей тоже люди, больше всего мальчишекъ и молодыхъ парней. Каждый нашелъ себѣ щель по росту, голову вытянулъ впередъ, тѣло держитъ на всякій случай подальше и жадно глядитъ. Любопытныхъ никто не отгоняетъ, щелей не задѣлывали—пусть убѣждаются, что никого тамъ не душатъ и не жгутъ живьемъ въ трубѣ, изъ которой время отъ времени валитъ черный дымъ.

Оренбуржецъ смотритъ на все это, и опять его поражаетъ угнетающая простота бѣды. Ни шума, ни слезъ, ни криковъ. Напротивъ, все тише, гораздо тише обыкновеннаго:—и разговоры вполголоса, и неторопливое движеніе телѣжекъ, выложенныхъ цинкомъ, и шагъ верблюда, привезшаго полумертвеца въ больницу,—но это затишье какое-то

перешибленное, опасно-раненое... Вонъ въ тѣни сквера стоитъ телѣга, и какъ мирно стоитъ! Лошадь мѣрно машетъ мордой отъ мухъ. Въ телѣгѣ навалено какое-то тряпье. У передка стоитъ женщина, склонивъ голову и шевеля руками такъ, какъ-будто она распутываетъ узелъ, — время отъ времени зубами себѣ помогаетъ... Вотъ какъ просто,—но навѣрно и тутъ что-нибудь неладно.

Оренбуржца тянетъ подойти поближе. Онъ идетъ—на телѣгѣ тряпье и ничего больше. Онъ ближе—тряпье. Онъ заходитъ со стороны — женщина у передка неторопливо шьетъ,—очевидно, наволочку изъ ситца съ голубыми цвѣтками по бѣлому полю. Еще ближе — женщина оказывается молодой. По капризно-глуповатому лицу видно, что это—дѣвка. Лицо красно, сердито, и изъ глазъ текутъ слезы... Что за притча?! Еще ближе—и въ тряпьѣ, въ задкѣ телѣги, оренбуржецъ вдругъ видитъ неподвижное женское лицо съ огромными, закрытыми, свинцово-синими глазами и заострившимся длиннымъ носомъ.

— Что ты тутъ стоишь?!—восклицаетъ оренбуржецъ.

Дѣвка молчитъ.

— Въ больницу, что-ли, везешь?

Дѣвка капризно сморкается, обходясь посредствомъ пальцевъ, и сердито молчитъ.

— Очумѣла ты, что-ли? Что ты шьешь? И нашла гдѣ шить!

Дѣвка сердито переступаетъ на мѣстѣ и продолжаетъ шить, изрѣдка смахивая ладонью слезы со щекъ.

— Эй, ты! Сестрица! Спроси, когда чего не знаешь!

Лошадь тронула, было, съ мѣста, дѣвка яростно дернула ее за возжи и молчитъ.

— Да ты въ умѣ что-ли повредилась?

Злобное сморканье,—и молчитъ.

— Ну, и будетъ-же тебя мужъ, когда замужъ выйдешь, стегать! — не выдерживаетъ оренбуржецъ и идетъ своей дорогой.

Дорога ведетъ мимо церкви, въ которой находится особенно чтимая икона. Теперь ее цѣлый день носятъ по городу. Вотъ и сейчасъ готовится выносъ къ кому-то на домъ. Батюшка въ камилавкѣ ожидаетъ на паперти. Руками, которыя изъ подъ фелони кажутся короткими, онъ держитъ передъ грудью крестъ и смотритъ въ землю. Вотъ показались изъ церкви съ иконой, крестами и хоругвями. Икону подымаетъ молодежь, видимо, братья и сестры, изъ средней купеческой семьи. Пріятныя и свѣжія лица полны сознаніемъ важности совершаемаго, вѣры, нѣкоторой гордости и нѣкотораго смущенія. Священникъ оглянулся на нихъ, вздохнулъ и пошелъ впередъ. Молодежь, бѣлокурыми волосами которой игралъ проникнутый солнечнымъ свѣтомъ воздухъ,— за нимъ. Навстрѣчу имъ, напрягаясь и коряча задъ, сильная лошадь везетъ телѣгу, тяжело нагруженную гробами. Свѣжія лица молодежи не измѣнили своего выраженія.

Вотъ аптека; и въ ней, и около нея — ярмарка. Сквозь окна видно, какъ у прилавковъ толпятся бабы, мужики, солдаты, господа, барыни. То-и-дѣло подымаются руки, которыя или протягиваютъ рецепты, или принимаютъ стклянки и коробки съ лекарствами. Къ подъѣзду и отъ подъѣзда то-и-дѣло бѣгутъ рысцой посланцы, подъѣзжаютъ извощики, телѣги и дальніе деревенскіе тарантасы, парой и тройкой, съ бубенцами и подвязанными колокольчиками.

Вдали на улицѣ показался знакомый докторъ, работаю-

щій въ одной изъ холерныхъ больницъ. Быстро проѣзжая мимо, онъ не кланяется, а только съ отчаяніемъ на-ότмашь машетъ рукой. За послѣдніе десять дней онъ похудѣлъ фунтовъ на двадцать, поблѣднѣлъ, побѣлѣлъ и не улыбается, какъ обыкновенно, а не совсѣмъ естественно блестящимъ взглядомъ смотритъ въ пространство передъ собой.

Миновалась аптека, единственный оживленный пунктъ улицы, — и опять тишина, сверкающее солнце, синее небо, кудрявыя вершинки молодыхъ тополей вдоль тротуаровъ и желтыя, неподвижныя лица людей, напоминающихъ маньяковъ. Ходятъ и движутся медленно и осторожно, точно чтобы не встряхнуть и не разсердить запятыхъ, буде таковыя уже забрались въ «наполеона». Разговариваютъ съ такимъ выраженіемъ лица, которое ясно обнаруживаетъ, что говорятъ-то они о разныхъ разностяхъ, а думаютъ объ одномъ. Кто наединѣ съ самимъ собой, у тѣхъ лицо уже совсѣмъ остановившееся. Это остановившееся выраженіе такъ тягостно оренбуржцу, что онъ низачто не хочетъ, оставшись одинъ, пріобрѣсти, такое-же, и рѣшается зайти къ знакомымъ.

Звонитъ. Дверь отворяетъ самъ хозяинъ. Это очень милый, любѐзный и общительный человѣкъ. Онъ видимо радъ, что къ нему зашли, но чѣмъ-то смущенъ. Онъ улыбается, киваетъ головой, жметъ руку, но за порогъ не пускаетъ.

— Извините меня,—говоритъ онъ,—ради Бога, извините, но никакъ не могу принять васъ! Жена стираетъ, а я варю обѣдъ. Вотъ какая исторія!—сконфуженно прибавляетъ онъ.

— Отчего-же вы это сами?

— Да ужъ что тутъ подѣлаешь! Жена до того, бѣдная, тревожится, до того измучилась,—и съ дѣтьми—Петю, кромѣ

того, къ переэкзаменовкѣ готовитъ—и со стиркой, и хлѣбъ печетъ...

— Да отчего-же вы такими Робинзонами? Даже хлѣбъ сами печете?!

— Жена ужасно мнительная, да, по правдѣ, и я ей вполнѣ сочувствую. Развѣ можно поручиться, что кухарка вмѣсто отварной воды не дастъ сырой! Или булочная! Чортъ ихъ знаетъ, кто тамъ тѣсто мѣситъ! А, вѣдь, довольно одной запятой, чтобы...

Хозяинъ блѣднѣетъ и умолкаетъ. Оренбуржецъ удаляется. Но хозяину совѣстно, и онъ хочетъ загладить непріятное впечатлѣніе.

— Вы на чемъ остановились, на камфарномъ спиртѣ или на мятѣ?—оживленнѣйшимъ тономъ кричитъ онъ въ догонку.

— На спиртѣ,—такъ-же оживленно отвѣчаетъ гость.

— Ага!.. А я на мятѣ.

Хозяинъ улыбается, машетъ рукой и премило киваетъ головой. То-же дѣлаетъ и гость. Но лишь только они отворачиваются, у обоихъ лица принимаютъ остановившееся выраженіе.

Подъѣздъ другого знакомаго. Отворяетъ лакей и блѣдно улыбается.

— Дома баринъ?

— Дома-съ.

— Здоровъ?

Лакей мнется.

— Не такъ, чтобы очень-съ.

— Что-же съ нимъ?

— Говорятъ: я нездоровъ.

— Животомъ?

— Вродѣ того-съ.

— И докторъ былъ?

— Были.

— Что-же сказалъ?

— Прописали лекарство.

— Мяту?

— Никакъ нѣтъ. Порошки.

— Каломель? Бѣлые?

— Б-бѣловатые-съ...

— Ну, знаешь, я барина не стану безпокоить.

— Да они не лежатъ-съ, еще похаживаютъ.

— Все равно, знаешь, не... того, не стану безпокоить. Кланяйся, непремѣнно кланяйся!

— Слушаю-съ.

Гость поспѣшно удаляется. Лакей остается на крыльцѣ и облегченно смотритъ на свѣтъ Божій.

— И передай, чтобы скорѣй поправлялся баринъ,—издали бодро кричитъ гость. Но лишь только лакей запираетъ подъѣздъ, бодрость оставляетъ оренбуржца. Не то, чтобы страшно, а руки-ноги плохо подымаются, и самъ онъ дѣлается вродѣ лубяного.

Оренбуржсцъ дотягиваетъ до вечера. Въ девять часовъ уже совсѣмъ темно. Въ половинѣ десятаго всходитъ на небо полный мѣсяцъ. Нашъ герой въ темной комнатѣ сидитъ у окна и смотритъ на улицу. На дворѣ прохладно и попрежнему невозмутимо тихо: ни звука человѣческаго, ни вѣянія вѣтра. Небо зеленовато-синее; крупныя звѣзды, не испугавшіяся луннаго свѣта, смотрятъ на землю бѣлыми точками. И чего-чего только не передумаетъ человѣкъ въ такія минуты! И какихъ только несбывшихся желаній и новыхъ не-

сбыточныхъ мечтаній не закрадется въ его душу! Ничего «простого», ничего рокового; напротивъ того, все, что вложено въ человѣка гордаго, самостоятельнаго, тоскующаго по красотѣ и счастью—оживаетъ въ это время. Такія минуты—отдыхъ, а отдохнувшій, опамятовавшійся человѣкъ припоминаетъ, что онъ—человѣкъ... точно это велика штука.

Тихо... Но вотъ тишина и лунная ночь начинаютъ точно стонать. Гдѣ-то далеко раздаются какіе-то звуки, жалобные, просящіе,—и смолкаютъ... Проходитъ пять минутъ, десять,—и звуки слышнѣй. Звуки приближаются, крѣпнутъ, то несутся слѣва, отраженныя стѣной высокаго дома насупротивъ; то справа, гдѣ они на самомъ дѣлѣ раздаются, и опять смолкаютъ... Долго не слышно ничего. И вдругъ подъ самымъ окномъ раздается жалобный, просящій говоръ сотни голосовъ. Нашъ герой вздрагиваетъ и высовывается изъ окна. На перекресткѣ улицъ стоитъ толпа татаръ, сотни въ двѣ, въ бѣлыхъ чалмахъ, и въ одинъ голосъ нараспѣвъ что-то говоритъ, на что-то жалуясь, о чемъ-то прося. Слезы слышатся въ этомъ стоголосомъ звукѣ... Это татары молятся о прекращеніи страшной болѣзни. Жутко отдается въ груди слушателя эта тоскливая жалоба и эта просьба, полная сомнѣнія...

Снова все тихо. Снова только лунный свѣтъ наполняетъ городскія улицы. Но проходитъ четверть часа, и надъ городомъ, то тамъ, то здѣсь подымается далекими, едва слышными вздохами какъ-будто пѣніе. То смолкая, то усиливаясь, оно приближается, ростетъ, ростетъ,—и подъ окнами показывается новая толпа. На этотъ разъ это женщины. Всѣ въ черныхъ сарафанахъ, всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ и платкахъ. Луна освѣщаетъ толпу сзади и отбрасываетъ впереди ея

длинную зубчатую тѣнь, черную, какъ сарафаны женщинъ. Женщины поютъ, и пѣніе ихъ, однообразное, негромкое, звучитъ тоже жалобой и тоскливой просьбой. Это обходятъ городъ раскольничьи вдовы и дѣвушки, съ пѣніемъ «Заступницы усердной»...

Спать! И еслибы не снилось ничего на этотъ разъ! Только едва-ли: навѣрно приснятся отравленныя мухи...

Въ это тревожное время особенно думалось о «запятыхъ» въ переселенческой конторѣ.

Прибѣгаетъ баба, бросается въ ноги, хватаетъ за каблуки и воетъ.

— Встань!

Встаетъ.

— Что тебѣ?

Лицо бабы дѣлается сердитымъ.

— Померъ!—со злостью восклицаетъ она.—Померъ! Блевалъ-блевалъ, всею меня заблевалъ (простите, читатель, за выраженіе), скорчило его—и померъ.

Баба злобно смотритъ въ уголъ и снова начинаетъ выть.

— Батюшка-а̀! Родимый мой! Что-же съ дѣточками малыми безъ мужа я дѣлать буду-у!.. Отправь ты меня съ этой каторжной новой стороны на старину-у...

Баба снова хочетъ ухватиться за каблуки. Отъ этого съ живостью уклоняются...

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Новыя мѣста.

Оренбургъ 7
Отъ Оренбурга до Орска 16
Новая линія 32
Кустонай 45
Тобольніе Поселки 54
Голодъ 59
Изъ поселковъ въ Троицкъ 66
Уралъ 78

Переселенцы.

Толпа 93

Герои.

Нѣмцы 121
Малороссы 129
Великороссы 137
Курьезы 156
Моръ 1892 года 181

Цѣна 1 руб.

Ив

Дозволено цензурою. Спб. 5 Авг. 1894 г. Тип. Контр. жел. дор.

